

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

С. Ф. Галимов

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ЗАРИФА БАШИРИ**

Казань
2017

УДК 821.512.145
ББК 83.3(2Рос=Тат)
Г 15

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор

кандидат филологических наук, доцент **А.М. Ахунов**

Рецензенты:

доктор филологических наук **З.З. Рамеев,**
кандидат филологических наук **А.А. Хасавнех**

Галимов С.Ф.

Г 15 Литературно-художественное и публицистическое наследие Зарифа Башири / С.Ф. Галимов. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 184 с.
ISBN 978-5-93091-228-9

Монография посвящена исследованию творческого наследия З. Башири, являясь маленьким шагом в деле восстановления исторической действительности полной картины развития татарской литературы первой половины XX века.

УДК 821.512.145
ББК 83.3(2Рос=Тат)

ISBN 978-5-93091-228-9

© Галимов С.Ф., 2017

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Решая задачу воссоздания целостной картины татарской литературы, современное литературоведение обращается к малоизученным страницам истории литературы. Изучение художественного наследия неизвестных широкому кругу читателей или преданных забвению творческих личностей, возвращение в историю литературы и переосмысление наследия активно участвовавших в литературном процессе тех или иных эпох писателей позволяет воссоздать, реконструировать литературный процесс, национальные особенности художественного творчества, выявить аксиологическую ситуацию общества в целом.

Татарская литература первой половины XX века представляла собой чрезвычайно сложную и необычайно многокрасочную картину. На первом ее плане возвышались фигуры известных классиков – Г. Тукая, Ф. Амирхана, М. Гафури, Г. Камала, Г. Ибрагимова. Их творчество с детства знакомо представителям татарского народа и воспринимается как критерий художественного совершенства и общественной значимости. Вместе с тем в литературе этого периода до сих пор остаются невозвращенными полузабытые имена писателей, творческое наследие которых весьма неоднозначно. Так, в последние годы были исследованы творческое наследие Ахметзяна Биктимирова¹, Ахнафа

¹ Бикташев Р.И. Литературное и публицистическое наследие Ахметзяна Биктимирова: начало XX века: автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 2007. 31 с.

Тангатарова¹ и др. Среди оставшихся в тени авторов есть и имя Зарифа Шарафетдиновича Башири – татарского писателя-просветителя и публициста. Мало сохранилось информации о жизни писателя, так как он вел активный образ жизни, часто переезжал из одного места в другое. Литературные критики и читатели первой половины XX века знали его в основном по газетным статьям, журнальным публикациям и, несомненно, по повести «Чувашская девушка Аниса». А многие труды писателя до сих пор остаются неизданными.

Творчество самобытного писателя золотого века татарской литературы З. Башири весьма значительно по объему и многожанрово. Он оставил после себя романы, повести, рассказы, стихотворения, поэмы, статьи и очерки. Пристального внимания заслуживает проза и публицистика автора, в которой нашли художественное воплощение его взгляды на окружающую действительность, в полной мере отражен национальный дух его творчества. Анализ и оценка сквозь призму художественной эстетики, философии, а также в контексте общественной деятельности З. Башири позволяют осветить особенности художественного почерка просветителя, сформировавшегося в период обновления татарского общества и представить историческую эпоху в целом. Возвращение литературного наследия З. Башири в историю татарской литературы, многоаспектное изучение его произведений, введение новых источников и результатов исследования в научный оборот станут значительным вкладом в воссоздание панорамы литературной жизни исследуемого периода.

До настоящего времени не существует монографического исследования, посвященного творчеству Зарифа Башири. Несмотря на определенный интерес литературоведов к

¹ Хасанова А.М. Творчество Ахнафа Тангатарова: жанровые и художественные особенности: автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 2011. 27 с.

письменному наследию писателя, предпринятые ими изыскания носят фрагментарный характер. В работах Г. Сагъди¹, М. Гайнуллина², В. Хакова³, А. Гиниатуллиной⁴, И. Рами и Р. Даутова⁵, З. Рамеева⁶, М. Ахметзянова⁷, Ф. Галимуллина⁸, З. Гилязова⁹ содержится некоторая информация о жизни З. Башири, рассматриваются отдельные произведения (поэзия, повесть «Чувашская девушка Аниса», очерки «Чуваши»), указывается их тематика, однако эти сведения, как

¹ Сэгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. Б. 65.

² Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. Б. 3–8; Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. С. 89, 270–273; Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Татар әдипләре (ижат портретлары). Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. Б. 183–187; Гайнуллин М. Бай мирас // Социалистик Татарстан. 1978. 4 май; Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Казан утлары, 1978. № 5. Б. 170; Гайнуллин М.Х., Сафуанов С.Г. Зариф Башири // Краткая литературная энциклопедия: гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. 1964. Т. 2: Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. С. 994–995.

³ Хаков В. Зариф Бәшири әсәрләре // Совет әдәбияты. 1959. № 6. Б. 13–115.

⁴ Гиниатуллина А.К. Зариф Башири // Писатели Советского Татарстана: биобиблиографический справочник. Казань: Таткнигоиздат, 1970. С. 183–187.

⁵ Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Б. 46–47.

⁶ Рәмиев З. Ижаты игътибар сорый // Социалистик Татарстан. 1988. 12 май; Рәмиев З. Тукай һәм замандаш әдипләр. Казан: ТаРИХ, 2004. Б. 67–73.

⁷ Әхмәтжанов М.И. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. Казан, 2005. Б. 69–70.

⁸ Галимуллин Ф. Табиғыйлеккә хилафлык: (XX гасырның 20–30 елларында татар әдәбиятының үсеш үзенчәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Б. 208–214, 227.

⁹ Гилязов З.З. Татарская литература начала XX века в книжных изданиях. Казань, 2005. С. 26–25, 63–64.

правило, приводятся на фоне общего обзора литературного процесса. Поэтому по ним невозможно составить полного представления о художественном мире и творческом пути писателя. Некоторая информация о жизни писателя содержится в работах Э. Башири¹ и Р. Батуллы². Работу внука писателя Э. Башири мы характеризуем как деятельность, направленную на популяризацию творчества З. Башири. Публицистическое наследие автора вовсе не привлекало внимание исследователей, тогда как целостное осмысление прозы открывает путь к более полному объективному изучению его публицистики, и наоборот.

Таким образом, актуальность настоящей работы обуславливается, во-первых, малоизученностью жизненного и творческого пути З. Башири, во-вторых, научной потребностью выявления особенностей его публицистических и художественных произведений, изучения жанровой и проблематической систем литературного наследия, и в-третьих, необходимостью определения места самобытной творческой индивидуальности в литературном процессе начала XX века.

Писатель, журналист, публицист и просветитель Зариф Шарафетдинович Башири родился 5 мая 1888 года в семье муллы в деревне Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Кайбицкий район Республики Татарстан). Начальное образование получил у своей матери. В 1898–1902 годах учился в Буинске, но, будучи не удовлетворенным качеством и уровнем преподавания, в 1902 году переходит в школу деревни Акзигитово. Именно здесь юный Зариф

¹ Башири Э. Тропинка, ведущая к свету // Ветеран Башкортостана. 2012. Янв; Башири Э. Мой дед Зариф Башири // Истоки. 2012. №14. Апрель; Башири Э. Эше калсын мең яшәрлек имән булып // Кызыл таң. 2012. 14 июль.

² Батулла Р. Урыннары жәннәттә булсын! Мәрхүм шәхесләребез турында мәрсияләр, хатирәләр. Казан: Рухият, 2007. Б. 703, 712.

начинает увлекаться литературой¹. О юности писателя можно узнать из его книги-автобиографии «Встречи с современниками» («Замандашларым белән очрашулар») и повести «Чуваш кызы Әнисә»² («Чувашская девушка Аниса»).

В 1906 году на страницах газеты «Казан мөхбире» («Казанский вестник») издается его первое стихотворение «Яшә, хөррият, яшә» («Да здравствует свобода!»), а через год выходит в свет первый сборник стихотворений «Милләт кайгысы» («Горе народа»).

В 1907–1908 годах он обучается в медресе «Мухаммадия». В эти годы З. Башири активно участвует в революционном движении. В 1908 году он переезжает в Оренбург, где сначала работает корректором в типографии Каримовых, Хусаиновых, позже – секретарем журнала «Чүкеч» («Молот»). В это же время он активно печатается на страницах таких газет и журналов, как «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), «Йолдыз» («Звезда»), «Вақыт» («Время»), «Шура» («Совет»), освещая различные стороны жизни своего времени. К примеру, в 1909 году в журнале «Шура» издаются этнографические очерки «Чувашлар» (Чуваши). В «Чүкеч» публикуются его стихотворения, посвященные Габдулле Тукаю (1886–1913). Два рукописных стихотворения, где автор дает высокую оценку творчеству татарского народного поэта, хранятся в фонде З. Башири Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (далее ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ).

В период с 1908 по 1910 год З. Башири считается самым активным среди детских писателей.

¹ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. Б. 17.

² Бәшири З. Чуваш кызы Әнисә: повесть. Казан: Бөрәдәрән Кәримовлар, 1909. 79 б.; Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. Б. 88–194.

В 1909–1914 годы выходят в свет 23 книги З. Башири, среди которых как отдельные рассказы, так и сборники стихотворений¹.

Как стало известно из воспоминаний писателя и сохранившихся в фонде ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ материалов, З. Башири из-за разных причин приходилось часто менять место жительства. Так, в 1910–1912 годах работает учителем в Пензенской и Тамбовской губерниях. Преподавательскую деятельность он продолжает и в Степном генерал губернаторстве (на территории современного Казахстана). С 1913 по 1917 год З. Башири учительствует в городе Капал. После февральского восстания он переезжает в Верный (ныне город Алма-Ата). Там работает в редакции юмористического журнала «Садак»² («Колчан»), издаваемого на татарском языке. В 1918–1919 годы является заведующим Отделом образования города Жаркент современного Казахстана. Позже переезжает в Ташкент. С 1921 года является членом совета ассоциации пролетарских писателей. В Среднеазиатском государственном университете (Узбекская АССР г. Ташкент) преподавал узбекский и уйгурский языки и литературы.

Знания о жизни, традициях, культуре, быте разных народов (узбекского, чувашского, казахского, уйгурского), накопленные во время переездов и проживания в разных регионах, стали основой для множества статей и художественных произведений З. Башири. Известность получили его этнографические очерки «Чувашлар» (опубликованы в журнале

¹ См.: Приложение.

² Информация взята из архива Союза писателей Республики Башкортостан. Ф. Р-4627. Оп. 4. Д. 9. Л. 4. Журнал «Садак» не указывается в библиографическом указателе Р.Р. Гайнанова, Р.Ф. Марданова, Ф.Н. Шакурова «Татарская периодическая печать (1905–1924)». Информация о нем дана в татарском энциклопедическом словаре (1998).

«Шура»¹), написаны также очерки «Мишэрлэр»² («Мишаре»), рассказы и роман об узбеках (сохранились в рукописи и машинописном варианте). Глубокое понимание языка, литературы, фольклора тюркских народов отражается и в книгах из серии «Литература соседних народов» «Ўзбэк эдэбияты» («Узбекская литература»), «Чуваш эдэбияты» («Чувашская литература»), «Уйгыр эдэбияты» («Уйгурская литература»).

В 1926 году общественность Узбекистана отметила двадцатилетие литературно-творческой деятельности З. Башири.

В 1931–1932 годы З. Башири жил и работал на Донбассе в г. Сталино заведующим отдела литературы в газете «Пролетарият», которая была предназначена для татарских рабочих. После, в 1932–1933 годы работает старшим инспектором по сберкассам Народного Комиссариата Финансов РСФСР в городе Москва. В 1933 году после долгих скитаний возвращается в Уфу, где назначается на должность инспектора в Народный Комиссариат Финансов БАССР. Здесь З. Башири работает над повестью «Карағош яуы» («Нашествие Карагуша»), которая позже была издана на башкирском языке. С 1936 года писатель является персональным пенсионером. В 1938 году З. Башири принимают в Члены Союза Советских писателей БАССР. По сохранившимся материалам в архиве ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, жизнь З. Башири в Уфе была сложной. Он не раз обращается в различные инстанции с просьбой улучшить жилищные и бытовые условия, оказать материальную помощь.

В 1938 году (арестован 29 апреля 1938 г.) З. Башири был осужден по ст. 58 ч. 2-8-11 как «враг народа» и был

¹ Башири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 10. Б. 300–302; № 11. Б. 337–339; № 12. Б. 366–367; № 13. Б. 404–405; № 14. Б. 430–432; № 15. Б. 459–460; № 16. Б. 498–500; № 17. Б. 531–534; № 18. Б. 557–558; № 10. Б. 591–593; № 21. Б. 654–656; № 22. Б. 685–686.

² Союз писателей Республики Башкортостан. Ф. Р-4627. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.

репрессирован. 1938–1946 годы писатель отбывал на Колыме (ГУЛАГ), затем в Белебеевском районе БАССР. В связи с чем после 1940-х годов его произведения перестают публиковать. Об этом З. Башири пишет и в своих оставшихся в рукописи воспоминаниях и письмах современникам. Лишь 19 сентября 1956 года писатель был реабилитирован, а с родных снято «клеймо» – жена и дети врага народа. 30 октября 1956 года З. Башири восстановили в Союзе писателей Башкирии как «одного из старейших татарских писателей». В Казани и в Уфе после 27-летнего перерыва начинают выходить его произведения, в том числе и не публиковавшиеся ранее. Например, к его юбилею были приурочены «Сайланма эсэрләр»¹ («Избранные сочинения», 1958), куда вошли стихотворения и «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса»), отдельной книгой вышли в свет «Карағош яуы»² («Нашествие Карагуша», 1958), «Замандашларым белән очрашулар»³ («Встречи с современниками», 1968).

Поэт, прозаик и журналист Зариф Башири скончался в 1962 году и был похоронен на мусульманском кладбище г. Уфы.

Исследователи, критики и писатели всегда неоднозначно относились к творчеству З. Башири. Его сочинения неоднократно критиковались. Например, Г. Тукай считал, что работы З. Башири слабы и сухи, а «для поддержания жизни питается главным образом травой, именуемой «жвачкой чужих мыслей»⁴. Писатель подвергся обструкции и со стороны Закиры

¹ Бәшири З. Сайланма эсэрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. 196 б.

² Бәшири З. Карағош яуы. Өфө: Башкортостан кит. изд., 1958. Б. 23.

³ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 291 б.

⁴ Нуруллин И.З. Тукай: авториз. пер. с тат. Р. Фиша. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 162.

Шараф¹ за ложные факты, приведенные в его автобиографической книге «Замандашларым белән очрашулар» («Встреча с современниками»). Невысокого мнения о писателе был С. Кудаш². Вслед за Г. Тукаем Х. Вали обвиняет З. Башири в сухости и эпигонстве, но в то же время подчеркивает, что после Октябрьской революции творчество писателя поднялось на новую ступень, изменились взгляды и мировоззрение, а стиль и техника усилились³. В. Хаков также отмечает, что в его стихотворениях запечатлилась современная автору действительность с акцентом на интересы и стремления народа⁴.

В настоящее время в фондах ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся многочисленные материалы о жизни и творчестве З. Башири, его поэзия, рассказы, повести и романы З. Башири. Его фонд состоит из 1 описи, которая включает в себя 81 дело. Материалы данного фонда в основном вобрали в себя документы периода 1905–1968 гг. Они были полностью описаны старшим научным сотрудником ИЯЛИ КФАН СССР Х.Г. Саймановой и сданы 10 сентября 1968 года. Общая информация о фонде З. Башири дана М.И. Ахметзяновым в книге «Мирасханә: фонд һәм коллекциялар күрсәткече» («Путеводитель коллекций и фондов хранилища», 2005).

Среди материалов фонда З. Башири, на наш взгляд, особую ценность представляют следующие рукописи и автографы писателя:

– рукописи циклов стихотворений З. Башири, состоящие из 3 томов: «Уйларым»⁵ («Думы мои», 585 л.),

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 198.

² Там же.

³ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁴ Хаков В. Зариф Бәшири әсәрләре // Совет әдәбияты. 1959. № 6. Б. 113–115.

⁵ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 1.

«Гөлләрәм»¹ («Цветы мои», 382 л.), «Көннәрәм»² («Дни мои», 257 л.) (написаны в период с 1905 по 1956 г.);

– стихотворения и поэмы³ (упорядочены по алфавиту; 271 л.);

– рукописи рассказов «Бэхетле ана»⁴ («Счастливая мать», 14 л.), «Яман аталар»⁵ («Дурные отцы», 35 л.), «Чытлы хатын тырнагыннан»⁶ («Из под «когтей» женщины-кокетки», 21 л.), «Инде төшенде»⁷ («Теперь понял», 7 л.), «Арма»⁸ («Не уставай» 9 л.), «Асламчылыкта»⁹ («В коробейниках», 40 л.) и др.;

– повести «Авылларда давыллар»¹⁰ («В селах буря», 170 л.), «Карағош яуы»¹¹ («Нашествие Карагуша», 148 л.);

– рукопись романа «Аумакайлыктан яки көннәр өстендә»¹² («Из-за беспринципности» (I том, 4 части; 650 л.) и машинопись романа «Тау култыкларында»¹³ («В ущельях», 559 с.).

3. Башири оставил после себя богатое творческое наследие, основную часть которого составляют автографы писателя. Изучение художественных произведений, публицистики, различных документов из его архива дает исследователям информацию не только о жизни и творчестве З. Башири, но и позволяет представить более полную картину общественной жизни периода, когда жил и творил писатель. Они также

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 2.

² Там же. Ед. хр. 3.

³ Там же. Ед. хр. 4.

⁴ Там же. Ед. хр. 17.

⁵ Там же. Ед. хр. 21.

⁶ Там же. Ед. хр. 26.

⁷ Там же. Ед. хр. 28.

⁸ Там же. Ед. хр. 29.

⁹ Там же. Ед. хр. 24.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 25.

¹¹ Там же. Ед. хр. 25.

¹² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 9–12.

¹³ Там же. Ед. хр. 5.

являются серьезным источником в изучении национальной идентичности и менталитета татарского народа.

В нашей работе широко используются архивные материалы, хранящиеся в ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Мы также опирались на материалы фонда Зарифи Башири из архива Союза писателей Республики Башкортостан.

Объектом нашего исследования является проза (а именно, рассказы «Картада отылган кыз» («Девушка, проигранная в карты»), «Яшәсен авыл кызлары!» («Да здравствуют деревенские девушки!»), «Бәхетле ана» («Счастливая мать»), повести «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса»), «Карағош яуы» («Нашествие Карагуша»), роман «Тау култыкларында» («В ущельях»), из ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ) и публицистическое наследие писателя, так как именно в них писателем метко схвачены и художественно ярко воплощены явления действительности в ракурсе исторической и национальной специфик.

Предметом данной работы является национальная и историко-культурная выразительность прозы и публицистики З. Башири.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном изучении жанрово-художественных, идейно-эстетических, историко-культурных и национальных особенностей художественной прозы и публицистики Зарифа Башири, определении его места и роли в истории татарской литературы.

Теоретической и методологической основой данной работы являются исследования по теории литературы таких исследователей, как Г.Н. Пospelов, Ю.Н. Тынянов, М.М. Бахтин, Н.Т. Рымарь, А.Я. Эсалнек, В.Е. Хализев, Л.В. Чернец, В.М. Головкин, Н.А. Гуляев, Т.Т. Давыдов, В.А. Пронин, В.А. Миловидов, Н.Д. Тамарченко, П.А. Николаев, А.А. Торшин, по истории татарской литературы: Г. Сагди, И.З. Нуруллина, А.Г. Ахмадуллина, Ф.М. Мусина, З.З. Рамеева,

Ф.Г. Галимуллина, М.В. Гайнутдинова, Р.К. Ганиевой, Д.Ф. Загидуллиной и др., а также коллективные труды «Татар әдәбияты тарихы» (История татарской литературы, 1989), «Литература народов России: XX в.: словарь» (2005), по публицистике: Б.Н. Лозовского, М.С. Черепахова, Р.У. Амирханова, М. Гайнуллина и др.

В своей работе мы также опираемся на труды историков А.А. Арутюнова, И.Н. Данилевского, В.В. Кабанова, В.А. Козлова, Н.Л. Рогалинай, В.Е. Щетнева, Н.А. Ивницкого, фольклористов, этнографов и этнологов И.М. Снегирева, Г.Н. Волкова, В.П. Иванова, П.П. Фокина и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что публицистика и литературное наследие З. Башири впервые исследуются в монографическом плане в качестве целостного и оригинального литературного явления в тесной взаимосвязи с историческими событиями и литературным процессом начала XX века. На основе литературоведческого анализа части творческого наследия писателя – романа «Тау култыкларында» («В ущельях»), повестей «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса») и «Караҗош яуы» («Нашествие Карагуша»), рассказов «Картада отылган кыз» («Девушка, проигранная в карты»), «Яшәсен авыл кызлары!» («Да здравствуют деревенские девушки!»), «Бәхетле ана» («Счастливая мать»), очерков «Чувашлар» («Чуваши») и многочисленных статей выявляется самобытность художественного мышления и своеобразие художественного почерка писателя, основная проблематика и жанровая характеристика произведений.

Впервые нами осуществлена текстологическая обработка корпуса арабиграфичных произведений писателя, введены в научный оборот его малоизвестные труды, а также архивные материалы.

1. ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЗЫ ЗАРИФА БАШИРИ

1.1. Формирование художественных взглядов З. Башири и жанрово-художественное многообразие прозы писателя

«Как явление искусства произведение художественной литературы занимает определенное место в творчестве писателя и в литературном процессе в целом. Оно прямо или опосредованно связано со многими литературными явлениями предшествующих периодов развития литературы, а также с теми, что создавались одновременно с ним»¹, – отмечает литературовед А.А. Торшин. В то же время понимание писательского замысла и его воплощения невозможно без жанровой характеристики его творчества.

Время литературного дебюта З. Башири – начало XX века. Это – «эпоха переходная, эпоха разложения феодальных порядков, утверждения капитализма; эпоха революций и роста национально освободительного движения угнетенных народов»². Вместе с тем и татарская литература этого периода представляет собой сложное, многогранное явление. Рост революционной и классовой борьбы дает почву для

¹ Торшин А.А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 21.

² Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 54.

становления и развития критического реализма, который, впрочем, не вытесняет из литературного процесса романтизм и просветительский реализм¹. Исследователи также говорят и о модернистских течениях (футуризм, имажинизм и др.) этого периода². «В этот период слово писателя исполняло роль мощного рупора выражения национального самосознания, призывающего народ к общественно-политическому пробуждению, социокультурному возрождению»³. Авторские книги, сборники, газеты и журналы играли важную роль, которая заключалась в посредничестве между писателем и читателем.

З. Башири пробует свое перо еще в годы учебы в медресе. Свое первое произведение он написал под впечатлением от прочитанных книг, которыми были «Авиценна» Каюма Насыри (1825–1902) и драма Фатыха Халиди (1850–1923), взятая из жизни испанских арабов. На наш взгляд, этой драмой является «Биш картина үзәренә театральный хикәят. Залим ачлык. Испания Сәед Яхъя бәянында» («Театральный рассказ о пяти картинах. Беспощадный голод. Испания в повествовании Саида Яхьи»), в котором Ф. Халиди выступает как просветитель⁴. Жанр своего первого произведения «Карун белән Харун» («Карун и Харун») З. Башири характеризует как «что-то похожее на рассказ». Рассказ был написан с большим трудом и, возможно, поэтому был популярным лишь среди ограниченного круга шакирдов. Башири окрыляли их

¹ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязь. С. 54–58; Нуруллин И. XX йөз башы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. Б. 5.

² Заһидуллина Д.Ф. Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2007. Б.3.

³ Рамеев З.З. Текстология татарской литературы начала XX века. Казань: Алма-Лит, 2008. С. 7.

⁴ Мөхәммәтшин З. Мәгърифәтче әдипләребездән берсе // Казан утлары, 2000. №12. Б. 176.

хвалебные слова и рекомендации написать новый рассказ. Автор понимал, что его первое произведение по своему художественному воплощению было на невысоком уровне. Этот рассказ писателя был опубликован в 1912 году в типографии «Миллэт».

Произведения К. Насыри и Ф. Халиди, на наш взгляд, не только подтолкнули к написанию рассказа, но и оказали существенное влияние на формирование художественных взглядов З. Башири в целом.

В годы учебы в медресе Акзигитово он знакомится с произведениями М. Гафури «Фэкыйрьлек белән үткән тереклек» («Жизнь, прошедшая в нищете», 1903), «Себер тимер юлы йэки әхүле миллэт» («Сибирская железная дорога, или Положение нации», 1904), Г. Камала «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша», 1900). Они оказали большое воздействие на формирование творческих взглядов З. Башири. Считая стихотворения М. Гафури совершенными, З. Башири сравнивал свои произведения с творениями поэта. К талантам своей эпохи З. Башири относит Ш. Бабича, Г. Тукая, Г. Камала, Н. Думави, М. Укмаси, Ф. Амирхана, К. Тинчурина, Дэрдмэнда. Как пишет писатель в своей книге «Замандашларым белән очрашулар», с большинством из них он был знаком лично. Свои стихотворения З. Башири показывал и своим кумирам. Например, Н. Думави, который дал положительную оценку отдельным лирическим произведениям Зарифа, и С. Рамиеву¹.

Первое его стихотворение «Яшә, хөррият, яшә!»² («Да здравствует свобода!»), в котором воспевались свобода, идеи революции, было опубликовано в газете «Казан хәбәрләре» («Казанский вестник») в 1906 году. Как отметил известный

¹ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 35, 69, 78, 90, 108.

² Бәшири З. Яшә, хөррият, яшә! // Казан мөхбире. 1906. 20 январь.

литературовед М. Гайнуллин, по художественному оформлению стихотворение было несовершенным. Однако оно точно отражало настроение эпохи¹. Позднее его стихи появляются в таких известных татарских журналах, как «Шура»², «Чүкеч». Поэтические произведения занимают значительное место в творческом наследии Зарифа Башири. В 1907 году вышел в свет сборник его стихов «Милләт кайгысы» («Забота о нации»). 1908–1910 годы появляются сборники «Тутый тавышы» («Звуки речки Тутый», 1908), «Яз кояшы» («Весеннее солнце»), «Ядкәр» («На память», 1909), «Юаткыч йә уяткыч» («Утешающее или пробуждающее», 1909), «Яз тамчылары» («Весенняя капель», 1909), «Иртәнге азан» («Утренний звон», 1910), «Хиссият баскычлары» («Колыбель чувств», 1910). В ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся также рукописи стихотворений З. Башири, состоящие из 3-х томов: «Уйларым» («Думы мои», 585 л.), «Гөлләрем» («Цветы мои», 382 л.), «Көннәрем» («Дни мои», 257 л.), написанные в период с 1905 по 1956 г. В дореволюционных стихотворениях автора поднимаются темы, традиционные для татарской литературы этого времени: тяжелая жизнь крестьян, стремление к свободе. «Поэт варьирует, и очень талантливо, одну из главных тем творчества М. Гафури. Стихотворения «Теләнче» («Нищий», 1905), «Карчык» («Старуха», 1905), «Бер асрауның зары» («Стенания одной прислуги», 1907) проникнуты его искренним сочувствием бедноте»³. Стихотворения «Кемгә дус?» («Кому друг?», 1908), «Акча» («Деньги», 1908), «Сугыштан соң» («После войны», 1909), «Яхшылык» («Добро», 1909), «Ялкау фәл-

¹ Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Зариф Бәшири. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. Б. 3.

² Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 34–36, 89.

³ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. 434 с.

сәфәсе» («Философия ленивца», 1910), «Уйларым турында» («О думах моих», 1914), «Көннәрем турында» («О днях моих», 1944) содержат философско-этические взгляды автора на жизнь.

Как пишет профессор Р.К. Ганиева, несмотря на процесс европеизации, «тюркские литературы конца XIX – начала XX века продолжают тяготеть к своим фольклорно-литературным истокам»¹. Для оценки окружающего мира автор нередко накладывает основную нагрузку на использованные им элементы татарского фольклора. Так, в стихотворении «Сугыштан соң» (1909) незначительной трансформации подвергается известная пословица *сугыштан соң батырлар күбәя* ‘после драки смельчаков хоть отбавляй’. С другими репликами из народного творчества она приобретает новое содержание. В стихотворении «Свайчы Жәләш бабайга хат» (1926) автор обращается к форме диалога, свойственной произведениям устного народного творчества:

*«Бабай, кулың нигә каткан?» – дигәч,
«Тормыш, балам, тормыш!» – дия идең;
«Бабай, дисәм: нигә күзең очлы?
Чәнчеп карый безнең күзләргә».
«Очландырды тормыш!» – дия идең дә,
Башкаеңны аска ия идең.*

(Спрошу если, «Дед, почему жесткие руки твои?»
Ты отвечал «Жизнь, сынок, жизнь!»
«А почему глаза острые
Аж пронзает взгляд твой?»
«Острым сделала их жизнь»
Ты отвечал и голову склонял. – С.Г²).

¹ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 59.

² Наши переводы не претендуют на художественные.

В стиле народных сказок созданы поэтом образы деда Минлебая и бабушки Минлебики в стихотворном рассказе «Нургали солдат» («Солдат Нургали», 1911).

Поэзия З. Башири, как было отмечено критиками и современниками, не содержит больших художественных открытий. Все же отдельные из его стихотворений получили положительную оценку, например, любовная лирика. А стихотворение для детей «Болыт һәм балалар теләге» («Туча и желания детей», 1908) вошло в составленный Г. Тукаем учебник «Мәктәптә милли әдәбият дәресләре» («Уроки национальной литературы в школе»). К числу лучших стихотворений Башири М. Гайнуллин относит «Болыт һәм балалар теләге» («Туча и желание детей», 1908), «Анам кабере янында» («У могилы матери», 1909), «Сакла теленне!» («Береги язык», 1909), «Янә вөждан турында» («Еще раз о совести», 1912), «Ватан бәйрәмендә» («На празднике отчизны», 1912), «Уйларым турында» («О думах моих», 1914)¹. О высоком художественном уровне стихотворений «У могилы матери» и «Туча и желания детей» свидетельствует тот факт, что они впоследствии стали любимыми произведениями учащихся татарских мектебе и медресе, исполнялись хором, а потом стали жить как народные песни².

В творчестве З. Башири большое место занимает проза, в которой поднят пласт жизни народа в ее напряженных конфликтах. Наиболее примечательная черта прозы писателя состоит в том, что все лучшее из созданного им в самых различных жанрах глубоко связано с национальной темой.

¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. С. 272–273.

² Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. С. 273.

Обращают на себя внимание заглавия художественных произведений. В них «выделяется смысловая доминанта»¹, что, по словам Т.Т. Давыдовой, «говорит о четком формулировании автором идеи и тем»². Например, рассказы «Картада отылган кыз» («Девушка, проигранная в карты», 1912), «Бэхетле ана» («Счастливая мать», 1910), «Яман аталар» («Дурные отцы», 1910–1944), «Чытлы хагын тарнагыннан» («Из под «когтей» женщины-кокетки», написан в 1916), «Инде төшенде» («Теперь понял», 1927), «Рэхэт тормыш яшэр ил белэн!» («Пусть юность увидит хорошее вместе с родиной!», 1944), «Тормыш өчен үсэлэр» («Растут для жизни», год неизвестен), «Тэрелэр арасында мулла абзый шәүләсе» («За иконами силуэт муллы», 1930) и др.

Как известно, «классический рассказ отличаются сгущенность повествования, концентрация события в малом художественном временном континууме»³. Сюжет в рассказах З. Башири состоит из одной, двух линий, в действии участвуют несколько персонажей. В повествовании событий особая роль принадлежит рассказчику. Таковыми являются «Бэхетле ана» («Счастливая мать», 1910), «Яшәсен авыл кызлары» («Да здравствуют деревенские девушки», 1910). Сложным в композиционном плане следует признать рассказ «Картада отылган кыз» («Девушка, проигранная в карты»), в котором насчитывается несколько рассказов. Рассказ ведется то от лица рассказчика, то от лица героев. Такая структура, как известно, характерна для «Кырык вәзир кыйссасы» («Повесть о сорока везирях», 1886), «Әфсанаи Гөлрух вә Кәмәржан» (1896) К. Насыри, «Мең дә бер сәхәр» («Тысяча и одно утро»,

¹ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.

² Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы: уч. пособие. М.: Логос, 2003. С. 208.

³ Там же. С. 125.

1904) Ф. Халиди. З. Башири как и многие просветители считал эту форму повествования удачным для реализации авторского замысла.

Опираясь на теоретические исследования литературоведения, рассказы З. Башири мы делим на лирические и сатирические. Лирические рассказы в большинстве своем посвящены детям. Например, «Бэхетле ана» («Счастливая мать», 1910), «Ефэк күлмэк» («Шелковая рубашка», 1927). Как и другие писатели, изображающие мир детства, З. Башири стремится раскрыть тему образования, труда, любви к матери, к родному краю. Герои, поддерживаемые высокими стремлениями, увлекают за собой убедительными суждениями, своей позицией, взглядом на мир. Поэтому эти произведения пронизывают принципы просветительского реализма.

Воспеванием высокой нравственности наполнен рассказ писателя «Шаян Фәһим» («Шалун Фагим», 1911). Здесь ярко проявилось умение писателя с помощью слова передать детскую психологию. «Ефэк корты» («Шелкопряд», 1962 – в машинописи сохранилось первое название «Цин-цзанлунның бүләкләре» («Подарки Цин-цзанлун», 1936) мы относим к рассказам романного типа, так как в нем воссоздается вся жизнь героя, но при этом под определенным углом зрения. С одной стороны, рассказ познавательного характера, с другой – преследует воспитательные цели. В нем доходчиво и увлекательно рисуется появление шелководства, дается высокая оценка таким качествам человека, как любознательность, трудолюбие, преданность и находчивость.

Не только в стихотворениях, но и в рассказах З. Башири обращается к фольклорному богатству татарского народа. Например, наиболее полному отражению авторской позиции служит использованный им рассказ анекдотического содержания о представителях мусульманского духовенства и простом деревенском мужике в повести «Әлмәт хәзрәт фәлсәфәләре»

(«Философия просвещения Альмата», 1909–1932). Этот рассказ органично вписался и в очерки «Чувашлар».

В рассказах «Асламчылыкта» («В коробейниках», 1914), «Тәүфыйк-хидаят» («Нравственно правильный путь», 1913) представлен образ жизни простого человека, ценности и приоритеты народа, поднимаются проблемы нравственности и смысла жизни. В «Тәүфыйк-хидаят», на наш взгляд, в описани женщины, совершившей преступление, впервые в творчестве З. Башири появляются элементы натурализма.

К сатирическим мы относим рассказы «Куш чикләвек» («Сросшийся орех», 1928), «Тәреләр арасында мулла абзый шәүләсе» («За иконами силуэт муллы», 1930). По тематике это антирелигиозные произведения. В них ярко отражается авторское восприятие мира и умение тонко подмечать истоки негативных явлений. Писатель намеренно ставит своих героев в различные комические ситуации, в которых остро проявляются все их недостатки. В этих рассказах автор высмеивает недалекость мулл-кадимистов, их взгляды на окружающий мир.

Главный герой рассказа «Кара тараканнар» («Черные тараканы», 1927) Сунгатулла Зайнуллин рисуется автором в сатирическом ключе. Поступки, формы поведения и общения, мысли, намерения героя, раскрытые автором, подчеркивают нежизнеспособность такого типа людей. Однако через восприятие именно этого героя автор показывает произошедшие исторические события – революцию, НЭП.

Его фельетоны «Дин кушкан вәхшилек» («Дикость по велению религии», год неизвестен), «Самавыр белән ишәк» («Самовар и ишак», год неизвестен), «Комган белән мәзин» («Кумган и муэдзин», год неизвестен) характеризуются сатирическим и актуальным для своего времени звучанием.

Как известно, «в 30-е годы в <...> прозе совершенствовалась коцепция героической личности, усиливалась тяга

писателей к изображению человека, к поэтизации борца за социализм, обстоятельств его духовного роста»¹. Такая специфика литературы 30-х годов ярко проявилась в произведениях среднего и крупного эпического жанров, например, в повестях «Карагош яуы» («Нашествие карагуша», 1937), в романе «Тау култыкларында» («В ущельях», написан в 1939 г.). Особенность этих произведений заключается в использовании элементов натурализма. Будучи вписанной в рамки реалистического образа, натуралистическая модель сообщает ему новые параметры, новую глубину. Так, описания, отягощенные натуралистическими подробностями, служат «средством усиления трагического эффекта, в создании которого принимают участие внеэстетические способы воздействия, ориентированные не на высшие, социальные чувства воспринимающего, а на биологические»².

Жанр произведения «Аумакайлыктан яки көннәр өстендә» («Из-за беспринципности» 650 л.) определяется как роман. В ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся четыре части первого тома рукописи этого произведения. О существовании других томов нам не известно. В этом произведении автор также обращается к переломным моментам в жизни татарского народа. Настоящее и грядущие перемены описываются З. Башири через призму видения и понимания маленького мальчика.

«Замандашларым белән очрашулар» («Встречи с современниками», 1968) – автобиографическое произведение. Хотя «заглавие отражает фрагментарность воспоминаний,

¹ Логвин Г.П. Романтическая поэтизация в русской Советской прозе 30-х годов (к типологии стилевых течений) // Типологическое изучение литературного процесса (на материале советской литературы): межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1987. С. 91.

² Миловидов В.А. Натурализм: метод, поэтика, стиль (проблемы сравнительного литературоведения): уч. пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993. С. 16.

их выделенность из потока представлений прошлого и избирательный характер»¹, в нем описываются события из жизни писателя, начиная с детства. В потоке персонажей появляются многие знаменитые личности – современники писателя: Ш. Бабич, Г. Тукай, Г. Камал, С. Рамеев, Дэрдменд, М. Гафурри, К. Мутыги и др. Отметим, что современники говорили и об искажении некоторых фактов. Однако при наличии фактической основы, на наш взгляд, не исключается субъективное видение. Эта повесть ценна и тем, что автобиографические произведения представляют собой, по словам В. Дильтея, высшую и наиболее поучительную форму, в которой находит выражение понимание жизни².

Повесть «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса», 1910) была задумана и начата автором как рассказ, но позже переросла в повесть. Впервые она публикуется в 1910 году, а в 1958 году – в «Сайланма эсэрләр» («Избранные сочинения»). Однако, как отмечает сам автор, повесть появляется в этом сборнике в неполном варианте: не вошли самые важные моменты, из-за чего в некоторых местах теряется смысловая связь эпизодов или же утрачивается их основное значение. Автором даются поправки к 121, 137, 139, 141, 147–151, 162–163, 180–187, 194 страницам. В них поднимаются социальные проблемы, вопросы религии и языка. Свои замечания и поправки автор вносит прямо в текст опубликованной книги или прикрепляет к определенной странице в конверте³.

Это произведение автора также автобиографического характера, так как в нем многое взято из жизни самого писателя. На первый взгляд, повесть о взаимоотношениях мальчика

¹ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. С. 20.

² Цит. по: Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. С. 20.

³ ЦПМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 14.

и девочки, однако амплитуда проблематики более широкая. Под проблематикой нами понимается «совокупность тех акцентов, т. е. тех сторон изображаемой действительности, к которым привлечено внимание читателя, путем подчеркивания и выделения их с помощью доступных литературе изобразительно-выразительных средств»¹. Характерным для творчества З. Башири является то, что проблемы, поднятые автором в одних произведениях, нередко наблюдаются и в других. Несмотря на это, повести и романы писателя не являются однотипными. Описываемые в них новые события и новые средства создания вымышленной художественной реальности представляют вниманию читателя новую художественную информацию. Ниже нами более подробно рассматривается проблематика и художественное своеобразие отдельных произведений З. Башири.

1.2. Жизнь и национально-культурное богатство татарского народа в рассказах Зарифа Башири

Как справедливо охарактеризовано литературоведами, «после Октябрьской революции татарская литература вступила в новый период своего развития, которое определялось ее внутренними закономерностями (язык, традиции, образная система, национальными и эстетическими особенностями понимания мира) и теми объективными условиями, в рамках которых она существовала тогда (идеологическая ангажированность культуры, классовая предопределенность ее тенденций и т.д.)»². Группа известных писателей (Г. Исхаки, Ю. Акчура) сразу же стала на позицию неприятия Октября и подалась в эмиграцию. Другая группа (Г. Губайдуллин,

¹ Эсалнек А.Я. Типология романа. М.: МГУ, 1991. С. 8.

² Литература народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н.С. Надъярных. М.: Наука, 2005. С. 260.

Г. Рахим, Ф. Карими, С. Джалаля и др.) стояла на выжидательной позиции. «По мере укрепления Советской власти они не могли больше оставаться в стороне и проявили готовность всеми силами участвовать в деле просвещения народа, создания новой культуры»¹. З. Башири также принимает революцию. Его позиция по отношению к советской идеологии ярко отразилась в художественном творчестве и публицистике. Об этой особенности его публицистики говорил еще Ф. Галимуллин².

Отметим, еще в дореволюционные годы З. Башири, несмотря на то, что его отец был муллой, стал резко критиковать представителей исламской религии. Он считал мусульманское духовенство, дающее лишь религиозные знания, силой, мешающей развитию всего татарского народа. Автор сознательно направляет свое перо против религиозных деятелей, рисуя образы ограниченных и алчных мулл. Эта тенденция заметна в таких его произведениях, как «Картада отылган кыз»³ («Девушка, проигранная в карты»), «Яшәсен авыл кызлары»⁴ («Да здравствуют деревенские девушки»), «Бәхетле ана»⁵ («Счастливая мать»), «Карағош яуы» («Нашествие Карагуша»). В них автор поднимает проблему деградации человека, утратившего нравственный стержень, интерес к труду.

З. Башири, как и татарские писатели-просветители, для реализации своего замысла опирается на фольклорные традиции, но при этом он использует различные методы и подходы. Ярким примером этому является рассказ «Девушка, проигранная в карты» (1912).

¹ Гайнутдинов М.В. Татарская литература зыбких времен (1917–1929 гг.) Казань: Экоцентр, 2001. С. 78.

² Галимуллин Ф. Табигыйлеккә хилафлык: (XX гасырның 20-30 елларында татар әдәбиятының үсеш үзенчәлекләре). Б. 208.

³ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 22.

⁴ Там же. Ед. хр. 19.

⁵ Там же. Ед. хр. 17.

В татарской литературе почти под таким же названием известен рассказ Ф. Амирхана «Картада отылган Зөлхәбирә» («Зульхабира, проигранная в карты», 1913) из цикла «Татар кызлары» («Татарские девушки»). В основе рассказов лежит один из самых популярных татарских народных баитов о Зульхабуре. Созданное Ф. Амирханом произведение имеет социальный оттенок и обогащено мифологическим содержанием¹, что не свойственно рассказу З. Башири. Обращение З. Башири к этой легенде также неслучайно. В центре этой легенды образ татарской девушки. А образы женщин в просветительской литературе занимают особое место. Вопрос женской духовно-нравственной независимости не мог обойти ни один писатель-просветитель². З. Башири как просветитель обращается именно к этой теме и обогащает народное произведение новым содержанием.

Для произведений З. Башири характерно переплетение рассказа от имени рассказчика и одного из персонажей. Такая структура, с одной стороны, сближает произведение к фольклору, с другой – позволяет автору выразить свои взгляды, показать свои ценностные ориентиры. Повествование начинается от имени первого лица и завершается выводами рассказчика. Раскрытие авторской идеи служат поучительные, по словам автора, рассказы из жизни сельской девушки Зульхабиры и других героев. Основной из них является рассказ о Зульхабуре. Сказку о Зульхабуре знают все, бабушки рассказывают ее своим внукам, таким образом она пере-

¹ См.: Заһидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр. Казан: Мәгариф, 2006. Б. 179; Заһидуллина Д.Ф., Йосыпова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәреслек. Казан: Казан ун-ты, 2011. 1 нче китап: XX йөзнен беренче яртысында таатр әдәбияты. Б. 55.

² Халит Г. Портреты и проблемы: Избранные статьи разных лет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. С. 101.

дается из поколения в поколение. Поучительную историю о ней рассказчику поведал его друг Хикмат; доказывая достоверность произошедших когда-то событий, в произведении он показывает и могилу самой девушки.

В народе хранится трепетное отношение к ее образу. Все в ней идеально. Автор с особой теплотой описывает внешний вид девушки: стройный стан, черные и живые, словно озера, глаза, ресницы, подобно цветам, румяные, как яблоки, щеки. Автор называет ее «земным ангелом». Она пленила всех своей воспитанностью, нравственностью и мудростью. Ею восхищались как мужчины, так и женщины. Говоря о хорошем, воспитанном человеке, сравнивали именно с ней: «*Зөлхәбирә төсле асыл, аның төсле матур!*»¹ (Благородная и красивая как Зульхабира). Но несмотря на лестные и хвалебные слова в свой адрес, она всегда оставалась скромной и милой девушкой, что еще больше прибавляло интереса и уважения к ней. Зульхабира в памяти народной остается идеалом чистоты и красоты. Такой подход к изображению героя определяется одним из важных принципов просветительской литературы – идеализацией героя².

В раскрытии внутреннего мира особую роль играет описание природы. Все герои, близкие к идеалам З. Башири, чувствуют изменения в природе. Так и Зульхабира, предчувствуя смерть, с «задумчиво-грустной улыбкой» ухаживает за увядшими цветами. Осенняя природа также вселяет в ее душу тревогу. Проникновению в мир переживаний героини способствует описание исполнения девушкой народной песни. В двух местах символическим рефреном сопровождает Зульхабиру песня о белом лебеде. О неизбежности надвигающейся трагедии «говорят» эпизоды посиделок девушек с

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3.

² Баширов Ф.К. XX йөз башы татар прозасы. Казан: Фикер, 2002. Б. 51.

гаданиями, шутками, сон, увиденный Зульхабирой. Все это, помимо прочего, создает этнический колорит, окружение, в которое органично вписываются персонажи.

В созданных автором портретах практически всегда выражено отношение писателя. Если образ Зульхабиры, как символа чистоты и красоты, идеал, рисуется в теплых тонах, то из описания внешности муллы Мустафы и оценки его личностных качеств становится ясно, с каким призрением и ненавистью относился к нему и всем служителям культа З. Башири. Используя сравнения, эпитеты и метафоры («*чик-сез дәрәжәдә каты табигатьле*» (чрезмерно жестокий), «*үз сүзле һәм дә шөһрәт-данга табынучы*» (упрямый и честолюбивый), «*батыр йөрәкле*» (храбрый сердцем), «*башилаган эшен ярты юлда калдырмый торган*» (доводящий начатое дело до конца), автор создает образ жестокого, упрямого, настойчивого и честолюбивого представителя мусульманского духовенства. Все, знающие его, отмечают, что мулла похож на безжалостного преступника. Мустафа всегда и во всем надеялся на свою храбрость, отвагу и полагался на свой принцип: «*Дан һәм дә шөһрәт өчен бер генә нәрсәне дә кызганмаса кирәк!*»¹ («Ради чести и славы нельзя жалеть ничего»). Он никогда не жалел о содеянном.

Мулла старался участвовать во всех дискуссиях, судебных делах, с силой отстаивая свою позицию, и почти всегда выходил победителем. В спорах о превосходстве одной религии над другими, ради того, чтобы одержать верх, Мустафа неизменно выдвигал свои доказательства вопреки словам ученых и авторитетов христианского духовенства. Благодаря этому его имя было известно многим в округе. Но вместе с тем он не мог похвастаться благими деяниями. Ведь он помогал лишь в том случае, если это не било по его репутации.

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 5.

Самое сокровенное его желание – превознести свое имя, попасть в историю: «*Я ходай, зур бер вакыйганың өстендә, зур, озын тарих эчендә онытылмаслык исем калдыра алсам, вакытсыз үлсәм дә кайгырмас, үкенмәс идем!*»¹ («О, Боже, я бы не огорчился и не сожалел о своей кончине, если бы смог оставить свое незабываемое имя в истории». – С.Г.). Его дочь, наоборот, свою красоту и ум никогда не считала превосходством, воспринимала это как несчастье, придерживаясь народной мудрости «*сокланы карама, күз тидерерсең*» (не смотри с восхищением – сглазишь). Таким образом, дочь противопоставляется отцу как носителю отрицательных качеств. Как видим, в данном случае З. Башири использует метод антитезы, сопоставляя логически противоположные и подчиненные одной общей идее образы – дочери и отца.

Для полного раскрытия образа Мустафы автор приводит еще два персонажа, одним из которых является Отец Иван, названный в народе «*Әтәч Иван*» (дословно: Иван Петух). Чтобы показать его хитрость и отношение к татарскому народу, автор затрагивает проблему насильственного крещения: сравнивает его с другим миссионером, чья роль в христианизации населения проявляется особенно ярко в рассказе о крещенном Гарая («*Чукинчык Гэрэй*»). Отец Иван, обещав находчивому и умному юноше свою красивую дочь, требует отречься от ислама и добивается своего. Получив подпись Гарая, он радуется, что в очередной раз смог доказать, что ислам – гнилая и глупая религия: «*Ислам дине черек төпсез булганлыктан, аларның иң галимнәре дә аны ташлылар!*»² (Из-за того, что ислам – гнилая и глупая религия, даже ученые отрекаются от нее. – С.Г.). Но Отца Ивана знают, прежде всего, как самого искусного игрока в карты. Сомнительная

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 7.

² ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 33.

слава Ивана не давала покоя Мустафе. Именно это и толкнуло его на серьезный и роковой поступок, который впоследствии стоил жизни его дочери Зульхабире.

Мулла Мустафа, решив увековечить свое имя в истории, решается сыграть в карты с отцом Иваном. Из описания процесса игры в карты видно, что его желание возвыситься, быть первым не знает границ и приводит в итоге к необратимым последствиям. Первый выигрыш, с одной стороны, вселяет в него уверенность, с другой – лишает рассудка, и в итоге он проигрывает все свои деньги. Дальнейшие события в рассказе развиваются стремительно. Следующей ставкой Мустафы становится его дочь Зульхабира. Он проигрывает и ее. От позора и безвыходности дочь лишает себя жизни. Тем самым Мустафа удостоивается лишь дурной славы «глупец-мулла, проигравший свою дочь в карты». По словам очевидцев, после этих событий, он долго скитался по улицам Казани, а после самоубийства дочери Зульхабиры, Мустафа также наложил на себя руки. Но его смерть не вызывает никакой жалости. Так как он погубил не только себя, но и уничтожил свою семью, свою дочь, то есть молодое поколение, которое могло стать продолжением его рода. Главная мысль З. Башири содержится в строках, где мулла Мустафа сравнивается с другим муллой, который, также в поисках славы справил свою нужду на священную воду зам-зам рядом с Меккой. Таким образом, З. Башири показывает, что для таких людей нет ничего святого, их алчность, себялюбие приводят к уничтожению самого ценного – человеческой жизни.

Таким образом, в творчестве З. Башири продолжают развиваться традиции просветительского реализма. Автор обращается к традиционным для просветительской литературы методам: показа контрастов, изображению идеала и критике необразованности, невежества. Главным объектом сатиры З. Башири выступают религиозные деятели, что было харак-

терно в целом для литературы начала XX века. Профессор И.З. Нуруллин считает, что «смешные фигуры мулл, недоучек-хальфа и тупых шакирдов у Ф. Карими и З. Хади»¹ свидетельствуют об активизации иронии, сарказма и юмора на пороге XX века.

Основной темой татарской литературы этого периода стала судьба нации. Проза начала XX века пронизана национальным духом, в произведениях поднимается проблема самоопределения, ведется поиск национального идеала. Не стали исключением и труды З. Башири. Будущее татарской нации всегда находилось в центре внимания автора. Эта проблема рассматривалась писателем как с позиций исторических событий, так и в ракурсе повседневной жизни деревенских жителей. Например, в рассказе «Яшәсен авыл кызлары»² («Да здравствуют деревенские девушки») в широкой панораме жизни татарских деревень раскрывается жизнь всего народа. Для полного описания и типизации автор обращается к повествованию в форме записок путешественника. Таким образом, на материале жизни и быта нескольких деревень писатель раскрывает причину происходящих здесь явлений. С этой стороны, рассказ созвучен с произведением «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Однако мы должны отметить, что жанр «сәяхәтнамә» («саяхатнаме») в татарской литературе имеет глубокие корни. Одним из известных произведений, написанных в этом жанре, является «Мөвәрәннәһердә сәяхәт» («Путешествие по Междуречью», 1908) З. Бигиева. Но, в отличие от саяхатнаме, произведение З. Башири является не констатацией фактов, а созданной автором вымышленной художественной реальностью. Деревенская жизнь здесь находит трехаспектное

¹ Нуруллин И.З. Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в литературе. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. С. 57.

² ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19.

отражение: автор сравнивает прошедшее и настоящее, намекает на то, каким может быть будущее.

Этот рассказ, как и многие другие произведения автора, написан от первого лица. Это позволяет сравнить настоящее с будущим и оценить произошедшее. Рассказчик является одновременно и персонажем произведения, умонастроения которого близки самому писателю.

В произведении, построенном на контрастах, последовательно и неторопливо описывается жизнь в селах Нагорной стороны (Тау ягы). Рассказ начинается с описания родной деревни рассказчика. Доминирующим художественным средством при этом является пейзаж, выдвинутый автором на первый план. Не случайно писатель дает не абстрактную картину природы, а изображает конкретный, прикрепленный к определенной географической точке пространства пейзаж, обогащая его описаниями быта жителей. Поочередное представление и сближение пейзажей прошлого и современности создает контраст и служит определенным целям и задумкам автора. Такие описания предельно детализированы и эмоциональны. К примеру, контрастны описания окружающей природы и родной деревни рассказчика. Летние пейзажи способствуют рождению «нежных чувств», ведут к «светлой мечте», дают надежду. Деревня З. Башири нищая, грязная. Видя ее, в душе просыпаются горечь, страдание, рассказчику больно за родную деревню: «дома с драночной крышей», «почерневшие, сгнившие, накренившиеся надворные постройки, с соломенной крышей» стали словно «поедающая горящий уголь, большеротая, с кабаньими зубами старуха Умми шавахи»¹.

Особую смысловую нагрузку в рассказе несет река Черемшан. Это – символический образ, связующий прошлое

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 2.

и настоящее, светлое детство мальчика и современную сказкицу реальность – беспечность, леность людей. Детство, проведенное здесь, оставило в памяти автора яркие, согревающие душу картины. Например, *«бездән ерак түгел жирдә казлар кыйгаклап, үрдәкләр бакылдашып канат кагалар. Авыл кызлары басма өстендә кер чайкыйлар, яшь киленнәр чирәм өсләренә жәеп киндер агарталар»*¹ (недалеко от нас гуся гогочат, утки крикают и хлопают крыльями. Деревенские девушки полощат белье на мосту, молодухи выбеливают холсты на траве. – С.Г.). Строки, повествующие о повседневной жизни, трудах и заботах сельского человека, написаны с особой теплотой. Народ живет и трудится в единстве с природой. И, наоборот, современная жизнь деревень, расположенных на берегу реки Черемшан, описана самыми мрачными красками: река протекает вдоль заброшенных мест, она затянута зеленой пленкой, покрыта лягушачьими икринками, а на мостиках, там, где раньше красавицы полоскали белье, теперь сидят одни лишь утки да гуся. Отсутствие признаков жизни вызывает у автора не только горечь, но и злобу. Эмоциональный фон усиливается за счет метафор, расширенных сравнений (*кош-кортның канат кагуы таишландык жиргә мәрсия уку булып, ерактагы тал-тирәкләр каберлек өстендә шаулап утыра кебек тоела*)² (хлопанье птиц крыльями кажется надгробным пением, а деревья словно шумят над могилами).

По мнению автора, вся «нечисть» происходит отсюда. Здесь в многочисленных деревнях, если не считать нескольких русских и чувашских сел, расположенных до реки Черемшан, живут татары. З. Башири тревожит их отсталость и безграмотность. Описание состояния деревень Багишево

¹ Там же. Л. 11.

² ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр.19. Л. 11.

(Багыш), Киксары (другие названия – Баймурзино или Эре) свидетельствует о сложной и типичной для многих татарских деревень проблеме и необходимости ее срочного решения.

Необходимость решения назревших проблем становится более ярким при контрастном описании русской и татарской частей деревни Киксар. Описание русской части деревни начинается с изображения школы, построенной у церкви. Школа, по мнению автора, является важным, необходимым мостиком, ведущем к светлому будущему. Школа в рассказе не только дает надежду, но и словно рассказывает о красивой, настоящей жизни живущих здесь людей и гордится этим. Церковь и образование, по представлению З. Башири, едины. На участке возле школы и церкви кипит жизнь: народ работающий, разводит пчел, ухаживает за молодыми яблонями, кустарниками смородины и малины, поливает овощи: *«школа белән поп өе арасында, зур гына бер бакча, әле уляшь, яңа гына юлга куелып бара. Анда утыртылган алма, чия, кура җиләге, карлыган агачлары да, яңа гына күтәрелеп, яшәреп киләләр. Алар арасында умарталар. Алар тирәсендә бал кортлары очып йөриләр. Бакчаның икенче бер ягында, төрле яшелчә түтәлләре чытлы, зифа кызларның күлмәк итәкләренә тотылган ефәк тасмалар төсле булып сузылып яталар. Бакча эчендә эшчән кешеләр кайный. Алар яшь агачларга, түтәл тирәләренә су сибәлар. Агач төпләрен, түтәл тирәләрен йомшарталар. <...> Монда чын мәгънәсе белән эшчәнлек, җанлы тормыш!»*¹ (Между школой и домом попа большой молодой сад. Посаженные яблоня, вишня, малина, смородина только-только начали зеленеть. Между ними ульи. Вокруг них летают пчелы. На другой стороне сада словно шелковые ленточки на подоле стройных девушек вытянулись грядки различных овощей. В саду кипит работа. Люди поливают

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 15.

рядки. Рыхлят между рядами и под деревьями. Здесь в настоящем смысле работа, оживленная жизнь. – С.Г.). А у мечети, расположенной в татарской части деревни, растет лебеда и летают вороны: «*минем күзләрем, башта ниндидер бер өметле һәм юаныч көткән тойгылар белән, эле яңа гына салынган мәчет тирәсенә ташландылар. Ләкин, аңа да, әрем, алабуталар үсеп утырган бушлыктан башка, бер генә нәрсә дә күренмәде...¹*» (Мой взгляд сначала с надеждой упал на построенную недавно мечеть. Но там была лишь пустота, где растут полынь да лебеда. – С.Г.). Автору очень хотелось бы увидеть рядом с мечетью действующую школу, медресе. Как с грустью отмечает писатель, даже во время сборов голосов – для назначения указного муллы, местные крестьяне, ставят знаки-тамги, а не обычные подписи. На вопрос друга рассказчика Рауфа «*Нигә алай тамга гына жыйдылар соң, имза жыймадылар?*»² (Почему собирали тамги, а не подписи?) мулла не находит ответа. По мнению главного героя, это связано с отсутствием школы, с необразованностью.

Татарская часть деревни – полная противоположность русской. С помощью нескольких метафор З. Башири рисует печальную картину татарских деревень: «*алга киткән саен, тыгыз татар авыллары арасына керә барасың, алга киткән генә саен наданлык, караңгылык эченә сеңә барасың*»³ (чем дальше, тем плотнее татарские деревни, тем сильнее погружаешься в невежество и темноту) или «*әнә (то есть указывает на татарские деревни) тере мәетләрнең каберлекләре!*»⁴ (вот могилы живых мертвецов). Естественно, после прочтения этих строк складывается впечатление об упадке татарской деревенской культуры, традиционного образа жизни, с

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 16.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 10.

чем мы не можем согласиться. В многочисленных исследованиях, в том числе и дореволюционных, по этнографии, истории культуры и истории дается высокая оценка как бытовому укладу, так и общей культуре татар¹. Сравнительное описание жизни деревни татарской и русской частей, контрастные картины мечети и церкви, на наш взгляд, подчинены, прежде всего, цели способствовать духовному прогрессу своего народа, приобщить его к русской культуре. Как видно из этой части рассказа, З. Башири как и «К. Насыри оправдывает активную деятельность человека и осуждает проявление пассивности в мирских делах»².

Кажется, в рассказе не изображено чего-то из ряда выходящего: деревня живет своей повседневной жизнью, но на фоне описания ежедневного быта крестьян автор сумел раскрыть причины бедности и отсталости татарского населения. Как и писатели-просветители М. Акмулла (1831–1895), Г. Ильяси (1856–1895), Ф. Халиди (1851–1923) З. Башири считает, что «отсталость <...> и бедность татарского народа вызваны прежде всего отсутствием просвещения, наличие которого могло бы создать моральную гармонию и материальное благополучие для всех слоев нации»³.

Произведение открывается во многом символическим разговором рассказчика с его другом. Еще познакомив читателя с мрачной картиной деревни, автор устами Рауфа говорит, что нет будущего у народа, который не умеет

¹ См.: Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении; Краткая история города Казани. Казань: Фонд ГЯК, 1991. 210 с.; Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953. 382 с.

² История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). Казань: Фикер, 2003. С. 105.

³ История татарской советской литературы: отв. ред.: Л.И.Залеская, В.Г. Воздвиженский. М.: Наука, 1965. С. 17.

пользоваться природными богатствами, не стремится к образованию, прогрессу. З. Башири сравнивает свой народ с правителем, не умеющим управлять своим государством: *«үзенең халкын, дәүләтен идарә итә белмәгән, бөтен вақытын гыйш-гәширәттә үткәргән солтан-хәлифә, патша, соңгы көннәрендә, үзе дә таяк тотып ил хәерчесе булып калган шикелле, шул чаклыгы уңышлы жәирләрдән, болынлыклардан, шаулап торган калын, кара урманнардан, бетмәс-төкәнмәс жәир асты байлыкларына ия булган таулардан файдалана белмәгән халыкның да, соңгы көне, соңгы шаны, дәүләте әнә шул!.. Әнә күрәсеңме, ди ул, киң кырлар өстенә кулын сузып: – менә бу дулкынланып үскән сизез башаклы үсемлекләр, аларга табигать тарафыннан бүләк ителгән хисапсыз зур, бөек бер дәүләт бит. Ләкин, алар, моның кадерен, кыйммәтен белмиләр. Алар, шуннан алган уңыш белән йорт-жәир, каралты-кураларын ныгыту, мәктәпләр салып балаларының киләчәкләрен, тормышларын кайгырту, гөлләндерү урынына, үзләренең көнлек кәефләрен күзәтәләр. Игеннәрен кулларына алып, кыш көннәре жәиткәч тә, чаналарына мөндәр-ястыклар салып каз мәжлесләренә чабалар. Ачыткы-чымтыклар белән исрафлы туйлар үткәрәләр. Сыйлашалар-сыйлылар, кыйнашалар, жылылар! Шул хәлдә аларның болай яшәүләре дә гаҗәп әле»¹* (Последний день, последняя слава народа, не умеющего пользоваться дарами природы такая же как у султана, оказавшегося нищим из-за того, что он не умел управлять своим народом, своим государством, вел разгульную жизнь. Видишь, – говорит он, показывая на поля, – вот эти зерновые не оценимое богатство, подаренное им природой. Но они не знают этому цену. Вместо того, чтобы за вырученные деньги подкрепить свое хозяйство, построить школы и вложить в будущее своих детей,

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3–4.

они тратят все на ежедневные увеселения. С наступлением зимы, взяв с собой хлеба, торопятся на санях на помочи по ошипыванию гусей. Устраивают свадьбы со спиртным. Угощают, дерутся, плачут! Исходя из этого такой уровень их жизни просто удивляет. – С.Г.). Симпатия автора на стороне простых людей, которых он называет *«көчлэнгән гаҗизләр, тубәнлеккә мәҗбүр ителгән мәхлуклар»* ‘вынужденными быть немощными, униженными существами’. Однако его тревожит бездействие народа, поэтому З. Башири считает жителей деревень *тере мәетләр* ‘живыми мертвецами’. Одной из основных причин отсталости, по мнению писателя, является неграмотность. З. Башири, как и другие просветители своего времени, понимал, что настало время отказаться от старых канонов, отойти от традиционных, устаревших форм обучения, где все основывалось исключительно на религии. И именно молодое поколение, по его мнению, должно стать тем лучом, который сможет указать правильный путь всему татарскому народу. Он считает, что современное поколение необходимо обучать в том числе и русскому языку. Если молодежь будет знать русский, тогда не придется искать переводчика, как это случилось с одним из героев рассказа. Он обошел семь-восемь деревень, но безрезультатно: *«бу авыл үзәндәге су тегермәнән, бер урыс баена арендага биргән дә, шуңа приговор язарга кирәк булган, ләкин, бу агай тирә-яктагы җиде-сигезләп татар авылларына барса да, аларның әлеге приговорларын русчага әйләндереп язучы кеше табылмаган»*¹ (эта деревня отдала свою водяную мельницу в аренду русскому богачу. Поэтому нужно было написать приговор. Однако, несмотря на то, что мужик обошел 7–8 татарских деревень, не нашлось человека, кто смог бы перевести его на русский язык. – С.Г.). Однако, хотя жители

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 7.

деревень не против обучения детей в школах нового типа, они не могут переступить традиции, обойти муллу. Почтительное отношение к муллам объясняется прежде всего национальной спецификой миропонимания. На вопрос Рауфа, почему дети не изучают русский язык, один из персонажей отвечает: *«уткэн ел, земство, школ салып, учитель китере-ргэ булган да, муллалары аңа каршы төшкән. Ул эш шәригәткә сыймый, урысча укыгач башларына да кипке киярләр, дигән»*¹ (в прошлом году, построив школу, земство решило отправить и учителя, однако мулла выступил против этого. Сказал, что это не по шариату, если будут учиться по-русски, наденут и кепку. – С.Г.). Поэтому, выражая свое негативное отношение, автор называет религиозных служителей *«халык өчен наданлык албастылары»*² ‘злодеями невежества для народа’. Призывая изучать русский язык, З. Башири выступает с просветительских позиций. Как известно, этой идеей было пронизано еще творчество К. Насыри, оказавшего большое влияние на формирование творческих взглядов писателя.

Полному раскрытию образа муллы способствует и изображение его как в мечети, так и в быту. Мулла в произведении выглядит эгоистически приземленным. Не упуская ни одной детали, описывается пятничная молитва. Для деревенских мужиков она не дает ничего, хотя суть этого обязательного, пятничного намаза не только в молитве, но и в наставлениях по разным вопросам религии и обыденной жизни, которые дает мулла во время своей проповеди. Но здешнее духовенство не утруждает себя такими заботами, ограничиваясь получением «садаки» – милостыни от прихожан. Автор осуждает их за это, считая, что они не заслужили хлеб, яйца и муку, что приносят им жители деревни. Неубедительно звучат слова муллы, который жалуется на нехватку

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

времени, ссылаясь на изучение Священной книги. Говоря иначе, муллы изображены здесь носителями всего негативного, тормозящего развитие татарского народа. Изображение быта также подчинено этой идее. Описывая неухоженный участок возле мечети, увядшие стебли картофеля и цветущие сорняки в огороде муллы-кадимиста, его неубранный дом и темные дома простых людей, З. Башири показывает, что духовенство не может подать пример населению не только в нравственно-духовной сфере, но и в самых обычных вещах. Люди настолько отвыкли от труда, что не хотят воспользоваться дарами природы, что показано наиболее ярко в описании богатства местной природы. Автор упрекает их не только в бездействии, но и в безчувственности: *«гәр дә алар, тойгылары күгәргән булмаса, табигатьнең шул чаклыгы бөек дәүләтенә, бүләгенә каршы шундый тойгысызлык күрсәтмәсләр иде!..»*¹ (если бы их чувства не покрылись плесенью, они не были бы столь безразличны к богатствам природы. – С.Г.). Писатель как бы вскользь, но очень точно описывает досуг жителей, который часто проходит за бессмысленной болтовней. Даже татарские девушки, олицетворяющие символ чистоты, невинности и скромности, проводят все свободное время на улице, смеются очень громко, ведут себя грубо, не по-женски.

В произведении «Яшәсен авыл кызлары!» («Да здравствуют деревенские девушки!») З. Башири на примере конкретных персонажей говорит о разрушительном действии на человека алкоголя и опиума. Автор в первую очередь критикует мусульманское духовенство, людей, которые по его мнению, должны служить примером народу, обучать грамоте, а не проводить время за спиртным. С сарказмом звучат слова Рауфа: *«Менә ичмасам безнең бабай чын саф мөселман,*

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4.

жомга көнне хөрмәтләп, барлык эшен ташлаган да, базарга барган һәм актык арышын сатып изгеләр хөрмәтенә, авызыннан селәгәйләре акканчы эчкән!.. Инде ул, хәзер, ашыгып жомга намазына кайтып бара»¹ (Наш дед, вот настоящий мусульманин, в честь пятницы, оставив все дела, пошел на базар. Продал последнюю рожь и так напился, что изо рта идут слюни. Сейчас он торопится на пятничный намаз. – С.Г.). Этот порок не обошел и простой люд. По словам Рауфа, мужчину, который встретился рассказчику и его другу, погубило именно пьянство, а не тяжелая жизнь. Жалким рисуется и мулла, который не просто употребляет опиум, а специально разводит мак для этого. Таким образом, в решении важной для просветителей проблемы – судьбы нации² – автор особую роль отводит мусульманскому духовенству. Муллы-кадимисты критикуются З. Башири, на наш взгляд, прежде всего, с позиций просветительства.

Таким образом, автор пытается найти ответы на самые актуальные вопросы своего времени. Поднятые проблемы сводятся воедино, рассказ об увиденном рассказчиком и его другом Рауфом перерастает в повествование о народе, его будущем вообще. Через призму восприятия главных персонажей проходят несколько деревень Нагорной стороны и их жители. Их характеристики точны, взгляд наблюдателей высвечивает самое главное, сопоставляет, выделяет общее. Так возникает единая картина. Хотя настоящее окрашено одной мрачной краской, есть надежда на будущее, о чем говорит открытый, незавершенный финал рассказа. Несмотря на название, тема женщины не является центральной, однако женские образы несут большую нагрузку. Особой теплотой написана сцена встречи с девушками на окраине деревни.

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 13.

² История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). Казань: Фикер, 2003. С. 120.

Описывая диалог девушек с джигитами, автор исходит из жизненного опыта народа, его лучших традиций. По словам Рауфа, в походке деревенских девушек есть нечто привлекательное, поэтичное. Вся красота деревенской жизни, песни и танцы, театр и концерты – все в естественности деревенских красавиц. Поэтому они придают силы, веру в светлое будущее. Красота и естественность настолько впечатлили Рауфа и рассказчика, что один из них воскликнул: «Да здравствуют деревенские девушки!». А второй, увидев искры жизнеспособности народа в девушках, в духе просветителей добавил: «Да здравствуют образование и воспитание!»

В художественном плане это произведение не лишено недостатков: наблюдается прямолинейность в раскрытии характеров и показа событий, скупость изобразительных средств. Несмотря на это, З. Башири смог увидеть и запечатлеть актуальные проблемы современности. Автору также удалось подать материал в ракурсах прошлого и настоящего, которые органично переплетаются с мыслями рассказчика (они совпадают с мнением автора) о будущем.

Свое представление о светлом будущем, связанное с образованностью татар, З. Башири выразил в рассказе «Бэхетле ана»¹ («Счастливая мать», 1910 г.). Рассказу о микромире шестилетнего мальчика Ильдара свойственна просветленная грусть. Автор с особой проникновенностью описывает теплые и заботливые отношения матери и ребенка.

В рассказе дан короткий, но насыщенный эпизод жизни героев. Рассказ начинается с обычной жизненной ситуации: мальчик приходит в магазин за хлебом. Увидев красных тараканов, просит продавца отдать их ему. Тараканы обычно воспринимаются как нечто грязное, неприятное. Поэтому продавец и находившийся в магазине покупатель

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 17.

удивляются просьбе мальчика и начинают расспрашивать его. Оказывается после смерти отца, его воспитывает только мать, которая больна и с трудом зарабатывает на пропитание. Он никогда не видел, чтобы мама улыбалась, поэтому так искренна его вера в народное поверье, согласно которой «красные тараканы приносят счастье дому». Желание обрадовать свою мать, не детский поступок мальчика – оставить матери хлеб и сладости, подаренные ему продавцом, затронули душу хозяина лавки и случайного покупателя, который также радуется, что у татарского народа есть такие хорошие и дети, а значит, и будущее. Идеальный образ мальчика несет еще одну смысловую нагрузку. Автор несколько раз акцентирует внимание читателя на стремлении Ильдара, несмотря на плохую жизнь, учиться в школе. Немаловажную роль в этом сыграли и слова матери: *«Яшь чагымда, ата-аналарым, мине укыткан булсалар, мин үзем дә укуның кадерен белгән булсам, бәлкем, без дә, болай бәхетсез булмаган булыр идеяк»*¹ (Если бы в молодости родители дали мне образование и если бы я сама знала цену знаниям, мы бы не были такими несчастными. – С.Г.). По мнению автора, чтобы достичь в жизни чего-то, необходимо быть образованным человеком.

Несмотря на то, что проблема образования является одной из центральных в творчестве З. Башири, в этом произведении она звучит несколько иначе. Вокруг мальчика сконцентрированы солидарные ему образы, люди, желающие оказать помощь. В рассказе, хотя идет речь о тяжелой жизни одной конкретной семьи, нет негатива как в предыдущих рассказах. Все герои рассказа близки к идеалам автора. Ильдара осчастливили и продавец магазина, и его покупатель. Главная мысль этого сюжета: необходимо помочь желающему

¹ ЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3.

учиться, надо подтолкнуть, поддержать его. Не без помощи этих людей Ильдар видит улыбку на губах своей матери.

Автор рисует не только поступки своих героев, но и пытается раскрыть их внутренний мир, переживания. Достаточно ярко подан образ мальчика: его радость при виде красных тараканов и ухаживание за ними, вызывают сопереживание, а желание обрадовать мать и честность – восхищение. Убедительно описывается писателем искренняя радость Ильдара при получении подарков от покупателя Халита Халдарова. По-детски звучат вопросы мальчика к матери о светлом будущем. З. Башири останавливается и на воспоминаниях отца (Халдара) о сыне, нахлынувших при общении с Ильдаром, его переживаниях в этот момент.

Таким образом, составляющими счастья, по мнению автора, являются образованность, воспитанность, теплые взаимоотношения в семье, взаимопомощь. Писатель на примере одной семьи славит именно такое общество. Высшая оценка семьи дается Халитом: *«Менә шундый баласы булган ана да, менә шундый үзенең анасын сөйгән бала да алар, һәр вакытта да бәхетлеһәр!»*¹ (Мать, имеющая вот такого ребенка, и такой ребёнок, любящий свою мать, счастливы всегда. – С.Г.).

В целом, рассказы З. Башири «Картада отылган кыз», «Яшәсен авыл кызлары!», «Бәхетле ана» пронизаны мыслью о светлом будущем татарского народа. Писатель стремится углубиться в быт деревни, ему удается воссоздать облик деревни в целом, показать нравы, обычаи и традиции местного населения. Описание мрачной жизни деревни, контрасты прошлого и настоящего, татарского и русского частей деревни, картины пейзажа в рассказах «Картада отылган кыз»,

¹ ЦЦПиМН им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 14.

«Яшәсен авыл кызлары!» служат более полному раскрытию поставленной проблемы. В произведении «Бәхетле ана» изображение внешнего мира сужено до минимума. Внимание автора сосредоточено на внутреннем облике героев. Персонажи, близкие к идеалу автора, рисуются в теплых тонах. Они несут особую идейную нагрузку.

Как и в просветительской прозе XIX века, в произведениях Зарифа Башири четко определяются две линии, одна из которых тяготеет к непосредственному изображению идеала, другая – к критике, разоблачению негативных сторон татарской действительности. Важнейшей задачей своего времени автор, как просветитель, видит в пробуждении народного самосознания, воспитании гуманизма, патриотизма и гражданственности, пропаганде идей просвещения, прогресса и свободы¹.

Ощущается острая неприязнь писателя к представителям мусульманского духовенства, которые, по представлению автора, тормозят развитие народа. Грамотное, стремящееся к образованию молодое поколение является выразителем чаяний писателя. Будущее народа автор связывает именно с молодежью образованной, воспитанной, энергичной.

Рассказы З. Башири ценны и тем, что они обогащены местным колоритом, в них ярко отражается национальный характер и мировоззрение татарского народа.

Как известно, духовное богатство в литературных произведениях находит свое отражение в самых различных аспектах. Они включаются в описания быта, являясь неотъемлемой частью среды обитания героев, служат своеобразным показателем внутреннего мира персонажей, раскрывают идею произведения. В этом случае важно то, как автор видит,

¹ Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань: Таткнигоиздат, 1976. С. 294

воспринимает и описывает материальное и духовное наследие определенного народа. Огромную роль играет и то, какие изобразительные приемы при этом использует писатель.

В татарской литературе немало произведений, которые раскрывают национальный колорит не только татарского, но и соседних, родственных народов. Например, романы «Казакъ кызы» («Казахская девушка») Г. Ибрагимова, «Жидегән чишмә» («Семь родников») Г. Баширова известны всем ценителям татарской литературы.

Знакомая с детства З. Башири татарская среда давала обильный материал, и писатель использовал его во многих своих произведениях. Даже среди описаний повседневного мрачного быта проглядывает светлая национальная изюминка. К примеру, в рассказе «Да здравствуют деревенские девушки!» такой деталью является общение девушек с джигитами. Их диалог содержит такие реплики, которые могли быть произнесены именно в этой национальной среде: «*Сылу туташ, кемне шул чаклы сагындың? ...яулык читен чайнәп өзгәләп барасың*» (Красавица, по ком так соскучилась? ...идешь, волнуясь, сжав в зубах краешек платка. – С.Г.). «*Читек, кәвеш, башмак, басма жирне уйганчы! Ал яулыгың, ач йөзеңне, күрим күзем туйганчы!*» (Ичиги, кавуши, башмачки, не наступай так сильно! Открой личико, дай насмотреться на тебя! – С.Г.). Привычку прикрываться краешком платка рассказчик считает неуместным обычаем, а друг рассказчика Рауф видит в этом привлекательность. По нашему мнению, Рауф более близок к народу. В отличие от рассказчика он знает о народе все. Глазами джигитов оценивается и народный костюм девушек: обычные ичиги со скрипом, большой французский платок, платье с оборкой оказывает большое впечатление. И не удивительно трепетное отношение Рауфа к татарским красавицам, в которых он видит самое прекрасное в жизни деревни. Героям импонирует обычай де-

вушек Нагорной стороны при раставании махать платочком и пускать зайчиков зеркальцем.

Рассказ «Девушка, проигранная в карты» убеждает в переплетении национальных традиций и обычаев с каждодневным бытом сельского человека. Автор не просто описывает их, приводит тексты, или их отрывки (песни, баиты, предсказания, пословицы, поговорки), но и раскрывает миропонимание народа. В рассказе говорится об играх джигитов на гармони во время посиделок, о важных составляющих девичьих посиделок – песнях и танцах, загадывании загадок, гаданиях. Гадание, по словам автора, – распространенная девичья игра. Этот эпизод в рассказе, хотя и служит раскрытию трагедии девушки, в ней также отражается народное мышление, смекалка девушек, мастерство рассказчика. Например, девушке, не встретившей никого, подруги пророчили одиночество, говоря *дуадак каз* ‘незамужняя’. Над Зульхабирой, увидевшей у ворот старика, посмеялись цитируя народную мудрость: *кайгым юк буранда, атым юк урамда* ‘мне нет дела до бурана – моя лошадь не на улице’, *бала тәрбиялим дин иске юып йөрисем, ир кәтәм дин чабата киптерәсем юк* ‘нет необходимости стирать пеленки за ребенком и сушить лапти для мужа’.

Вера народа в различные предсказания, гадания, толкования снов очень сильна. Примером тому служит рассказ подруги Зульхабиры Сарби о жизни несчастной девушки Хамиды. Как следует из этого рассказа, отец Хамиды, обнаружив в сите крест, предсказывает недоброе. Через некоторое время, молодой цыган из проходившего через деревню табора, зачаровывает прекрасную девушку, и она уходит с ним. Позже в своем письме родителям Хамида пишет о несчастной жизни и желании скорее умереть. Как видим, вера в действие цыганского гипноза также нашла отражение в рассказе Сарби. Здесь через призму видения татарского народа

коротко, но точно определяясь и образ жизни цыган: ходят гурьбой, живут в шатрах, женщины занимаются гаданием, вечером устраивают игры, поют и пляшут.

Большую роль в рассказе «Девушка, проигранная в карты» играет народное творчество, которое помогает автору сосредоточить внимание читателя на важных по народным меркам явлениях. Чтобы запомнить и передать будущему поколению поучительные случаи, народ создает свои творения: сказки, рассказы, байты. Пересказ сказок, чтение байтов, как известно, требуют особого мастерства. Еще в начале рассказа становится ясно, что одну и ту же сказку можно рассказать по-разному: коротко или долго, не упуская ни одной мелочи, чтобы брало за душу. Одним из главных моментов является подготовка слушателей. Например, Халит, начиная рассказ о несчастной судьбе девушки Зульхабиры, держит определенную паузу – повышает интерес к рассказу, приводит своих слушателей на кладбище, показывает ее могилу, и только после этого начинается рассказ. Автор также акцентирует внимание читателя на мастерстве подруги Зульхабиры Сарби рассказывать сказки. Она настолько умело рассказала историю о Хамиде, что слушатели смотрели ей в рот, затаив дыхание, подавали реплики.

Таким образом, в «Девушке, проигранной в карты» переплетаются несколько рассказов из жизни представителей одной национально-культурной среды: главный рассказ – рассказ из жизни Зульхабиры, рассказы в вспомогательной функции – рассказ о Хамиде и цыгане, рассказ о Гарае. Поучительные события из жизни Зульхабиры находят своеобразное продолжение в памяти народа: «говорят, раньше бубновая дама и король выглядели по-другому. После того, как отец проиграл Зульхабиру в карты, начали изображать их. Дескать они навека будут говорить о «славе» муллы Мустафы и трагедии Зульхабиры».

Национальные приоритеты находят отражение в вопросе одной из девушек: «Если придется выходить замуж за мужчину другой национальности?», на который другая отвечает очень коротко: «Вешайся!». Тем самым поднимается одна из важнейших проблем – создания семьи с человеком иной веры и культуры. Трагичность таких браков для татарского народа подтверждается рассказами о Гарае и Хамиде, баитом, сложенным отцом по поводу утраты дочери Хамиды. Народ выражает свою жалость к ним, хотя и осызается укор в их адрес. Например:

*Тубән келәт бикледер, бикле булса шикледер,
Ачкычы Хәмидә кулында, үзе чегән куйнында.
Әнкәемнең кулмәге, ситса түгел кылан бит.
Мин бичара Хәмидә кыз, чегән белән торам бит!*

(Клеть нижняя закрыта, закрыта – подозрительно,
Ключ в руках Хамиды, сама в объятиях цыгана.
Платье матери не ситцевое, а из материала тонкого
Я, бедная Хамида, живу с цыганом. – С.Г.).

Через все творчество писателя проходит светлый образ женщин. Нередко в нем в сконцентрированном виде даются характерные национальные особенности. Одним из таких образов является абыстай – мать Зульхабиры в рассказе «Девушка, проигранная в карты». Чувствуется особое отношение автора к ней. З. Башири высоко ценит ее роль в воспитании дочери, нравственными качествами которой восхищаются все. Описывая намаз, писатель акцентирует внимание на нравственных ценностях. Абыстай сеет среди молодежи семена милосердия, учит их почтительному отношению к старшим. В рассказе несколько раз повторяется, что после намаза человек вспоминает усопших, обращается к Аллаху с просьбой о милости к каждому.

Таким образом, автор не просто рисует жизнь народа, но и вводит читателя в татарский мир, отдельные составляющие которого носителями культуры, к сожалению, уже утеряны. Собрав крупицы духовных ценностей, автор создает особую национальную среду, что делает произведение реалистичным и сближает к татарскому читателю.

1.3. Особенности изображения исторических событий в повести Зарифа Башири «Карагош яуы» («Нашествие Карагуша»)

Поскольку раскрытие неповторимого облика и колорита конкретно-исторической эпохи, характеров и типов художественными средствами и образами является важнейшей задачей литературы, особенно важно верное и точное понимание автором исторических событий и умение придать им художественную убедительность¹.

Как пишет Х. Хайри, нет народа без его исторического прошлого, также нет литератур, ограниченных лишь современностью. В творчестве каждого писателя, в той или иной степени отражается история, так как без этого невозможно правдоподобно изобразить и понять во всей полноте характер народа². Однако, как определил Ю. Тынянов, в историко-художественных произведениях «между художественной правдой» и «научной правдой» есть существенная разница: писатель следует художественной правде, а вовсе не исторической, но, не исключая последнюю, а приближаясь к ней; писатель имеет право на домысел и вымысел, ра-

¹ Шик Э. Документ, факт, образ // Сб. литературных критических статей. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. С. 33, 144.

² Хэйри Х. Тарихи роман жанры // Метод, стиль, жанр. Казан: татар. кит. нәшр., 1975. Б. 125.

ботающие опять таки на «научную правду»¹. Исторические произведения реальность воссоздают художественно. Поэтому «не исторические факты сами по себе занимают писателя, не то, что происходит, если можно так выразиться, на поверхности исторической действительности»², но и ставится та или иная проблема, чтобы ее решить. Автор, «повествуя о жизни и событиях той или иной эпохи, стремится поставить в центре те события, которые оказали значительное влияние на дальнейшую жизнь и судьбу больших человеческих масс»³. Татарские писатели нередко обращаются к далекому прошлому народа, к периоду революции, гражданской и великой отечественной войн, т.д., раскрывая в живых образах преемственную связь между прошлым и настоящим народа.

З. Башири обращается к одному из важнейших народных движений – движению «вилочников», восстанию «черного орла», которое в советское время считалось контрреволюционным мятежом кулаков, эсеров и недобитых белогвардейцев.

Район восстания включал Самарскую, Уфимскую и Казанскую губернии. В нем использовались националистические и религиозные лозунги. Причиной восстания «черного орла» было не только недовольство чрезмерными нормами продрозверстки и злоупотреблениями при ее взимании, но и нежелание крестьян выполнять продрозверстку вообще. Таким образом, восстание явилось отражением главного нерешенного вопроса взаимоотношений государства и крестьянства – об условиях производства и сбыта продуктов.

¹ Цит. по: Юдин В.А. Классификация русского советского исторического романа // Типологическое изучение литературного процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1987. С. 116.

² Ленобль Г. История и литературы: сб. ст. М.: Советский писатель, 1960. С. 14.

³ Злобин С.П. О моей работе над историческим романом // Советская литература и вопросы мастерства: сб. вып. 1. М.: Советский писатель, 1957. С. 145–146.

Получив землю, сохранив ее благодаря большевикам, крестьяне все настойчивее требовали эквивалентного обмена своей продукции на промышленные товары¹. Восставшие жестко расправлялись с продотрядниками, руководителями Советской власти на местах².

З. Башири так же, как и другие представители интеллигенции, не остался равнодушным к этим событиям. Еще в названии произведения делается ставка на историзм. Повесть «Карагош яуы» («Нашествие Карагуша», 1958) отражает суровую реальность и муки крестьян, пережитые ими в тревожные 1920-е. Произведению свойственно стермление к правдивости повествования, характерно подробное описание происходивших событий. З. Башири показывает, как жители одной деревни становятся врагами. С одной стороны – кулаки и муллы, которые организуют движение против Советов, с другой – коммунисты, которые хотят собрать хлеб красноармейцам. Между двух огней оказывается народ. Сочувствие автора на стороне той части населения, на долю которой выпали тяготы исторических событий. З. Башири, как бы оправдывая участие простых людей в восстании, пишет, что им насильственно вручили в руки вилы. Вместе с тем писатель всячески старается показать, что народ поддерживает красных и видит врага в вилочниках. Автор, как и его герои, верит в советскую власть, которую он сравнивает с дубом с сильной корневой системой.

Излюбленным типом изложения З. Башири является рассказ от лица персонажа, который все происходящее видит

¹ Рогожникова Н. Борьба крестьян с властью как фактор общенационального кризиса. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1139&level1=main&level2=articles>

² Кульшарипов М.М. Восстание «Черный орел» в Башкирии // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества. Уфа, 1991. С. 44–53.

изнутри. Не стала исключением и повесть «Нашествие Карагуша». Глазами 13-летнего Рахмая показаны тяготы и трудности, пережитые простым народом в 1920-е г. Брат Рахмая Фархи Амиров – один из шести коммунистов, скрывавшихся в деревне. Белогвардейцы ищут его как самого опасного среди коммунистов. Именно поэтому Рахмай и остается в центре всех ужасающих событий. Временная дистанция невелика: героем рассказываются события недалекого прошлого.

Все происходящее автор связывает с прошлым и будущим народа. Будущее, как и во многих произведениях автора, связано с образованными и энергичными людьми, которыми, в первую очередь, являются учителя, деятельность которых он оценивает высоко, указывая их большую роль не только в образовании, но и в воспитании: *«халыкка аң бирәсез, аларны тәрбиялисез»*¹ (Вы даете образование народу, воспитываете. – С.Г.). Поэтому убийство таких людей и их семей описывается с большой эмоциональной силой негативного характера и предельно детализированно. К примеру, первыми жертвами становится семья Карима – человека, который первым открыл школу нового типа. Увиденная Рахмаем кровавая картина – результат «нашествия Карагуша» рисуется до мелочей. Она «формируется постепенно, по мере того как в фокус авторского зрения попадают все новые и новые подробности»². Первым он видит тело маленького ребенка, лежащее на снегу. И делает движение по направлению к нему. Но останавливается, увидев тела зверски убитых взрослых: *«Мин ишек алдына йөгереп кереп, кар өстендә яткан ялангач әлеге бала янына табан омтылган идем дә ишек алдындагы коточкыч башка төрле күренешләр мине тагы да кинәт кенә*

¹ Бәшири З. Карағош яуы. Өфө: Башкортостан кит. изд., 1958. Б. 23.

² Торшин А.А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 14–15.

тукталырга мәҗбүр иттеләр. Баскыч төбөндә Кәрим агайның хатыны – алеге яшъ баланың әнисе – Зәкия апа, йөзтүбән төшеп, сузылып ята. Тубыкларын эченә табан тартып, ике кулын алга таба сузган Зәкия апаның әңжилкәсен озын, кара чәчләре каплап алганнар, һәм аның чәч араларыннан бөркеп чыккан кызыл кан укмашлары кояшка каршы ялтырыйлар иде. Шул ук баскычтан ерак түгел генә бер җирдә Зәкия апа кебек үк йөзтүбән капланып ятып, ике кулын күкрәге астына салган һәм аякларын туп-туры сузган Кәрим агай да ята. Аның аркасына кадалган тимер сәнәк тә тартып алынмаган»¹ (Я, вбежав во двор, устремился было к ребенку, лежащему голым на снегу, но другие ужасные картины вынудили меня резко остановиться. У крыльца лицом вниз лежала жена Карима агай – мать этого младенца – Закия апа. Закия апа лежала, прижав щиколотки к животу и вытянув руки. Ее длинные черные волосы закрывают плечо, сгустки крови, застывшие на волосах, блестят на солнце. Не далеко от этого крыльца ничком, так же как и Закия апа, положив обе руки под грудь и вытянув ноги лежал Карим агай. Еще не вытащили железные вилы, воткнутые ему в спину. – С.Г.). Не менее страшная картина предстает в лесу, от увиденного ужаснулись и вилочники, и контрреволюционеры, и белогвардейцы: «тик каеннарның берсендә урталай өзелгән язәч сөяге һәм дә берничә кабырга сөякләренең сыныклары белән бергә бер бот, икенчесендә эчәк-карыннары актарылып салынып төшкән яртыдан артыграк кеше гәүдәсе асылынып тора иде. Бу гәүдәнең җиргә табан салынып-сузылып төшкән озын кара чәчләре белән эчәк-карыннары буйлап җепшек ак карлар өстенә кып-кызыл кан агып тора»² (на одной из берез весели сломанные пополам грудные кости, костяшки

¹ Бәшири З. Карағош яуы. Б. 26.

² Там же. Б. 63.

ребер да одно бедро, на другой – чуть больше половины тела человека, его внутренности вывалились наружу. По свисающим черным волосам и внутренностям на белый талый снег стекала красная кровь. – С.Г.). Таким образом, трагизм происходящего открывается в натуралистических описаниях. Обобщающим и высшей точкой в описаниях человеческой жестокости, на наш взгляд, является риторический вопрос: «*Бу эшләрнең азагы ни белән бетәр икән инде?*» (Чем же все это закончится? – С.Г.).

Продолжая раскрывать человеческую суть, нарушение его психики, нравственное разложение, З. Башири рассказывает о дележке добычи – золотого перстенья учительницы деревни Магфии. При этом никто не испытывает жалость, угрызение совести за свои поступки: не обуздав свою ненависть, злобу, стремление к наживе, человек утрачивает человеческие достоинства и уподобляется зверю. Тем самым на примере жестокости белогвардейцев автор показывает деградацию человека, соответствующей шопенгауэровской философии, утверждающей, что «в глубине своего существа человек «животное дикое и жестокое»¹.

Концентрация социально-психологических зол, отрицательных фактов действительности в таких частях повести усиливают драматизм происходящего.

Несмотря на то, что уничтожаются образованные, энергичные, думающие по-новому люди, остается надежда на светлое будущее, поскольку подрастает молодое поколение, стремящееся к знаниям. Автор не случайно останавливается на эпизоде, когда Рахмай прячет свои книги от бандитов.

Из слов Гарифа «*укусаң бай булырсың, мулла булырсың, рахәт көн итәрсең*»² (будешь учиться – станешь богатым,

¹ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 4. С. 150.

² Башири З. Карагош яуы. Б. 36.

будешь муллой, жить будешь хорошо. – С.Г.), произнесенных как напутствие мальчику, становится понятно, что, по представлению народа, образованность – это залог успеха. Однако призывы представителей духовенства не отдавать детей в школы вводят в заблуждение простой народ. Они боятся образованных людей, видят в учителях своих противников. На протяжении всей повести З. Башири принижает и надсмехается над представителями духовенства, оспаривает их святость. Устами Фархи (брата Рахмая) он говорит о низком уровне нравственности религиозных служителей.

Порой образ муллы на фоне жестокой и грубой силы «нашествия Каракош» кажется комичным. Отрицательная оценка содержится не только в описании наружности, но и в высказываниях других персонажей. Например, в одной из сцен, где мулла Мифтахетдин бьет отца Рахмая, мулла предстает перед нами, с одной стороны, как жестокий, с другой – как немощный и женоподобный. Эта оценка усиливается за счет реплик людей из толпы, в которых содержатся фразеологизмы и метафоры с уничижительной оценкой:

«Бисмиллә иррахман иррахим! – дип, терсәкләрәнә тиклем кара эҗон баскан уң кулының көчсез йодрыгы белән хатын-кызларча кизәнеп, аның (Рәхмәйнең әтисенең – С.Г.) җилкәсенә берне тондырды. Халык арасынан кемдер берәү:

– Әй, сакаллы Гөльян, бу кулларың садака акчаларын учлый белсәләр дә, йодрык тәйни белмиләр икән! – дип кычкырды. Кай берәүләр көлеп җибәрделәр:

– Йодрык мени ул, пешкән шалкан!...»¹ (Он сказал «Бисмилла иррахман иррахим!», по женски замахнулся своим кулачком правой руки, волосатой до самой локти, и ударил его по плечу. Кто-то из толпы крикнул:

– Эй, бородатая Гульян, руки-то у тебя подаяние загребать умеют, а в кулаки-то не складываются! Некоторые засмеялись:

¹ Башири З. Карағош яуы. Б. 17.

Разве это кулак, вареная репа!.. – С.Г.)

Тем самым автор высмеивает внешний вид, осуждает поступки, тормозящие развитие нации.

Сочетающая в себе жесткий социальный реализм и натурализм повесть «Нашествие Карагуша» не осталась незамеченной. Современники отмечали, что сцены расправы над людьми, выступающими за советскую власть, написаны весьма убедительно¹. Вместе с тем они видели и множество недостатков. Нельзя не согласиться с замечаниями читателей, которые указывали на слабую линию сюжета: порой З. Башири настолько увлекается описанием кровавых пыток белогвардейцев и страданий простого народа, что теряется связь между событиями и персонажами повести. Например, Ханафи Галиев в письме от 28 декабря 1959 года просит Зарифа Башири подробнее раскрыть образ женщины, которая была жестоко убита в лесу. В своем письме от 25 октября 1959 года писателю Шариф Хусаинов указывает на стиль изложения, из-за которого произведение читается трудно, а также образов мальчика и бандитов, которые кажутся ему примитивными, так как речь этих персонажей не соответствует их возрасту. О недостатках стиля писателя, по мнению Ш. Хусаинова, говорят и описания переживаний героев, которые даются в сжатом, скомканном виде². Вполне можно согласиться с мнениями современников З. Башири. Автор не уделил достаточного внимания показу внутренней жизни героев и их конфликтных отношений с другими людьми. Поэтому изображение увиденных героями страшных картин последствий нашествия Карагуша представляют собой чаще обычную констатацию фактов. Между тем психологический

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 72 (1. 1961 ел.).

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 72. Письмо 436. Л. 2–3.

анализ в художественной литературе является одним из важных средств изображения человека в его отношениях с действительностью¹.

Таким образом, в повести «Карагош яуы» автор выступает как натуралист, изображающий реальность без преувеличений. Однако, несмотря на то, что повесть не содержит художественных открытий, в ней отчетливо ощущается умение автора увидеть и запечатлеть актуальные проблемы времени. В произведении ставятся воедино частная жизнь и судьба народа. Нужно отметить, что, описывая исторические события, автор показывает стремление и идеалы жителей деревни. По представлению З. Башири, борьба с вилочниками – это борьба за светлое будущее народа.

1.4. Повесть «Чуваш кызы Әнисә» как произведение – выразитель национального духовного богатства народа

Одним из особенностей романтической эстетики начала XX века является ознакомление с историей, бытом, культурой тюркских народов². Таковыми являются романы «Казакъ кызы» («Дочь степи», 1923) Г. Ибрагимова, «Таранчы кызы, яки Хәлимнең беренче мэхәббәте» («Дочь таранчи или первая любовь Халима», 1918) Г. Монасипова, «Төркестан» («Туркестан», 1908) К. Биккулова, повести «Чуваш кызы

¹ Шеншин В.К. Проблема психологизма в советском романе 1920-х годов и художественный опыт Ф.М. Достоевского // Типологическое изучение литературного процесса: межвуз. сб. нач. трудов. Пермь, 1987. С. 79.

² Төхвәтова Г.Ф. Г.Ибраһимовның «Казакъ кызы» һәм Г. Монасыйповның «Таранчы кызы, яки Хәлимнең беренче мэхәббәте» романнарында кардәш төрки халыклар торумышы // Г. Ибраһимов ижаты һәм төрки дөнъя: Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. Казан, 2012. Б. 141–142.

Энисэ» («Чувашская девушка Аниса» (1910) З. Башири, «Алтынбасар» (1926) С. Шарипова.

З. Башири первым среди татарских писателей и публицистов начал писать о чувашах. Эти произведения автора появляются еще до революции: в известных газетах и журналах печатаются его стихотворения о чувашах¹. После революции в газете «Казан мөхбире» («Казанский вестник») и в журнале «Шура» («Совет») публикуются очерки «Чувашлар» («Чуваши») и выходит в свет повесть «Чуваш кызы Энисэ» («Чувашская девушка Аниса»). Эти произведения З. Башири были высоко оценены читателями и критиками и считаются особенно ценными. По словам писателя, современники не раз говорили ему, что он очень увлекся чувашами: он не только пишет о чувашах, но и говорит о них постоянно².

Неудивительно, что писатель обращается к этой теме и проявляет глубокую симпатию к чувашскому народу. С детства его жизнь была тесно связана с чувашами: он, как уже было сказано, родился в деревне Чутеево, в окрестных деревнях которой живут чувашаи. «Аларның халыклары бүген бер тугандай дус яшиләр» (их жители словно родня живут дружно. – С.Г.) пишет Я.Г. Ухсай (1911–1986). В своем письме чувашскому писателю Якову Гавриловичу З. Башири также отмечает: «Мин яшь бала чагымнан ук чуваш малайлары белән уйнап-көлеп үстем. Аларның җырларын яраттым. Китаплар язган чагында алар миңа дәрт биреп, канатландырып тордылар»³ (Я еще в детстве играл с чувашскими мальчиками. Полюбил их песни. В моей творческой работе

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1.

² Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 134.

³ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1.

они окрыляли меня, давали душевный подъем. – С.Г.). Подтверждение этому находим и в повести «Чувашская девушка Аниса», где З. Башири описывает свою дружбу с Симёком.

По нашему мнению, в основе повести «Чувашская девушка Аниса» лежит материал этнографических очерков «Чуваши». Автор лишь художественно обогатил их. Об этом говорит повторение идеи, выражений, а порой и целых предложений. Также нет сомнений, что повесть является автобиографической. Поэтому, ознакомившись и проведя параллель между повестью и книгой-воспоминанием «Встречи с современниками» (1958), мы установили, что основные образы (Аниса, Семёк, Васюк) из «Чувашской девушки Анисы» имели место в реальной жизни и впоследствии послужили прототипами. В современном литературоведении прототип (от греч. *prōtótupon* – прообраз) понимается как прообраз, реальное лицо, представление о котором послужило для автора первоосновой при создании художественного образа¹. В мировой литературе очень много примеров, когда писатель в качестве литературных образов использовал людей из реальной жизни. Примеры, когда писатели для своих образов получают отдельные качества близких или современников, можно увидеть и в произведениях татарских писателей. Например, как считают ученые, у классика советской татарской и башкирской литературы М. Гафури (1880–1934) в повести «Кара йөзләр» («Черноликие», 1923–1926) прототипом образа Галимы является родная сестра писателя Сафия Гафури (далее Абдульманова (1868–1893), или прототип великого татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913) стал главным образом одноименного романа татарского писателя А. Файзи (1903–1958), написанного в 1952 году.

¹ Современная иллюстрированная энциклопедия. Искусство: в 4 книгах: гл. ред. А.П. Горкин. М.: РОСМЭН, 2007. Ч. 3. Л–П (с иллюстрациями). С. 285–286.

Очевидно, что на таких героев не всегда переносились отдельные черты реального человека, порой лишь концентрировались желательные черты. А вот имя, напротив, чаще оставалось реальным. В повести З. Башири имена персонажей, по нашим наблюдениям, являются несколько измененными или вымышленными.

В книге-воспоминании «Встречи с современниками» Зариф Башири неоднократно упоминает деревню Төмәр (Тюмерли), которая находилась в 15 километрах от родной деревни писателя Чутеево. Перед отправкой в армию, по словам автора, парни деревни Акзигитово (Акъегет, Зеленодольский район) ездили туда на медосмотр: *«Безнең авыл рекрутлары, солдатка каралу өчен, үз авылыбыздан унбиш чакрым чамасы ераклыкта булган, хәзерге Чуваш республикасына караган Төмәр исемле бер чуваш авылына баралар иде»*¹ (Рекруты нашей деревни перед призывом в солдаты ездили в деревню Тюмерли, относящейся ныне Республике Чувашия и находящейся в 15 верстах от нашей. – С.Г.).

В этой деревне встретил их и гостил у себя чувашин. В его доме Зариф Башири видит девушку 15–16 лет – единственную дочь хозяина Праски красивую, умелую. *«Бер генә дә – берәгәйле дигәндәй, Праски үзенең тышкы чибәрлеге белән дә, сөйкемлелеге, җитезлелеге, уңганлыгы белән дә алмаштырмаслык»*² (Мал золотник, да дорог. Прасковья незаменима и своей красотой, и обаятельностью, и расторопностью, и ловкостью. – С.Г.). Как позжтье пишет сам автор, именно эта встреча помогла ему «разбудить воспоминания его детства», вспомнить Анису и подтолкнула к написанию повести «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса»): *«Нечкәрәк кенә, урта буйлы бу кызның берәз гына*

¹ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. Б. 132.

² Там же. Б. 134.

кыйгачланып торган кара кашлары, уйнап торган кара күзләре аллә ничек минем бала чагымның күңел төбөндә яткан истәлекләрне уятып җибәргәндәй булды...»¹ (черные брови несколько вразлет, живые черные глаза этой невысокой девушки разбудили мои детские воспоминания. – С.Г.). Писатель так же подчеркивает, что этот случай стал для него большой находкой, в тот же вечер он начинает писать свою повесть².

Героиню повести З. Башири зовут Аниса, живет она в деревне Энәле (Енали). Именно здесь происходит первая встреча Заркая (именно так называет своего героя З. Башири) с Анисой. Возвращаясь из Буинска, они с отцом останавливаются в этой деревне³. Увидев девочку, Заркай испытывает необыкновенное чувство: «...*ике яшь чуваш кызының берсе минем күзләремә шул чаклы сөйкемле булып күренде! Ул минем йөрәгемә үк кереп утырды. Моңар чаклы минем беркемгә дә шул чаклы сөеп, үз итеп караганым юк иде*»⁴ (одна из двух чувашских девочек показалась мне такой привлекательной! Она вошла в мое сердце. До этого момента я еще ни на кого не смотрел с такой любовью. – С.Г.). Автор увлекается описанием красоты маленькой Анисы, своей влюбленности к ней, показывая тем самым насколько дорога стала девочка мальчику. 7–8-летний мальчик по-взрослому оценивает внешность, движения девочки: *куе кара кашлар* ‘черные густые брови’, *әз генә кысыграк булган сөрмәле кара күзләр* ‘немного узкие черные затененные глаза’, *куе кызгылт иреннәре* ‘красные губы’, *вак кына ап-ак тешләр* ‘мелкие белые зубы’, *матур һәм мөлаем итеп елмаюы* ‘кра-

¹ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 134.

² Там же. Б. 139.

³ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. Б. 130.

⁴ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 96.

сивая и обаятельная улыбка', *тездэн аз гына озынрак булган тар һәм биле бернәрсә белән дә буылмаган карасу-кызгылт алача күлмәгенең тез бәдәнәнә тагын да ныграк матурлык, килешлек бирүе*¹ 'темно-красное короткое пестрядевое платье чуть ниже колен и без пояса, подходящее стройному стану'. Красивая внешность, душе угодные поступки и поведение девочки пробуждают воображение мальчика, мечты о высоком: «...шушы сөйкемле чуваш кызы да минем сеңелем булса иде, бервакытта да минем янымнан китмицә, гел минем белән уйнап торсын иде!»² (была бы эта симпатичная чувашская девочка моей сетренкой, не отходила бы от меня ни когда, играла бы всегда со мной! – С.Г.). От этой мысли его посещает чувство счастья: «Аның белән уйнавы да күңелле булып, ул минем уенчыкларымны ватмас, үзенеке кебек кадерләп кенә тотар иде. Әни дә аның белән уйнаган өчен өчен орышмас, «Уенчыкларынңны ник аңарга бирәсең?» – дип ачуланмас иде. Мин уенчыкларымның сурәтләрен кәгазьгә төшергән чагында, ул да шуңа кызыксынып, тын да алмастан, матур күзләре белән миңа карап: «Бигрәк тә матур эшлисең бит, ә!» – дияр иде»³ (играть с ней было бы весело, не ломала бы она мои игрушки, берегла бы как свои. И мама не ругала бы меня за это, не говорила бы: «Почему даешь ей свои игрушки?»). А когда я рисовал, она заинтересовано смотрела бы на меня своими красивыми глазами и произнесла бы «У тебя получается очень красиво!» – С.Г.). Далее герой начинает размышлять над тем, как они будут общаться друг-другу: «Чынлап та, ул миңа ничек итеп эндәшер икән?.. Ул да сеңелем Сара кебек «Тәти абый!» дияр иде микән? Балкем, ул алай әйтмәс. Әнием кебек иттереп «Заркаем!» – дияр. Ә ул: «Абыем Заркаем», – дияр. Хисамуклар,

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 96.

² Там же. Б. 97.

³ Там же.

Сөнниләр кебек «Зари!» димәс бит!.. Ә мин аңар ничек итеп әйтер идем икән? «Сеңелем!» дияр идем микән?.. Беләсе иде, аның исеме ничек икән?.. Әгәр дә аның исеме «Басти» булса, мин аңарга «Сеңелем Басти» диярменме?.. Юк, алай килешми!.. Ничек итеп шундый сөйкемле бер кызга чуваш кызының исеме белән авызыңны тутырып: «Басти!» дияр идең! Аның исеме «Зифа!» булса, нинди әйбәт булыр иде, әнә бит Куян Кәмәленең кызы «Зифа» нинди сөйкемле!.. Ә моңа тагы да сөйкемлерәк булганы өчен «Зифакаем» дип үк жиберсәң!»¹ (И вправду, как же она будет обращаться ко мне?.. Будет ли она называть меня любимым братом, как и моя сестренка Сара? Может, не будет так называть. Может, как называет меня мать «Моим Заркаем», так и она назовет «брат мой Заркай». Не станет же она как Хисамук, Сунни называть меня «Зари»! А как я буду обращаться к ней? Сестренка моя? Узнать бы, как ее зовут. А если ее зовут Басти, назову ли ее сестренкой Басти. Нет, так не красиво!.. Как же можно такую красивую девочку назвать чувашским именем Басти! Если бы ее звали Зифа, было бы так хорошо. Вот же дочь Камала Зайца Зифа, как мило!.. А если назвать ее моей Зифой. – С.Г.).

Возможно, встреча с прототипом героини в реальности подействовала на Зариф Башири и нашла отражение в его произведении. Отрывки из «Встреч с современниками», где автор пишет свое любование и восхищение девушкой и о чувстве блаженства и наслаждения, которое он испытывает рядом с ней, по нашему мнению, говорят именно об этом: *«...ләкин мин нигәдер күбрәк Әнисә белән уйныйм. Ул үзенең сөйкемле елмаюлары, мөлаем карашлары белән дә, җәһезлеге, күндәмлеге белән дә мине үзенә тарта <...>. Без, бөтен дөньябызны онытып, болын буенда уйныйбыз, чәчәкләр җыябыз, шул чәчәкләрдән тәҗәлар ясыйбыз. Шуларны ки-*

¹ Башири З. Сайланма әсәрләр. Б. 197.

гәч, Әнисә минем күзләремә тагын да сөйкемлерәк булып, күңелемә тагын да якынрак булып китә. Шулай мавыгып уйный торгач, мин үземнең бакча сакчысы булганлыгымны да онытып жибәрәм»¹ (Я почему-то чаще играю с Анисой. Она притягивает меня приятной улыбкой, ласковым взглядом, расторопностью, послушностью. Мы играем, забыв обо всем, собираем цветы, делаем венки. В них Аниса смотрится симпатичнее. Увлечшись игрой, я забываю о том, что являюсь сторожем. – С.Г.).

У отца З. Башири у озера Кубня (чув. Кётне, тат. Гөбенә) был огромный огород. Во «Встречах с современниками» автор упоминает как в возрасте 11–12 лет ходил сторожить этот огород, а соседнее поле и прогалину деревни Ховылчирма охранял чувашин Васюк. Вместе с отцом там часто бывают его сын Симук, на год старше Зарифа, и дочь Аниса, младше Зарифа на 2 года². Дети очень быстро становятся друзьями. Видимо, писателю нравилась компания Симука. Об этом говорят строки, где З. Башири описывает то, как весело они проводили время, играли, рассказывали друг другу истории, читали сказки: «Ул (Симук – С.Г.) безгә чувашлар арасын-да булган кызыклы, гыйбрәтле әкиятләр сөйли. Кызыклы, күңелле булдуына мавыгып кына түгел, һәрбер сүзне үз жаена китереп, аларның мәгънәләрен аңлагандай иттереп сөйли. Кайбер урыннарда: «Вәт чапла бит ул» (Менә шулай бит ул), – дип, вакыйганы очлап та куя»³ (Он рассказывает нам чувашские поучительные сказки. Рассказывает не просто увлеченно, в его рассказе каждое слово к месту. Иногда тот или иной рассказ он завершает словами «вот так оно». – С.Г.).

¹ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 136.

² Там же. Б. 135.

³ Там же. Б. 131.

В повести огород охраняют Заркай и Аниса, а земли Ховылчирмы чувашин Тандыр и его сын Семёк¹. Таким образом, Симук – брат Анисы стал прототипом Семека в повести «Чувашская девушка Аниса». При этом автор дал этому образу все качества, которыми обладал брат Анисы. Он так же как и его прототип, красноречив и общителен: «Симук та саф кӱӇелле, чын дус-интӑш булып уйнарлык малай, ул жырга да, сӱзгӑ дӑ оста»² (Симук – мальчишка честный, с ним можно дружить, он красноречив. – С.Г.) или «Семёк үзенең саф кӱӇелле рус икӑнлеген тиз аңлатты. Ачык йӧзе, шаянлыгы белӑн безгӑ тиз якынлашты. Иртӑ белӑн ук ул безне шаян, уйнак сӱзлӑр белӑн каршы ала»³ (Семёк сразу дал понять, что он русский человек с чистой совестью. Он стал близок нам благодаря простосердечности, озорству. С утра он встречает нас шутками. – С.Г.).

З. Башири почти ничего не пишет о Васюке – отце Анисы. Во «Встречах с современниками» он упоминается лишь в связи с его детьми. В повести «Чувашская девушка Аниса» отцом девушки является человек по имени Аксаби. Из описания жизни еще маленькой Анисы становится понятно, что она не знала свою мать. Аксаби – второй муж этой женщины (автор не дает ее имени). Спустя год после замужества она умирает, оставив новорожденную дочь. Аксаби дает ей имя Аниса. Анису воспитывает жена старшего родственника Васека⁴. Таким образом, мужчина по имени Васек в произведении «Чувашская девушка Аниса» становится дядей Анисы, сыном от первого брака Аксаби⁵. Видно, что имя перенесло некоторые изменения с фонетической стороны. Этот образ в

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 130.

² Там же. Б. 135.

³ Там же. Б. 131.

⁴ Там же. Б. 111.

⁵ Там же. Б. 110.

повести также эпизодичен. Васёк, после смерти отца Анисы, отдает ее на воспитание семье нашего героя. После этого в произведении он больше не упоминается.

Примечательно, что своих прототипов имеют не только отдельные персонажи, но и наблюдается топографическая достоверность, и попытка писателя точно описать все места жительства происходящих событий. Об этом пишет и чувашский писатель Я. Ухсай: *«Повестьтагы вакыйгалар, чуваш халкына билгеле булган урыннарда – хэзерге алдынгы колхозлар «Гвардеец» һәм «Победа» жңирләрәндә бара»*¹ (Описываемые в повести события происходят на территории современных передовых колхозов «Гвардеец» һәм «Победа». – С.Г.).

Чувашские деревни играли большую роль, как в жизни автора, так и в жизни героя повести «Чувашская девушка Аниса». И в повести, и в «Встречах с современниками» З. Башири пишет о соседних чувашских деревнях. В воспоминаниях писатель упоминает чувашскую деревню Эндери (Ховылчирма), расположенную в 3–4 километрах к востоку от родной деревни рассказчика Акзигитово (Акъегет): *«безнең авылның киң болынлы, шактый зур Гөбенә суы буена утырган. Авылның көнчыгыш ягына чыгып китә торган кыр капкасын үткәч тә, бездән дүрт-биш чакрымда гына булган Куыш елга Эндерие дигән күрше чуваш авылының кыры башлана. (Бу авылны чувашлар Ховылчирма дип йөртәләр)»*² (наша деревня расположена у довольно-таки большой реки Кубня. С востока, как только выйдешь за *кыр капкасы*, начинаются земли чувашской деревни Андреевка – Куыш елга, находящейся в 4–5 верстах от нас (эту деревня чувашши называют Ховылчирма. – С.Г.). Героиня «Чувашской девушки Анисы» живет, как уже говорилось, в Энәле (Енали),

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 2.

² Башири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 134.

расположенной у дремучего леса в 4 километрах от деревни Заркая¹. Совпадают также описания расположения отцовского огорода, который охраняли главные персонажи повести и их реальные прототипы: «*Миңа унбер-унике яшъләр чагында, кайдан исенә төшептер, этием әлегә Әндери аланына тоташкан бер жирдән байтак кына урынны бүлеп алды да шунда кыяр, шалкан, кишер, кәбестә шикелле яшелчәләр утырта башлады*»² (Когда мне было 11–12 лет, не знаю от чего, мой отец взял надел там, где земли нашей деревни граничат с поляной Андреевки, и стал выращивать огурцы, репу, морковь, капусту и др. овощи. – С.Г.) или «*Болынның (Гөбенә болыны – С.Г.) әлегә «Ховылчирма» аланы тоташкан бер жирендә безнең этинең яшелчә бакчасы бар иде. <...> Эти энә шул бакчаны саклау, каравыллау эшен Әнисә белән миңа тапшырды*»³ (Там, где луг граничит с поляной Ховылчирмы, находился огород моего отца. <...> Охранять этот огород отец поручил мне и Анисе. – С.Г.).

Предметом изображения в повести являются не только красота родного края, счастливое детство, здесь ставится во едино частная жизнь и жизнь народа. Автор через крепкие чувства Заркая и Анисы поднимает острые проблемы своего времени. Как и в предыдущих произведениях, писатель через описание быта, стремлений и переживаний главных героев говорит в первую очередь о проблемах образования и воспитания. Главные, по мнению З. Башири, вопросы решаются традиционно, через образы детей. Образованные дети – это светлое будущее народа. Это осознает и старшее поколение. Поэтому уже в начале повести отец Заркая мотивирует своего сына к учебе, обещав купить ему сани, если тот будет хо-

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 125.

² Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Б. 135.

³ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 127.

рошо вести себя и преуспевать в школе¹. Слова отца Семёка: *«Биш класс бетергәнче укы, зур кеше булырсың, волостной писер яисә чатабут²»* (Отучись пять классов, станешь большим человеком, волостным писарем или счетоводом. – С.Г.) показывают, с какой ответственностью родители относились к учебе своих детей и чего ожидали от них.

З. Башири с уважением относился к чувашам. Поэтому он искренне желал, чтобы и этот народ, благодаря своему трудолюбию и старанию, стал образованным. Слова тети Вали (учительница Семёка) в повести «Чуваш кызы Аниса» словно передают мысли писателя: *«Чувашлар намуслы, эшчән, сәләтле халык. Тик аларда наданлык бик көчле. Сез укып чыгып, аларны агартыгыз, аларга якты юл күрсәтегез»³* (Чуваши – порядочный, трудолюбивый, талантливый народ. Но они – необразованны. Вы же, отучитесь, просветите их, укажите им правильный путь. – С.Г.).

По нашему мнению, образ Семёка в повести олицетворяет именно ту молодежь, которую хочет увидеть З. Башири в будущем. Семёк, несмотря на свой юный возраст, хорошо владеет татарским языком. Даже юный Заркай поражается ему: *«Семёк татарча шул чаклы оста сөйли, «бу чуваш малае» дип әйтерлек түгел»⁴* (Семёк так хорошо владеет татарским языком, что нельзя назвать его чувашским мальчиком. – С.Г.). Автор подчеркивает, что именно трудолюбие и желание помогли ему в этом. Кроме этого, Семёк ходит в русскую школу, поэтому свободно и без ошибок разговаривает на русском языке, употребляет в речи русские народные пословицы и поговорки, поет песни⁵. У этого мальчика есть все

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 91.

² Там же. Б. 134.

³ Там же. Б. 134.

⁴ Там же. Б. 133.

⁵ Там же. Б. 133.

необходимое для учебы: тетради, букварь, книги. В отличие от вышерассмотренных произведений, в повести автор затрагивает и проблему самообразования. По справедливому мнению писателя, дети помогут народу не только в будущем, но уже сейчас многому могут научить и научиться друг у друга: *«Семёк, Әнисә, мин тагын да ныграк душлашып, үзләшеп киттек. Болында төрле уенчыклар ясавыбыз да күбрәк китап-кагазьләр белән мавыгуга әйләненп китте. Семёк рус әлифбасы, русча балалар өчен язылган кечкенә сурәтле хикәя китаплары алып килә. Әнисә яшел чирәм өстенә утырып сәгатъләр буге шулардан карап рәсемнәр төшерә, Семек аңарга рус хәрәфләрен өйрәтә»*¹ (Семёк, Аниса и я сблизились еще больше. Если раньше мы делали игрушки, то сейчас больше увлекаемся книгами. Семёк приносит русский букварь, детские книжки с рисунками. Аниса, сидя на траве, целыми часами срисовывает их, Семёк учит ее. – С.Г.).

Важным для выражении идеи является вопрос Анисы: *«Безнең чуваш телендә кайчан шундый китаплар булыр икән?»*² (Когда же и у нас будут такие книги на чувашском языке? – С.Г.). Писатель считает отсутствие своих печатных изданий огромной проблемой чувашского народа.

Из описания чувашских деревень становится вполне понятным и оправданным повышенное внимание автора к вопросам образования. Нами уже говорилось, что З. Башири достаточно часто обращается к описанию быта сельских жителей. Не стало исключением и это произведение. Чувашскую деревню автор рисует такой, которой ее увидел впервые Заркай: *«авыл уртасына кергәч тә, әллә ничек минем тыным кысылып китте. Урамның икенче ягына тезелгән салам түбәле, тәбәнәк кенә өйләрнең агач стеналары кап-кара ко-*

¹ Башири З. Сайланма әсәрләр. Б. 135.

² Там же. Б. 140.

рымдай булып каралып торалар. Аларның урам як стеналарында булган кечкенә генә дүрт күзле бердәнбер тәрәзаләре дә бөтенләй тәрәзәгә охшамыйлар. Чөнки аларның кайберләренә тәрәзә урынынан карасу сары карындыклар гына корылган, кайберләре, пъялалары булса да, корымга буялган кысалары арасыннан туктаусыз рәвештә төтен чыгарып тора»¹ (когда дошли до середины деревни, у меня сдавило дыхание. Деревянные стены расположенных на другой стороне улицы изб с соломенной крышей почернели словно сажа. Единственное окошко на стене со стороны улицы совсем не похоже на окно. Потому что на некоторые из них затянуы перепонкой, а некоторые, даже если остеклены, через запачканные сажей рамы пропускают дым. – С.Г.). Дом, у которого остановились отец с сыном, больше был похож на черную баню: в стене на уличной стороне нет окон, проделана лишь отдушина, откуда клубится дым, стекла окна, смотрящего во двор, почернели. Такая картина, данная уже в начале повести, разъясняет стремление героев к образованию, в котором видется выход из сложившегося. З. Башири искренне верит, что этот трудолюбивый народ в будущем сможет стать развитым и культурным. Его мысли звучат устами отца главного героя Заркая: «Алар бик эшчәннәр, уңаннар. Алар соңгы вакытта укуга да бик нык ябыштылар. Менә күрерсең әле, унбишегерме елдан соң бездән дә аграк тормышлы булып китәрләр»² (Они очень трудолюбивы, умелы. Последнее время они взялись за обучение. Вот увидишь, через 15–20 лет они станут будут жить намного светлее нас. – С.Г.). Таким образом, называются основные качества, присущие чувашскому народу. Отец мальчика, продолжая знакомить сына с этим народом, указывает и на нравственность, нередко приводя живые

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 92.

² Там же. Б. 106.

примеры: «*Чувашлар алар, тормышлары эшэке булса да, эчлэре, намуслары белэн пакъ халык. Алар урламыйлар, хыянэт итмилэр, ялган сөйлэмилэр, телэнчелек кылмыйлар*»¹ (Хотя и жизнь у чувашей плохая, совесть у них чиста. Они не воруют, не предадут, не лгут, не попрошайничают. – С.Г.). По мнению писателя, даже при таких обстоятельствах, чувашаи остаются верны своим принципам – никогда не воруют и не попрошайничают. «*Безнең халык: «Без ак тормышлы, пакъ йөзле», – дип мактаньырга яратса да, шундый эшкэ (урлау-га – С.Г.) килгэндэ, кара тормышлы чувашлардан да яманрак*»² (Наш народ любит хвастаться, мол мы честны, однако в воровстве хуже чувашей. – С.Г.), – говорит и отец Заркая. Если встречаются таковые, они резко осуждаются народом. Так, в повести есть эпизод, когда в дом героя заходит 35–36-летний бедняга и просит милостыню. Аниса, узнав в просящем мужчине чувашина, прогоняет его со словами, что не только он, его поступок и его бедность, но и остальные жители его деревни, которые ни в чем не помогают немощному, позорят весь чувашский народ³.

Как показывает автор, чувашаи уже с юных лет прививают своим детям эти качества. Примером этому является юная Аниса. Писатель не раз подчеркивает трудолюбие Анисы. Она, как и многие ее соплеменники, считает, что прийти в лес и не собрать желудей, это неспособность и бездеятельность человека. Она не проворна, но и не уступает в силе даже мужчинам. Заркай поражается тому, с какой легкостью Аниса поднимает мешки, словно это не шестипудовые мешки, а подушки⁴.

Все же несмотря на тяжелый труд, она всегда остается женственной, поражает своей красотой всех окружающих.

¹ Башири З. Сайланма эсэрлэр. Б. 106.

² Там же. Б. 106.

³ Там же. Б. 138.

⁴ Там же. Б. 162.

Заркай сравнивает ее и с Нарспи и с восточными красавицами Лейлой и Зулейхой¹. Однако главное качество, выделяющее Анису среди других представителей чувашского народа, – ее грамотность: «Әнисә унөч яшенә жжиткәндә, татарча укый-яза белә иде инде. Ул татар телендәге әдәбият китапларын яратып, аңлап, мәгънәләренә төшенеп укый, алар турында төпле фикерләр йөртә ала»² (Анисе не было еще тринадцати лет, а она умела читать и писать на татарском. Татарскую художественную литературу она читает с любовью, понимает, высказывает свои мысли. – С.Г.). Аниса представляется в выгодном положении и в контрасте с чувашскими девушками, на легкомысленность и невоспитанность многих из которых она жалуется³.

Женские образы, как уже отмечалось нами, занимают особое место в творчестве З. Башири. Эти персонажи всегда положительные: красивы, воспитанны, уважаемы и любимы народом. Они несут особую идейную нагрузку. Аниса воплощает в себе не только детскую любовь писателя, но и, обрвав в себя все положительные качества, является образом, символизирующим весь чувашский народ.

В повести нашел отражение не только суровый быт, но и национальный характер, богатое культурное наследие чувашского народа, что особенно важно в наше время, когда утрачиваются национально-культурные ценности. Национальные особенности органично переплетаются с поднятыми проблемами. К примеру, еще в начале произведения, после описания чувашского дома, автор останавливает взор читателя на чувашской женщине, вышедшей из этого дома. Основную часть описания женщины составляют представление национальной одежды: синее льняное платье с

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 139.

² Там же. Б. 140.

³ Там же. Б. 40.

вышитыми разноцветными подолами, сутажами, лентами, возможно, белого, синего, желтого цветов. Ворот также украшен разноцветными тоненькими лентами из ситца. На голове женщины – туго затянутый тастар, который представляет собой бело-красное по краям полотенце. Оно завязано от подборотка к темени. Таким же полотенцем прикрыты половина лба, темень, шея, затолочная впадина. Оставшаяся часть – половина этого полотенца доходит до пояса женщины, концы вышиты разноцветными нитями¹.

В связи с раскрытием трудолюбия народа в канву произведения вводятся народные песни. Так, автор считает, что чуваши – народ лесной, дети леса². Они рубят лес, строят амбары, сараи, собирают травы (борщевик, сныть, щавель), ягоды (малину, костянику), орехи. Поэтому исполнение песен в процессе работы выглядит естественно, песня, начатая одним человеком, подхватывается другим. Такие песни часто связаны с личной жизнью, переживаниями исполнителей. Приведем пример песни чувашских девушек:

– *Перен урам анаталла, шуза анат пер чуна,
Эп урамьран итне чүнчэ, йөрсэ юлат хыр ача!
(Безнең урам тауга түбән, шуып төшә бер чана,
Мин урамнан үткән чакта, елап кала кыз бала!)*

(Улица наша к низу горки, катится саночка одна
Когда иду я по этой улице, плачет девушка одна! – С.Г.)

Аниса отвечает:

*Вырмандалай миерэй пучтарма, аван булат хынахыринә!³
(Урманда чикләвек жыю кунак кызына күңелле була!).*

(Весело гостье собирать орешки в лесу! – С.Г.)

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 94.

² Там же. Б. 131.

³ Там же. Б. 122.

Исполненные в лесу, песни звучат особенно. Вот как пишет об этом писатель: *«Дэртле жырларның талгын моңнары үзенә урман эченнән чыгар өчен юл таба алмаган төтен шикелле, калын имән башларына, аларның куге яфраклы ботакларына бәрелә-сугыла, ерак-еракларга очып китәләр дә, ниндидер үтә алмаслык жиргә сугылып, кире әйләнеп кайталар»*¹ (Протяжные мелодии чувственных песен, словно дымок, в поисках входа из леса улетают, ударяясь в деревья, далеко-далеко и, наткнувшись на что-то непроходимое, возвращаются обратно. – С.Г.).

Национальный колорит, красота и особенности обычаев чувашей проявляются в описании традиционного праздника этого народа «День Семика» и обряда провода невесты². Как видно из повести, этот праздник проводится в весенне-летний период. «День Семика», начинающийся уже с восходом, носит для чувашского народа обрядовый характер, а свадебные торжества, песни, хороводы и игры лишь пополняют и обогащают этот славный праздник. Жители чувашских деревень в это время воздерживаются от каких бы то ни было работ. Молодежь выходит на природу, спускается к реке. Парни и девушки, взявшись за руки, поют и танцуют в такт музыке. Каждой песне соответствует свой рисунок движения, свои правила игры. Парни и девушки во время этого праздника встречаются, знакомятся друг с другом, здесь они находят свою любовь. Автор в очередной раз подчеркивает красоту чувашских девушек, двигающихся под эти песни.

Приходят на хороводы и взрослые, и пожилые, и дети. Старики рассказывают истории из своей жизни, вспоминают молодость.

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 120.

² Там же. Б. 146–152.

Как подчеркивает писатель, игра молодых на скрипке и домбре лишь обогащает чудные праздничные вечера и вселяет радость в сердца даже пожилых людей.

З. Башири также подробно описывает проводы невесты, открывая тем самым своеобразное миропонимание народа. С утра молодые невесты в новых тастарах и платьях начинают ходить из дома в дом, что означает переход из молодости в семейную жизнь. Об этом же свидетельствует завязывания шали в форме треугольника на поясе. В каждом доме они причитают, прощаются с друзьями, родственниками, которые дают им необходимые советы, желают чистой любви и дарят серебряные монеты. После угощений, песен и плясок для невесты готовят тарантас: запрягают пару лошадей, вешают колокольчики. Невесте помогают подняться на тарантас. Женщины, сидящие впереди и сзади невесты, держат над ее головой занавес, под которым она должна причитать. В доме мужа ее встречают женщины, одна из них кладет под ноги невесты подушку, две другие ведут в дом. Четвертая подает ей масло с пожеланиями счастья, благополучия. После чего невеста дарит женщине льняное полотенце и поет песню невесты. В доме жениха невеста, по чувашскому обычаю, меняет одежду и отправляется за водой на родник. До прихода невесты женщины хвалят ее приданое¹.

З. Башири также упоминает о празднике «Мун көн», который чувашки, особенно некрещеные, отмечали в начале апреля. К этому дню, по словам автора, красили яйца². Как видно, в этих описаниях отражается глубокое знание автором народных обычаев.

Национальные кушанья чувашей не нашли в повести столь яркого описания. Чаще они сравниваются с татарски-

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 149–150.

² Там же. Б. 115.

ми, например, с *чегет* ‘чыгыт (вид сыра)’ и *аккүмәч* ‘булочка’, *борай йомшагы* ‘полбренный калач’, *туралы май* ‘масло с творогом’.

В то же время автор затрагивает проблему сохранения национальных ценностей. З. Башири обращает внимание читателя на то, что чувашаи чтят традиции предков¹. Поэтому соплеменниками были восторженно восприняты песни в исполнении Анисы, которая, живя в татарской деревне, не забыла родной язык, культуру. По наблюдениям Заркая, в ней, как и в нем самом, очень развито национальное самосознание². Именно поэтому невозможен их брак – соединение несоединимого.

Актуальным делает произведение и обращение З. Башири к проблемам мирного сосуществования, дружбы, взаимопомощи соседних народов. Автору удалось показать, что такая дружба сложилась не за один день. Дружили еще прадеды, они смогли сохранить и передать это чувство будущему поколению. В чем основа дружбы народов? На этот вопрос автор отвечает словами Аксаби: *«Бу дөнъяда үз корсагыңны гына кайгыртып яшәү – ул кешелек түгел. Үзеңнекен кызганма, кешенекенә кул салма, өмет атма! Үзең бир, кешедән сорама. Кешенең нәрсәсен үзеңнеке кебек күр: сакла, кадерлә. Менә шунда гына адәм балалары арасында чын татулык, саф кешелек жәмгыяте булыр»*³ (Жить в заботах только о себе – это не человечно. Свое не жалей, на чужое не посягай. Сам отдавай, но не проси. Относись к чужому, как к своему, береги. Только тогда между людьми будет настоящая дружба, искреннее человеческое общество. – С.Г.). Жизненные позиции и опыт Аксаби доказывают, что религиозные

¹ Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Б. 93.

² Там же. Б. 140, 149.

³ Там же. Б. 109.

взгляды также не должны быть помехой в дружбе. Именно поэтому Яков Ухсай назвал произведение писателя «Книгой дружбы»: «*Чуваши кызы Әнисә*» повесте басылганга илле елдан артыграк вакыт үтте. Ләкин ул татарлар өчен дә, чувашлар өчен дә буген дә кадерле, кыйммәтле, чөнки ул халыклар арасында дуслык арттыру нияте белән язылган китап»¹ (После того, как была опубликована повесть «Чувашская девушка Аниса», прошло больше 50 лет. Но она дорога и ценна чувашам и татарам и сегодня, так как написана с целью укрепить дружбу между этими народами. – С.Г.).

Повесть З. Башири «Чувашская девушка Аниса», пронизанная уважением, любовью не только к конкретной чувашской девушке, а ко всему народу, вызывала интерес у широкого круга читателей.

В фонде Зарифа Башири в ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся многочисленные письма, адресованные автору. Несколько из них принадлежат Радику Абулловичу Муллину – учителю Чичканской школы Комсомольского района Чувашии. Как видно из содержания письма, Р.А. Муллин с детства был знаком с Зарифом Башири. По словам автора письма, писатель оставил рукопись «Чувашской девушки Анисы» его матери. Так как произведение было написано на арабской графике, он не смог прочитать его сам. Историю об Анисе он узнает со слов матери. Уже тогда его поразило богатство языка писателя. Узнав о включении повести в «Избранные сочинения» и переводе на чувашский язык, он поспешил поделиться радостью с писателем². В письме от 10 апреля 1962 года Муллин пишет, что ознакомился с рецензиями на произведение, отправленные ему автором. Поздрав-

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 3.

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 72 (1948–1962). Л. 3.

ляет З. Башири с высокой оценкой за повесть «Чувашская девушка Аниса», и уведомляет о включении во внеклассное чтение для 7 класса. Самая высокая оценка повести З. Башири дана земляком писателя Шарифом Хусаиновым, который считает это произведение классикой мировой литературы.

Созданию особого колорита способствуют пословицы и поговорки, фразеологизмы, а также устойчивые выражения, которыми изобилует повесть: *Ызнаш Йомыттинныкы* ‘досл.: у знакомого Юматдина’, *ятимнең корсагы жиде* ‘у сироты семь брюх’, *берәүнең тәкәсен урлап суймаган* ‘не зарезал чужого барана’, *искә алып, санга санап* ‘не игнорировать, уважать’, *колакка туку* ‘прожужать все уши’, *кәжәсе көтүдән калу* ‘отстать’, *мөгез чыгару* ‘выдумывать небылицы’, *ялкау вакыты* ‘обед во время жатвы’, *пешкән шалкан* ‘мямля, букв. вареная репа’, *хәтер калдыру* ‘обидеть’, *дилбегәне кулдан ычкындырмау* ‘держаться борозды правления в своих руках’ и т.д.

Повествование в «Чувашской девушке Аниса» как бы соткано из личного и народного. На поверхности – теплые взаимоотношения мальчика и девочки, дружба семей двух национальностей. Героями повести стали реальные люди, с которыми автор был близко знаком. Реальность событий, глубокое знание быта и культуры чувашей делают роман красочным. Все это подчиняется раскрытию национальных особенностей, характера, культуры, стремлений и идеалов чувашей, дружбы татарского и чувашского народов.

Стремлением передать миропонимание народа, идею необходимости сохранения национального самосознания, раскрыть сущность дружбы народов продиктована композиция произведения: свободное, раскованное переключение авторского внимания с одного героя на другого, широта временных и пространственных границ, освещение личной жизни героев в той национальной среде, к которой они относятся.

1.5. Художественная интерпретация исторических событий в романе «Тау култыкларында» («В ущельях»)

За семь десятилетий – с 1862 по 1931 год – российский крестьянин прошел четыре столбовых поворота: отмену крепостного права, столыпинскую реформу, декрет о земле и коллективизацию. Ни одна другая страна в мире не знает столь быстрой и крутой ломки деревенского уклада. Из общины через частное землевладение в колхоз – таков путь, пройденный крестьянином России практически за одно поколение.

Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) провозгласил «курс на коллективизацию». Применительно к деревне это означало осуществление весьма многообразной системы мер, направленных на производственный подъем многомиллионной массы крестьянских хозяйств, увеличение их товарной продукции и вовлечение в русло социалистического развития. Но этот процесс ввел ряд изменений и в такое явление, как кулачество. Так, 8 ноября 1918 года на совещании делегатов комитетов бедноты Ленин заявил о решительной линии по ликвидации кулачества: «если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист»¹. Декретом от 11 июня 1918 года были созданы комитеты бедноты, которые сыграли большую роль в борьбе с кулачеством, они руководили процессом перераспределения конфискованных земель на местах и распределением конфискованного инвентаря, продовольственных излишков, изъятых у кулаков. Было изъято 50 миллионов гектаров кулацкой земли, перешедшей

¹ Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М.: Вече, 1999. С. 534.

бедноте и середнякам, конфискована у кулачества значительная часть средств производства в пользу бедноты¹.

Все эти исторические события освещались в средствах массовой информации, находили отражение в литературе. Отличительная особенность такой литературы состоит в том, что она является для современного читателя не только литературой, но и источником, поскольку многие авторы были непосредственными участниками и очевидцами событий. Они нашли отражение во многих произведениях русских и татарских авторов: в романе «Поднятая целина» (т. 1 – 1932, т. 2 – 1959) М.А. Шолохова, в рассказах «Дорогая доска» (1931), «Гвозди» (1932) П.С. Романова, в повести «Поездка в прошлое» (1986) Ф.А. Абрамова, в повести «Овраги» (1987) С.П. Антонова; в романе «Идел кызы» («Дочь Волги») (1978, 1986) Г. Ахунова, в романе «Матур туганда» («Когда рождается прекрасное») (1937) Ш. Камала, в повести «Агыйдел» («Агидел») (1936) М. Амира, в романе «Кабулсай» (1933) М. Галая, в романе «Утызынчы ел» («Тридцатый год») (1963) и др.

Не остался равнодушным к этим событиям и Зариф Башири. Его роман «Тау култыкларында»² («В ущельях») на примере узбекского народа показывает все тяжбы и трудности, пережитые простым народом во время коллективизации и становления колхозной жизни. Объектом художественного исследования писателя является восточный кишлак, с ее спецификой в культуре и быте, универсальным для многих регионов России в происходящих исторических событиях. Свидетельством жизненного, реального характера некоторых событий, на наш взгляд, является цикл статей «Совет(лар)

¹ Краткий курс истории ВКП(б) (1938 год) // Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997. 351 с.

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. 599 с.

Көнчыгышында» («На советском Востоке»), с которым роман имеет много общего в плане фиксации событий.

В романе «Тау култыкларында» Зариф Башири старается во всех подробностях описать трудности и проблемы развития сельского хозяйства, применения различных форм коллективного земледелия, социального расслоения деревни¹, анализировать деятельность кооперации, комитетов крестьянских обществ взаимопомощи, батрачества². Находит отражение в романе и социально-психологический аспект столь сложных и противоречивых процессов, как коллективизация и коренное переустройство деревни³.

Процесс коллективизации и связанные с ним проблемы З. Башири показывает на примере кишлака Ку. Писатель убедительно рисует процессы создания МТС и колхоза, укрепления их материально-технической базы, подготовки кадров (т.е. получение светских знаний), показывает роль рабочего класса в происходящем. Ярко написанные картины преобразования сельского хозяйства путем раскулачивания и раздачи земель простому народу обнажают общественные противоречия. На фоне таких событий в жизни людей З. Башири старается передать произошедшие изменения социального облика крестьян.

¹ Можаровский М. Как поднять доходность крестьянского хозяйства. Казань, 1927; Гайстер А. Расслоение советской деревни. М.: Комакадемия, аграрная секция, 1928. С. 141; Стяжкин В.С. Расслоение крестьянских хозяйств. Казань: Изд-во Казанских краевых стат. курсов, 1928. С. 33.

² Кооперация Татреспублики к 10-й годовщине Октябрьской революции. Казань, 1927. 93 с.; Зорин К.Ф., Исахов М.Х. Пути крестьянской практики. Казань: Изд-во Тат. ЦККОВ, 1927. 23 с.; Новицкий Л. Батраки в Татреспублике // Труд и хозяйство. 1928. № 7. С. 46–70.

³ Анчарова М.С. Письма крестьян о кооперации. М.: Кооп. изд-во, 1924. 30 с.; Сазонова Н.М. Куда идет деревня. М.–Л.: Московский рабочий, 1928. 178 с.

Начало романа «В ущельях» во многом перекликается с рассказом писателя «Да здравствуют деревенские девушки!», но развивается на новой основе. Особую нагрузку несет образ природы, вечно животворящей, щедрой. Народ живет в тесном соприкосновении с природой. Она благосклонна к жителям этого кишлака: *«Монда берэр авыл бардыр? дин уйларлык та түгел. Өрек, жиедә (хөрмәгә охшаш жимеш – С.Г.), анар, шафталу һәм яңгак (әстерхан чикләвеге – С.Г.) агачлары, авылның барлык коңгырт-сары балчык өйләрен үзләренең куе яфраклы киң ботаклары белән кочаклап, яшереп алганнар»*¹ (И не подумает, что здесь есть деревня. Деревья абрикоса, хурмы, граната, персика и грецкого ореха своей листвой спрятали все коричнево-желтые глиняные избы деревни. – С.Г.). А почва здесь настолько плодородна, что даже случайно выпавшее на землю семя не пропадает зря, зеленеет, вырастает и дарит свои плоды диканам кишлака². Писатель подчеркивает, что расположенность села у подножья горы, в свою очередь, помогает жителям решить проблему с водой. Таким образом, конкретное, обыденное получает широкое обобщение: богатство этих земель не должно пропадать зря и жители кишлака имеют все предпосылки для создания равноправного и богатого коллективного хозяйства, все в руках человека³. Такое символичное начало отражает веру автора в светлое будущее простых людей, в настоящей жизни которых происходят серьезные изменения, вызванные коллективизацией.

Борьба между простым народом и кулаками, которых, в свою очередь поддерживали и представители духовенства, является одной из центральных тем романа. Известно, что

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ Там же.

в этот период антисоветски настроенное духовенство совместно с кулачеством переходит к активному наступлению, распространяя листовки и провокационные слухи, организуя кулацкие контрреволюционные банды, убийства активистов¹. Эти события автор описывает в выразительной детализации, что позволяет запечатлеть происходящее не просто как историческое явление, но и через призму видения живого человека. Обобщенные образы антигероев – кулаков и духовенства – раскрываются в жестоких картинах убийств. Подробное описание убийства Санджар служит раскрытию людской природы – лживости, бесчеловечности: «*Сатти, башта, аңа күп кенә нәрсәләр сөйли. Аннан соң, бер табак плау китереп ашарга керешәләр. Сәнжәр алдындагы плауга көчле нәшә салынган була. Шул плауны ашагач, Сәнжәр исереп егыла. <...> Сәнжәрне исерткәч тә, Иргәш дамеллалар, Әземкол байлар, Әземжан белән Саттилар, иң элек алмаштилмәш дүртәүләп, аны көчләгәннәр. <...> Шуннан соң, Әземжан белән Сатти, Иргәш дамелланың чалмасы белән аны буып үтергәннәр дә, үлеген арык буена илтеп ташлаганнар»² (Сатти сначала рассказывает ему о многом. Потом начинают есть плов. В плов Санджара добавили анашу. Съев этот плов, Санджар опьянел. <...> После чего Иргаш дамелла, Аземкул бай, Аземджан и Сатти вчетвером изнасиловали его. <...> Потом Аземджан и Сатти задушили его чалмой Иргаш дамлы и бросили у арыка. – С.Г.). Для достижения своих корыстных целей, кулаки и представители духовенства убивали не только взрослых, даже детей. Приводит в ужас не столько хладнокровное описание убийства 11-летнего Тордыбая, сколько рассказ Перемджана об этом как бы обыденном*

¹ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС. Ф. 2. Оп. 2-1. Д. 2517. Л. 20.

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 311.

событии: *«Мин әкрен генә артыннан бардым да, сул кулым белән авызын томаладым, ә уң кулым белән пычакны тыга бирдем!»*¹ (Я пошел за ним, левой рукой закрыл ему рот, а правой воткнул нож. – С.Г.). Позже жители деревни насчитали на его теле 27 ножевых ранений. З. Башири подчеркивает, что эти два убитых человека были первыми жертвами на пути строительства коллективного хозяйства. Отношение кулаков к человеческой жизни раскрывается во фразеологическом обороте *кан чәчрәтеп уйнау* ‘играть, разбрызгивая кровь’, который в контексте приобретает значение презрения: *«Дин башлыклары белән кулаklarның эшкә комачаулык итәргә тырышулары, вак-төяк коткылар һәм хәйләләр белән генә калмастан, кан чәчрәтеп уйнау кебек жыркычылыкка да барып җитте»*² (Старание религиозных руководителей и кулаков препятствовать делу не ограничилось мелкими подстрекательствами и хитростью, они дошли и до кровавых игр. – С.Г.).

Символичным является имя отца Тордыбая – Курбан (Курбан – в переводе с арабского – жертва). Он воспринимается как человек, принесший большую жертву ради светлого будущего жителей кишлака Ку.

Активными сторонниками кулаков явились представители мусульманского духовенства Иргаш дамелла, Рузи дамелла и др. З. Башири рисует этих людей злейшими врагами коллективизации. Надо отметить, что, хотя герои эти и вымышленные, но доводы писателя являются правдивыми. Так как в России во времена коллективизации наблюдалась ожесточенная борьба между властимущими и простым народом. Поэтому в многочисленных решениях райкомов и окружкомов ВКП(б) отмечалось, что «усилившееся

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 315.

² Там же. Л. 252.

движение коллективизации проходит в обстановке обострившейся классовой борьбы в деревне. Кулачество, попы, сектанты ведут антиколхозную агитацию среди отсталых беднячко-средняцких масс, всячески противодействуя организации колхозов, поджигают колхозный хлеб, проникают в колхозы и ведут там разлагательную работу¹.

Описанные в романе исторические события помогли Зарифу Башири затронуть еще глубже его излюбленную тему – критику и высмеивание представителей мусульманского духовенства.

Раскрывая социально-политическую обстановку в стране, Зариф Башири стремится показать читателю, что наиболее сложным и трудным был вопрос о социалистической реконструкции сельского хозяйства. Выполнение этой задачи было связано с преодолением не только технико-экономической отсталости страны, что требовало сплочения трудящихся, их активного участия в социалистических преобразованиях повышения грамотности, культуры, творческой инициативы. Серьезным препятствием на пути строительства социализма, по мнению писателя, стали именно религиозная идеология и политическая антисоветская деятельность представителей мусульманского духовенства. Общеизвестно, что такое сопротивление религиозных сообществ во время коллективизации встречали многие районы России. Например, в решении того же Сибрайкома ВКП(б) от 25 мая 1928 г. указывалось, что религиозные организации вообще выступают «как враждебные политические партии»². Религия была использована кулачеством в его борьбе против коллективизации.

На примере Галибая З. Башири показывает читателю, как люди изначально уважительно относились к муллам, считая

¹ ПАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2740. Л. 4; Д. 2666. Л. 14.

² ПАНО. Ф. 2. Оп. 2-1. Д. 1849. Л. 54.

их не только образованными («зур белем иясе»¹), но «самыми близкими людьми Аллаха» («Аллага иң якын булган изге бер бәндә»²). Все меняется, когда уважаемый Иргаш дамелла лишает Галибая всего, хотя считали, что Иргаш «готов даже повеситься за Галибая»³. Именно это событие становится переломным не только в жизни Галибая, но и всего кишлака: «Галибай әкә белән Иргәш дамелла арасыннан үткән бу кара мәче, кышлакның башка «Галибай»лары белән «Әземкол бай»лары һәм «Иргәш дамелла»лары арасын да аралап чыкты. Һәркемне үз урынына һәм үз сызыгына куйды»⁴ (Кошка, которая прошла между Иргашем дамеллой и Галибаем, внесла разлад в отношения и других «Галибаев», «Аземкулов» и «Иргашев». – С.Г.).

После этого духовенство, учитывая соотношение сил и обстановку в кишлаке Ку, начинает применять разнообразные формы антиколхозной борьбы. На первом этапе, когда массовое колхозное движение только начинает набирать оборот, это была антиколхозная агитация. Писатель акцентирует внимание читателя на различных его формах, порой даже комичных: проповедь, исповедь, провокационные слухи о проплывающей турецкой эскадре через воды Сыр-Дарьи⁵, а также различного рода «чудеса» – «дождь из огненных камней»⁶, «о намерении турецкого паши поднять меч Али на СССР»⁷ и др. В надежде разрушить мечты простого народа и подчинить его себе, духовенство даже пускает слух о том, что Советская власть сожалеет о начатом процессе

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 29.

² Там же

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 149.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

раскулачивания и коллективизации, поэтому правительство прекращает это, распускает колхозы¹. Эти провокации были правильно оценены Исраилджаном и доведены до народа. Автор его устами выражает свое отношение к муллам (но не к религии!): *«акыллырак ишаннар белән руханилар нэй-рәң базлык (хэйләгәрлек) юлын тота башладылар. Алар, энә шундый ялган фәтваларны чыгарып, динне эшчәннәр белән изелгән крестьяннар файдасын күзәтүче бер канун иттереп күрсәтергә тырышалар»*² (более умные ишаны и духовные лица стали хитрить. Распуская такие ложные слухи, стараются приподнести религию как канон, служащий в пользу рабочих и крестьян. – С.Г.). Как отметил М.М. Бахтин, «человек приобретает в романе идеологическую <...> инициативность»³. В произведениях З. Башири такую нагрузку несут герои образованные, смелые, стремящиеся к переменам. Одним из них является Исраилджан.

На втором этапе, когда на основе сплошной коллективизации советская власть переходит к политике ликвидации кулачества как класса, ишаны, муллы и дамеллы вместе с кулачеством меняют тактику: переходят к более острым формам борьбы. Путем террора они пытаются запугать крестьян и приостановить набирающий силу в деревне процесс.

З. Башири различает два начала в поведении мулл: темное, страшное, которое отразилось в убийствах, и комическое, что связано с их отсталостью. Живые сцены из повседневной жизни кишлака, где муллы играют значительную роль, подчинены цели раскрыть их всесторонне.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 149.

² Там же. Л. 139.

³ Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Введение в литературоведение: хрестоматия. М.: Высш. шк., 1997. С. 307.

Так, нашествие саранчи на сельхозугодия автор иронично связывает с религией. Перед этим событием Рузи дамелла читал в мечети проповедь о конце света и пожирателях племени Гок и Магок или Яджуд и Маджуж – два народа, нашествие которых потрясет мир незадолго до второго прихода Мессии. Именно с этими созданиями сравнивает З. Башири насекомых, заполнивших зеленые посевы Ишмат аки. Еще более комичным кажется ситуация, когда Тургунбай закрывается в мечети, покупает амулеты и начинает молиться в надежде спасти свой урожай, а также молитвами помочь простому народу. Он очень радуется, когда нашествие саранчи прекращается, видя в этом свою заслугу и силу своих молитв. Но, увидев свои земли, испытывает шок: *«жэире өстендэге теткэләнеп беткэн үсемлеклэр белэн чикерткэлэр улеген күргэч, башына күсэж белэн суккан булып, тып итеп туктады...»*¹ (увидев разорванные растения и тела саранчи, он резко остановился. Его словно ударили по голове. – С.Г.). Резкий контраст в изображении желаемого и произошедшего показывает не только направленные на набивание личного кармана действия духовенства, но и необходимость перемен в жизни. Ведь победа над саранчой – полностью заслуга современной науки, а не амулетов.

Несмотря на сопротивление кулачества и духовенства, коллективизация сельского хозяйства, как показывает писатель, проходила успешно. Многие, не считая семей и родственников кулаков и представителей духовенства, вступили в колхозы. А духовенство вело агитацию за растрачивание колхозного имущества, убой скота. Но решительными мерами, принятыми партией и правительством, допущенные ошибки были исправлены, что и закрепило первые успехи

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 347.

в колхозном строительстве. З. Башири показывает, что позиции кулачества и духовенства в кишлаке Ку были ослаблены. В связи с ликвидацией кулачества и успехами коллективизации они стали терять свою опору в деревне, но не прекратили борьбы против колхоза, не теряли надежды на реставрацию капитализма. Разбитые в открытом бою, кулаки и представители духовенства прибегали к другим формам действий: подкуп активистов, заговоры против них, стремление их подставить в целях саботажа, дезорганизации и сохранения своих оставшихся богатств. Так, в романе «В ущельях» после убийства одиннадцатилетнего Тордыбая, его отец Курбан начинает активно предоставлять комиссии по землеустройству информацию о землях, орудиях земледелия и домашнем скоте богатеев. В целях сберечь свое богатство они делают попытки подкупить его. Абджелбай у которого служил Курбан, обещает вернуть все земли его отца (*«атаң мәрхүмнән алынган 15 танап җир белән 3 танап җимеш бакчасы да үзеңә «хәләл» булсын»*)¹ (15 танапов земли и 3 танапа сада твоего покойного отца пусть принадлежат тебе законно. – С.Г.), предлагает четырехкомнатный дом, орудия для земледелия и лошадь, требуя лишь его молчания: *«ул, Корбан чәрикарга дүрт бүлмәле өй дә салып бирергә булды. Тимер амач (сабан) белән ат алып бирергә дә вәгъдә итте. <...> Тик калган җирләрем белән яшерелгән маллар турындагына, күзең күрсә дә, күңлең күрмәсен, авызың телсез булсын!»*² (Он решил построить Курбану четырехкомнатный дом, обещал дать ему железный плуг и лошадь. <...> Но оставшиеся земли и скот мой, даже если увидят твои глаза, пусть не видит совесть, язык свой прикуси. – С.Г.). А обещания Иргаш дамеллы звучат и вовсе заманчиво, он пророчит

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 347.

² Там же. Л. 289–290.

райскую жизнь¹. Но Курбан стоит на своем, подчеркивая, что рай для него – отстаивание прав таких же обиженных и ограбленных, как и он сам. Еще одного активиста – Исраилджана – Шадикул и Рузи дамелла с помощью начальника милиции Камилджана пытаются посадить в тюрьму, подкинув ему рисовые зерна из амбара Шадикула. И эта затея богатеев терпит крах.

Главные герои романа Зарифа Башири «В ущельях» – активисты Курбан, Исраилджан, Галибай, Комрихан, Айниса и др. – выходцы из простого народа. На пути к светлому будущему они оказываются в самых нелегких и трагических ситуациях. Писатель сумел создать замечательные образы настоящих трудяг со своими достоинствами и недостатками. Их отличают самоотверженность, мужество, находчивость, упорство, оптимизм в любых жизненных ситуациях. Перед нами предстает борец, не жалеющий своей крови ради светлого будущего своего народа, всего рабочего класса, умеющий найти выход из самого непростого положения. Иначе говоря, каждый из этих образов – собирательный, соединяющий в себе основные типичные черты духовного облика прогрессивного человека своего времени. Тот факт, что такие люди, как Курбан, Исраилджан, Галибай, Комрихан, Айниса, всеми силами борющиеся ради своих интересов, существовали в те времена – вовсе не требует доказательств. Такие герои, несомненно, стали нарицательными. В каждом из них читатель мог узнать себя, знакомого, друга, родственника и др.

Свершившийся факт коллективизации автор расценил с точки зрения прогресса. Такое отношение отчетливо проявляется в решении традиционных для творчества З. Башири женского вопроса, проблем образования и создания семьи.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 290.

В этом романе автор создает одновременно нежный и отчаянный образ девушки Айнисы. Все изменения в жизни женской половины населения показаны на ее примере. Поэтому главу, посвященную ей, писатель называет «Беренче карлыгач» («Первая ласточка»), фокусируя внимание читателя на очень важном событии в мусульманском мире. З. Башири рисует ее первой женщиной, выступающей против старых традиций. Ее поступки – отказ выйти замуж за богатого ишана и отказ от платка¹ – вызывают уважение и дают толчок другим женщинам. На собрании, прошедшем 8 марта, 38 женщин кишлака решаются на этот шаг. Автор считает это не просто «освобождением» их от оков религии и старых традиций, но и началом новой жизни. Изменения оказываются значительными: они начинают учиться, поступают на курсы, образуют совхозы и т.д. Удивляется Айниса прогрессу в Ку, куда она возвращается после учебы, продлившейся 2 года 6 месяцев. Галибай объясняет это тем, что в современном обществе женщины делают все наравне с мужчинами, и уже нет смысла содержать для них отдельные клубы и кооперативы². Все это говорит о том, что наступило «время свободного выбора <...> форм поведения»³ и в корне изменилась психология сельского человека.

Новый взгляд на жизнь прослеживается в отношениях к созданию семьи. Межнациональные браки оцениваются, прежде всего, с позиций строительства новой жизни. Например, свадьбу жителя кишлака Израилджана и приезжей сюда в годы голода русской девушки Маруси меньшевики восприняли как чрезвычайное и неожиданное событие, стира-

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 93.

² Там же. Л. 541.

³ Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. С. 225.

ющее грани национального («Дин бетте да инде, э милләт кая?»)¹ (Религиии нет, а как же нация? – С.Г.), а большевики – восторженно, считая это новой силой на пути построения светлой жизни («яңа тормыш кадрларын кан аралаштырып хәзерлибез!»)² (кадры для новой жизни готовим, смешивая кровь. – С.Г.).

Красной нитью в романе Зарифа Башири проходит тема просвещения. Как и во многих других своих произведениях, причину нищей и тяжелой жизни простого народа писатель видит в необразованности.

Потеря всего имущества неграмотными людьми, по мнению З. Башири, закономерна. Судьба семьи узбека Галибая вызывает и жалость, и осуждение. Вернувшись после февральской революции с лашманской службы, он обнаруживает, что семья осталась ни с чем: «Галибай экә, ишек алдына, як-ягына бер күз ташлау белән, кинәттән аның сулышы бугазына тыгылгандай булып китте. Ишек алды, шул дәржәдә тарайган иде, әйтерсең лә, ул әкрәнләп сулыш аларлык һаваны да сыйдыра алмый! Кечкенә генә балчык өйнең арт ягына терәтеп, биек балчык койма сугылган. Галибай экәнең электә ишектән чыгу белән күз алдында жәелеп яткан пахта (мамык – С.Г.) игә торган жырләре, энә шул балчык койманың артына яшерелгәннәр. Тар гына итеп бүленгән ишек алдында, шундый буш, шундый тын булып калган, койма буйларында чикерткәләр кыштырдаган тавышлар да ишетелми, ичмасам!»³ (Галибай ака бросил взгляд на подворье, вдруг воздух застрял в горле. Подворье стало таким маленьким, словно здесь нет воздуха и столько, чтобы вдохнуть! Сразу за маленьким глиняным домом идет

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 389.

² Там же. Л. 388.

³ Там же. Л. 35–36.

глиняный забор. Земли, где он возделывал пух, раньше были видны сразу, как выйдешь из дома. А сейчас они оказались спрятанными за этим забором. Узкое подворье стало таким пустым, тихим, что даже не слышно шуршание кузнечика за забором. – С.Г.). Одна эта картина дает фрагмент жизни всей деревни. Позже выясняется, что все произошло из-за неграмотности. Жена Галибая Комрихан, не зная, что написано, поставила отпечаток своего пальца на незнакомом ей листке бумаги, который подсунул ему Иргаш дамелла¹. Именно поэтому, когда в кишлаке начинаются большие перемены, Галибай и Комрихан первыми записываются в школу ликвидации безграмотности. З. Башири показывает, что Комрихан, словно не желая повторить таких серьезных ошибок, всю душу отдала учебе, вместе с мужем она занималась даже дома.

З. Башири подчеркивает важность знаний в развитии человека и общества в целом. Детальные описания интерьера, основанные на контрасте, воссоздают полную картину изменений. Автор показывает, что произошло в жизни Галибая и Комрихана после поступления их в школу ликбез: они вернули свои земли, начали выращивать овощи, у них появилась корова. Описание душевных состояний, стремлений персонажей придают убедительность выводам. Так, З. Башири не раз показывает, что эта семья очень довольна обучением. Их жизнь на столько изменилась, что родная сестра Комрихана Зейнаб завидует их красивой жизни: *«Кигәне постау да, трика <...> ашаганы бал да – май! <...> Терлек-туарлары шундый симез: жәилкәләреннән май ташып тора. Өй әсбаплары белән корал-япдыкларын әйтмисеңме тагын!.. Ни дисәң шул бар, өй эчләрендә пөхтәлек, жәйынаклык күренеп тора!..»*² (Носит

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 37.

² Там же. С. 354.

одежду из сукна да трико, <...> живет как сыр в масле! <...> Скот настолько упитанный, что заплыл жиром. А домашняя утварь и инструменты!.. Все есть, дома чисто и убрано. – С.Г.).

На примере отдельных персонажей автор старается доказать, что можно добиться более высоких результатов, если получить должное образование. Например, успехи Галибая, Халмета, Нармата в возделывании земель, семеноводстве, по словам, Сабирджана, – результат учебы, чтения газет и книг. Особое значение имеют слова *«Гәммә эш, укый-яза белүдә»*¹ (Все в умении читать и писать. – С.Г.).

Писатель и в этом произведении акцентирует внимание читателя на том, что будущее – за образованными людьми. Эта мысль звучит устами Курбана как назидание младшему поколению: *«Укы балам, укы!... Гәммәбезнең дә киләчәге өчен зур якты өмет булганыңны аңлап укы!.. Без надан калганбыз. Бездәге көчкә, бездәге дәрткә, яхшы укыган җитәкчеләр кирәк балам! Тырышып укысаң, син, безнең гәммәбезнең дә җитәкчесе булырсың, улсызларның улы, юлсызларның юлбашчысы булырсың!..»*² (Учись, дитя мое, учись!.. Учись, понимая, что ты светлая надежда каждого из нас. Мы сильны и энергичны. Нам нужны образованные руководители. Будешь хорошо учиться, станешь нашим руководителем, сыном, у кого нет сыновей, вождем для непутевых. – С.Г.).

Значительное место в романе занимают описания новаций, которые произошли под влиянием социально-экономических преобразований в Ку и работы активистов, представителей партии. Читатель видит их, прежде всего, глазами Айнисы и Тухтахана, которые отсутствовали в течение почти трех лет. Знакомый с детства кишлак открывается им в новом

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. С. 338–339.

² Там же.

свете. За время их пребывания в Самарканде кишлак Ку из отсталого поселения с крайне низким культурным уровнем населения, превратился в могучую индустриально-колхозную деревню. Уже на подходе к кишлаку, их встречает огромная надпись «Колхоз Санджар, основан в 1930 году» вокруг серпа и молота на красной звезде. Еще больше их удивляют гудки, доносящиеся со стороны кишлака. Подъехав поближе, на заречной улице, за деревьями, Айниса и Тухтахан видят трубы заводов. Узнав сады совхоза, удивляются еще больше. Сколько труда было вложено ими в этот сад!¹

В романе «В ущельях» автор вновь обращается к излюбленному контрастному описанию прошлого и настоящего, тем самым «читатель оказывается перед разнообразными мимолетными снимками, сделанными на разных этапах жизни героев «неподвижных в момент восприятия»². Такое построение материала как нельзя лучше выражает авторский замысел – показать новую жизнь, к которой должны стремиться все люди. Она открыла большие возможности для простого человека, прежде всего изменила их быт. Самым эффективным и объемным является, пожалуй, описание общего вида кишлака. Точная картина создает эффект присутствия: *«алар элекке истәлекләрни куз алдына китерерлек бер генә нәрсәне дә күрә алмадылар. Киң урамнарның ике ягына да матур гына, жыйнак кына бер катбатлы ап-ак өйләр тезелеп киткән. Аларның урам якка караган куш тәрәзаләрәнән, бөтен урамнарны яктыртып электрик яктылары төшеп тора. <...> Бу өйләр, бер-берсенә шул чаклы ошыйлар, әйтерсең лә, бер калыптан чыккан*

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 514.

² Себина Е.Н. Описание // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие: под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 1999. С. 225.

уенчык өйләр!.. Урамнарның әсеп суккандай тигезлеге, өйләрнең бер-берсенә булган якынлык-ераклыгы шундый оста эшләнгән, әйтерсең лә, әжимеи орлыкларын утыртып йөргән агроном, боларның да орлыкларын шулай – аршинлап, виршоклап, үлчәп утыркан да, алар да, шуннан тигез генә борынлап чыкканнар.

Бар инде, син, энә шуларга карап, тирә яклары тәрәзәсез-нисез, коңгырт балчык стеналардан гына гыйбарәт булган әрлән юллары шикелле кәкере-бөкере тар урамнарны күз алдына китер?!»¹ (они не увидели ни чего, что связывало бы с воспоминаниями прошлого. С двух сторон широкой улицы расположены аккуратные белые дома. С их окон падает электрический свет. <...> Эти дома настолько похожи друг на друга, они словно игрушечные дома из одной формы!.. Ровность улицы, расположения домов настолько точны, словно агроном каждое их семя посадил, учитывая каждый аршин, каждый вершок, и так же ровно они взошли. Вот представь себе по ним глиняные дома без окон да кривые, словно подземные переходы хомяка, улицы! – С.Г.). Значительным элементом в романе является вопрос, прозвучавший неожиданно для читателя. Айниса обращается к прохожему с просьбой подсказать, где находится ее родной дом². Это обращение несет особую смысловую нагрузку, так как свидетельствует о грандиозных изменениях. Расположенные по дороге трехэтажные белые дома, высокие столбы с большими электрическими лампами и здания с надписями «районная больница», «техникум садоводства», механизированная, огромная плотина говорят о развитой экономике, инфраструктуре.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 515.

² Там же. Л. 516.

Таким образом, роман З. Башири «Тау култыкларында» («В ущельях») является интересным документом эпохи. Автор охватывает период, когда крестьянство активно вовлекалось в общественно-политическую и культурную жизнь страны, когда в деревне происходили огромные и сложные перемены, а в сознании сельского жителя переплелись элементы старого и нового. Писатель показывает коллективизацию, раскулачивание, особое внимание уделяет борьбе против представителей духовенства, затрагивает проблему развития кооперации, мероприятий по поднятию уровня сельскохозяйственного производства, культурного строительства, а также деятельности партячеек и сельсоветов. Основной акцент при этом делается на народные массы, которые стали решающей силой великих исторических событий. В связи с этим на авансцену выдвигаются герои прогрессивных взглядов, образованные, умеющие ставить цели и добиваться их – борцы и активисты, женщины, выступившие против некоторых традиций (Айниса, Тухтахан, Курбан, Галибай и др). При этом контрастные изображения героев, описание новой жизни объясняется тем, что литература уже в конце 20-х годов служила политическим и идеологическим целям¹.

Ключом к проблематике произведения являются детальные описания пейзажа, интерьера, переживаний и раздумий персонажей.

В целом, романе «Тау култыкларында» («В ущельях») З. Башири, как и в литературе того времени, продолжают разрабатываться традиционные вопросы: союз рабочего класса и крестьянства, колхозное строительство, классовая

¹ Галимуллин Ф. Эле без туганчы... (1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш). Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Б. 46.

борьба в деревне и ликвидация кулачества¹. Вместе с тем наблюдается повышенный интерес писателя, как и многих других исследователей того периода, к новым аспектам проблемы – социальной психологии в 1920-е гг.², культурному строительству в деревне³, социальной структуре сельского населения⁴.

Творческое наследие З. Башири составляют лирика и проза. Среди поэтических произведений преобладают стихотворения. Имеются также поэмы, роман в стихах и стихотворный рассказ. Лирическим произведениям автора свойственна связь фактов времени, истории с чувствами лирического героя.

Прозаические произведения Зарифа Башири написаны в различных жанрах: рассказы, фельетоны, повести, романы. Проза его, на первый взгляд, воспроизводит особую атмосферу тяжелой жизни татарского крестьянства, однако

¹ Юдин И.Н. Из истории борьбы КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в 1925–1927 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та, 1957. Т. 117, кн. 1. С. 56–67; Дювбанов П.М. Из истории совхозного строительства в Татарии. 1918–1969. Казань: Дом политпросвещения Татарского ОК КПСС, 1970. 300 с.; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с.

² Куликов В.Е. К вопросу о содержании идеологии советского крестьянства в доколхозный период // Проблемы истории крестьянства. М.: Наука, 1981. С. 114–122; Роголина Н.Л., Щетнев В.Е. Динамика психологии и общественных настроений крестьянства в 20-е годы // Становление и развитие социалистического образа жизни в советской деревне. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 83–91.

³ Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927. М.: Наука, 1983. 215 с.; Гарипова З.Г. Культурно-просветительская работа в Татарии в годы 1 пятилетки (1928–1932 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 159 с.

⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 358 с.

она плотно насыщена думой о народе. Этому способствуют разные средства. Автор довольно часто (в рассказах «Девушка, проигранная в карты» и «Да здравствуют деревенские девушки!») предельно детализированно дает бытовые картины. С максимальной правдивостью говорит о своей родине, избегает приукрашивания. Судьба народа рассматривается автором в разрезе его непосредственных занятий, каждодневного труда. Раскрытию причин назревших проблем служит контрастное описание (прошлого и настоящего, прогрессивного и тормозящего). Вместе с тем для автора важна образованная личность, с которой связывается будущее народа. Эта идея доминирует во всех произведениях З. Башири. Для реализации своего замысла автор создает положительных героев, обычно детей (Ильдар, Рахмай, Симук, Аниса), не только воспевают их стремление к образованию, желание взрослых помочь им, но и показывает рождение нового поколения.

Носителем негативного в произведениях З. Башири являются представители духовенства, а именно муллы-кадимисты, что связано с теми преобразованиями, которые начались в мусульманском обществе России того времени. Муллы-кадимисты часто показаны эгоистически приземленными, жестокими, недалекими, иногда даже комичными. В отсталости народа, пьянстве, безделии автор обвиняет, в первую очередь их. Критика мусульманского духовенства, на наш взгляд, имеет, прежде всего, просветительский характер.

Исторические картины, созданные автором в повести «Карағош яуы» («Нашествие Карагуша»), в романе «Тау култыкларында» («В ущельях») содержат натуралистические элементы, которые служат раскрытию человеческой натуры и трагизм происходящего. По данным нашего анализа, зачатки натуралистического изображения нечеловеческого в

человеке проявляются еще в начале творческого пути З. Башири – в рассказе «Тәүфыйк-һидаят» («Нравственно правильный путь», 1913).

Особое место в творчестве З. Башири занимают яркие, запоминающиеся женские образы (Зульхабира, абыстай, Аниса, Айниса). Они привлекают читателя не только красотой, но и воспитанностью, образованностью. Велика их роль в сохранении семейного очага, национально-культурных ценностей. Героини З. Башири проходят через тяготы и боли, часто становясь жертвами реальности. В изображении женщин автор так же выступает как писатель-просветитель.

При бытовой конкретности общей картины в творчестве писателя усиливается звучание вечных проблем: сохранение национально-культурного, духовного богатства народа, национального самосознания, дружбы народов. В рассказе «Девушка, проигранная в карты» и повести «Чувашская девушка Аниса» автор сумел приподнять завесы повседневности и показать крупницы истинных духовных ценностей. С помощью народных рассказов (рассказы о Зульхабуре, Хамиде, Гарае, об Аксаби), поверий, описывая праздники, посиделки, народный костюм, З. Башири вводит читателя в большой мир, знакомый и незнакомый.

Обращение З. Башири к фольклору – явление не случайное. Это обуславливается многими факторами. В творчестве писателя это – основные жизненные проблемы, идейные течения времени; историко-литературные факторы, которые включают в себя особенности фольклорной традиции того или иного исторического периода и народа. Важно учитывать также и личные или биографические обстоятельства: степень знакомства З. Башири с жизнью разных народов и их творчеством. Известно, что писатель, часто пережывая, тесно общался с представителями разных народов, был хорошо знаком с их жизнью, духовными

ценностями и народным творчеством. Следовательно, использование З. Башири в своих произведениях традиций татарского, чувашского фольклора стало органичным, естественным процессом.

В целом жизнь народа в прозе Башири раскрывается в емких границах. Автором представлены анализ условий существования в ракурсах прошлого, настоящего и будущего, картины народного движения, показаны поиски идеала в народной среде, раскрыты национальный характер и приоритеты, миропонимание народа, его национально-культурные богатства.

2. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАРИФА БАШИРИ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Важной составляющей творчества З. Башири является публицистика. Публицистика понимается нами как «жанровая характеристика литературного журналистского произведения, спецификой которого является реагирование на актуальные общественнозначимые процессы и проблемы путем их документального отображения, идейно-политического осмысления и эмоционально-художественной оценки»¹, в нем отражается гражданская позиция автора, тенденциозность, полемичность².

На протяжении всего творческого пути З. Башири было создано множество произведений публицистического типа. Писались они как на татарском, так и на других тюркских языках – чувашском, башкирском, узбекском. Публицистика не является чем-то случайным в его творчестве. Отраженные в публицистике автора картины действительности, человеческие характеры, органически вплетаются и в ткань его художественных произведений, как аргументы, почерпнутые из самой жизни.

¹ Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. URL: http://portal/gersten.ru/component/option,com_mtree/task,viwlink/link_id,10089/itemid:50

² Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2007. С. 214–215.

Насущные вопросы общественно-политической жизни начала XX века остро ставились на страницах газет и журналов, так как «демократические перемены в татарском обществе, начавшиеся в 1905 году, стали катализатором для проявлений идей национального самоопределения»¹. Как известно, в 1905–1907 гг. по всей России на татарском языке одновременно легально выходили 33 издания (21 газета и 12 журналов): одиннадцать – в Казани, семь – в Оренбурге, пять – в Астрахани, по четыре – в Уральске и Петербурге, по одному в Москве и Уфе². Однако многие из них под натиском цензуры или из-за материальных трудностей быстро сошли со сцены. Среди них более или менее жизнестойкими оказались такие издания, как «Вақыт» («Время»), «Шура» («Совет»), «Яшен» («Молния»), «Ялт-йолт» («Зарница»), «Аң» («Сознание»), «Йолдыз» («Звезда», «Юлдуз»), «Кояш» («Солнце»), «Ак юл» («Светлый путь»), «Тормыш» («Жизнь») и др. Эти газеты и журналы, издаваемые в различных регионах России, проникали в среду и других тюркских народов, оказывая на них определенное идеологическое и литературное влияние, тем самым сближая их с общероссийской действительностью³.

С судьбами почти всех изданий наиболее тесно связано развитие художественного творчества лучших представителей татарской демократической литературы и искусства эпохи первой русской революции – Габдуллы Тукая, Галиаскара Камала, Фатиха Амирхана, Гаяза Исхаки, Галимджана Ибрагимова, в том числе и Зарифа Башири. В периодических изданиях вышли в свет и некоторые литературные труды, в частности

¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 3.

² Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать: 1905–1907. М.: Наука. 1988. С. 10.

³ История татарской литературы Нового времени (XIX – начало XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 176–177.

стихотворения З. Башири. Видное место среди них занимают стихи, посвященные татарскому народному поэту Г. Тукаю. Должность заведующего секретаря журнала «Чүкеч» («Молот») в 1908 году помогла З. Башири беспрепятственно издать стихотворения «*Мөтәрҗим шагыйрь*»¹ («Писатель-переводчик»), «*Ул дисезме?*»² («Говорите, он?»). На страницах газет и журналов также издаются стихотворения «*Безнең Гөбенә*»³, («Наша река Кубня»), «*Уңыш жырлары*»⁴ («Песни урожая»), «*Безнең яз*»⁵ («Наша весна»), «*Мин бит Волга баласы*»⁶ («Я же дитя Волги»), «*Туқыран тәүбәсе*»⁷ («Раскаяние дятла»), «*Берничә сүз*» («Несколько слов»), («*Хәбәш кызы*»⁸) («Эфиопская (темнокожая) девушка»).

Публицистика этих лет развивалась в тех же социально-исторических условиях, что и литература, одновременно с ней. Практически все, что было актуально в общественной жизни, находило свое отражение в прессе.

События 1905–1907 годов дали особый толчок публицистическому творчеству писателя, зарождение татарской периодической печати вдохновило Зарифа Башири встать на путь служения своему народу. Печатается он в известных татарских периодических изданиях того времени, таких как журналы «Шура» («Совет») и «Чүкеч» («Молот»), газеты «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), «Фикер» («Мысль»), «Йолдыз» («Звезда»), «Вақыт» («Время»). Он не только пишет статьи, но и сам активно участвует в издании ряда газет и журналов.

¹ Башири З. Мөтәрҗим шагыйрь // Чүкеч. 1908. № 50.

² Башири З. Ул дисезме? // Чүкеч. 1908. № 63.

³ Башири З. Безнең Гөбенә // Кызыл таң. 1956. № 258, 2 нояб.

⁴ Башири З. Уңыш жырлары // Кызыл таң. 1956. № 258. 2 нояб.

⁵ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 10.

⁶ Там же..

⁷ Там же.

⁸ Там же. Статья 56.

Так, в 1908 году З. Башири переезжает в Оренбург, где сначала работает корректором в типографии «Каримов, Хусаинов и К^о», а позже заведующим-секретарем журнала «Чүкеч» («Молот»). С 1917 года он работает в Алма-Ате в редакции юмористического журнала «Садак» («Колчан»), издаваемом на татарском языке. После переезда в Ташкент до 1932 года работает в редакции различных журналов и газет. В 1930–1932 годы Зариф Башири работает литературным сотрудником газеты «Пролетариат», предназначенной для проживающих в этом регионе татарских рабочих. Где бы он ни был, его деятельность была связана с системой образования и периодической печатью. За годы работы в редакциях различных газет и журналов он сформировался как опытный и яркий публицист. З. Башири прекрасно понимал, что пресса, в те дни являлась одним из самых эффективных средств, способствовавших привлечению внимания самых широких слоев населения. Поэтому на страницах периодической печати З. Башири делится с читателем своими общественно-политическими взглядами, обнажает социальные проблемы общества. На примере отдельных регионов («Бөрелә культсбор эше начар куелган»¹ («В Бирске плохо поставлена работа по культсбору»), «Вақыт үткәч «планлаштыралар»² («Планируют» после того, как время вышло»), «Көч бар, оештыручы юк»³ («Силы есть, но нет организатора») и др.), или целого региона («Икмәкклеме – имгәкклеме!»⁴ («Обеспеченный или покалеченный!»), «Мамык утравы»⁵ («Ватный остров»), «Урта Азиядә татар эшчеләре»⁶ («Татарские рабочие в Средней Азии») публицист поднимает

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 11.

² Там же. Статья 13.

³ Там же. Статья 32.

⁴ Там же. Статья 21.

⁵ Там же. Статья 36.

⁶ Там же. Статья 90.

самые важные проблемы своего времени. Внимание к судьбам простых людей, к проблемным сторонам жизни¹ делает актуальными его статьи. Во многих из них распознается ярко выраженный почерк просветителя, которого волновала судьба не только татарского, но и других соседних народов. Используя доказательства и обращаясь к социальному опыту народа, он убеждает аудиторию в необходимости решения проблем образования. Одной из ярких черт публицистики З. Башири является также опора на этническую самобытность народа. Он обращается к истории, духовной и материальной культуре, фактам языка, описывает быт и нравы народа, раскрывает его ценности и приоритеты. При этом автор исходит не столько из исследования настоящего, сколько из идеалов будущего.

2.1. Просветительские идеи в публицистике Зарифа Башири

Искусство публицистики, как известно, начинается с умения видеть действительность от имени и в интересах общественного мнения², волноваться тем, чем волнуется общество.

Одной из проблем начала XX века явилось просвещение. Просветительство – общественно-культурное движение и система взглядов, в основе которых лежат идеи модернизации общества и совершенствования человека. С точки зрения просветительства, определяющую роль в историческом и общественном развитии имеет сознание людей, и поэтому просветительство означает повсеместную борьбу против невежества, безнравственности, религиозного фанатизма³.

¹ Рамеев З.З. Башири Зариф Шарафутдинович // Татарская энциклопедия. Казань: ИТЭ, 2002. Т. 1. С. 322.

² Прохоров Е. Искусство публицистики. М.: Сов. писатель, 1984. С. 87.

³ Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. Уфа: Гилем, 2003. С. 206.

Татарское просветительство, как и просветительское движение других народов, сложилось как форма идеологического преодоления феодально-средневековых отношений. Зарождение капиталистических отношений привело к постепенной ломке вековых традиций и вызвало глубокие изменения в духовной жизни татарского народа. Эти новые веяния активизировали национальную жизнь, дали толчок к пробуждению национального самосознания, обнажили язвы продолжавших бытовать порядков Средневековья, показали их несоответствие потребностям общественного развития. Передовые люди начали задумываться о путях преодоления застоя, рутины и косности жизни и мышления¹.

Как уже отмечалось выше, одним из центральных и постоянных тем художественного творчества Зарифа Башири была идея о необходимости просвещения как основного фактора духовного и материального развития народа. Он слыл ярким противником схоластики устаревших методов обучения в системе мусульманского образования. Он полагал, что человек должен не просто достигать совершенства в религиозных науках, но и осваивать новые, в том числе и светские знания. Все это ведет к развитию полноценной личности, не ограниченной какими-либо конфессиональными или национальными предрассудками, но в то же время остающейся в рамках своей религии, не изменяющей своей вере и традициям. Только в этом случае, по мнению писателя, народ сможет освободиться от таких пороков, как безнравственность, лицемерие, ложь и ненависть. Так и в публицистике, жизнедеятельность людей рассматривается им в тесной связи с проблемами образования. Конечно, З. Башири не являлся новатором. Его мысли созвучны с идеями таких татарских

¹ История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.) С. 75.

просветителей, как Г. Фаизханов, Ш. Культяси¹ и др. В его статьях, названия которых порой звучат как лозунги, самым главным и решающим в деле прогресса признается проблема обучения и воспитания. Он также придерживается мнения о коренном изменении школьной системы и совершенствовании методов обучения, разрешение просветительских задач видит в приобщении татар к научным знаниям и прогрессу². Статьи Зарифа Башири примечательны тем, что он рассматривает образовательный процесс как систему и старается выделить ее важные составляющие. Ему как учителю были хорошо известны все положительные и отрицательные стороны и тонкости образовательного процесса. Поэтому рассматриваются ли частные вопросы на примере отдельной школы или поднимаются проблемы целого региона – все это звучит актуально и убедительно в его изложении.

Известно, что к концу XIX века грамотность населения Российской империи была очень низкой для страны, уже давно вставшей на путь индустриального развития. И хотя в последующие годы, до 1914 года уровень грамотности возрастал, но «после войн и вообще усиленных наборов процент грамотности падает»³. По прошествии трех лет войны, к 1917 году заметная часть населения страны оставалась неграмотной, особенно в Средней Азии. В 20–30-е годы большое внимание уделялось перестройке народного образования и ликвидации неграмотности. Было введено бесплатное обучение, составлены новые учебные планы и программы. Осенью 1923 года было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность». Созданы

¹ Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Социальная природа и основные проблемы. Казань, 1976. С. 182, 189.

² Гимазова Р.М. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. С. 125.

³ Рубакин Н. Грамотность // Новый энциклопедический словарь. СПб, 1913. Т. 14. С. 416.

тысячи школ, кружков, пунктов, где грамоте обучали взрослых и детей. А уже в не далеком 1930 году ввели всеобщее начальное образование. К концу 30-х годов завершили переход к обязательному семилетнему образованию.

Статья «*Ўзбэкстанда укый-яза белмәүчелекне бетерү*»¹ («Ликвидация безграмотности в Узбекситане») является своеобразной летописью происходящего в сфере образования и отчетом о проделанной работе по ликвидации безграмотности населения Узбекистана. Она начинается с важной информации: после революции только 2 процента местного населения Узбекистана умели читать и писать вообще. Многие были учащимися школ старого порядка. Основную массу безграмотных, конечно же, составляют крестьяне и батраки. Такое начало, с одной стороны, обнажает одну из самых важных проблем действительности, с другой, делает акцент на эмоциональное восприятие материала и претендует на возбуждение интереса к данному вопросу.

Далее приводятся статистические данные последующих лет и указываются факторы, способствующие или препятствующие развитию образования. Автором статьи сообщается, что хотя процесс массового обучения неграмотных чтению и письму простого населения начался в 1923 году, определенных результатов в Узбекистане не было до 1925–1926 года. Отсутствие учебников на узбекском языке, авторитета преподавателей, возможности простых жителей кишлаков (в особенности из районов, где главенствуют басмачи) ходить в школу, по мнению писателя, являлись, главными причинами, тормозящими процесс повышения грамотности у населения. Но, как отмечает З. Башири, активная деятельность на пути просвещения в этом плане к 1925–1926 годам

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 69.

принесла свои плоды: в 1924–1925 учебном году 30 тысяч, а в 1925–1926 годы 53 тысячи человек уже умели писать и читать. З. Башири подчеркивает, что совместная работа, финансовая поддержка, организованность и сплоченность союза крестьян, работающего с населением кишлаков, управления профсоюзов, управления, изучающего суть процесса, деятельность которого направлена также против безграмотности дикхан и государства – дали долгожданные результаты. В отчетный период, по словам писателя, в Узбекистане умели читать и писать уже 130 тысяч рабочих и крестьян, а вновь открытые 1292 школ смогли дать знания еще 40–50 тысячам людей.

Примечательно то, что З. Башири заканчивает статью словами самих крестьян, подчеркивая важность не просто умения читать и писать, но и осознания ими важности образования и самообразования для обыденной жизни, говорит о способности применить полученные знания на практике: «Чтобы развивать хозяйство, недостаточно умения вспахать землю, но также надо уметь «царапать» бумагу пером»¹. Тем самым автор дает высокую оценку проделанной работе и говорит о важности грамотности, образования.

Безграмотность, как одна из актуальнейших проблем современной писателю действительности, исследуется З. Башири и в статье «*Укый-яза белмәүчелек бетерелергә тиешле*»² («Безграмотность должна быть ликвидирована»). Здесь, уже на примере Башкортостана, писатель рассказывает о мероприятиях, проводимых с целью просвещения старшего поколения башкир. Приводя статистические данные по линии народного комиссариата просвещения, З. Башири выражает

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 69.

² Там же. Статья 91.

недовольство относительно проделанной им работы. Он считает позором для их районов иметь всего 6516 выпускников школ. Причину таких низких показателей З. Башири видит в плохой организованности данного процесса. До 1936 года, по словам писателя, вся эта деятельность строилась на общественных началах на фоне широко распространенных краткосрочных курсов. При этом районные и сельские партийные организации относились к этому вопросу как ко второстепенному.

Благодаря государственной политике во второй половине 1936 года произошли серьезные изменения. Писатель акцентирует внимание именно на этом аспекте. По его мнению, вмешательство правительства и контроль над процессом сыграли главную роль. Замена краткосрочных курсов на школы, подготовка и обучение самих преподавателей на курсах повышения квалификации, открытие дополнительных курсов в районах, где наблюдался низкий уровень образования, назначение инспекторов в каждый отдел образования лишь подчеркивает заинтересованность власти в этом деле, что и привело к положительным результатам. Взгляд автора устремлен в будущее, и потому, высоко оценивая положительный опыт, он надеется, что областной комитет ВКП(б) и Центральный исполнительный комитет Башкортостана будут и в дальнейшем контролировать и принимать жесткие меры в отношении тех, кто будет «сквозь пальцы смотреть на решение вопросов образования». Таким образом, мы четко видим, что к концу 1930-х годов мировоззрение писателя полностью сформировалось как исключительно просветительское: успехи в деле просвещения татар и башкир он связывает исключительно с руководящей ролью правительства.

Проблемы образования рассматриваются им и на примере отдельных татарских школ Татарстана и других тюркоязычных регионов страны. Например, в статье *«Ташкент-*

*тагы жџиде еллык татар мактабџендџ»*¹ («В семилетней татарской школе Ташкента») поднимается целый ряд вопросов, связанных с организацией образования и воспитания. На примере татарской школы имени Мулланура Вахитова (Ташкент) писатель говорит об образовательной деятельности всех школ данного региона. Результативность образования и воспитания З. Башири оценивает исходя из качественного уровня выпускника школы. Поскольку эта школа за свою многолетнюю историю не смогла выпустить молодежь, «способную активно участвовать в комсомольской общественной жизни» и продолжить свое образование в вузе, автор невольно приходит к выводу, что школа «работает не для того, чтобы «сделать людьми» детей рабочих и крестьян, а используется как «теплое местечко» для сыновей кулаков и мулл», затесавшихся в учительский коллектив². В духе времени звучат мысли З. Башири о том, что, такие люди, как «контрреволюционер» Раиф Мозаффаров, «тюремщик и панисламист» Бурхан Хабиб, «дочь богача» Арвар Биктимирова не могут дать должного воспитания подрастающему поколению.

По мнению З. Башири, чтобы дать соответствующие времени образование и воспитание, надо не только ужесточить требования к подбору преподавателей, но и думать об изменениях в системе образования в целом. К этой мысли писателя подтолкнул доклад, прочитанный в 1923 году Хасаном Гали на конференции учителей татарского языка в Ташкенте. В начале статьи он пишет, что «в Америке, когда между бедным и богатым возникают недопонимания, представители обеих сторон договариваются и решают проблемы за бутылкой пива. Такое бескровное решение проблем исходит из воспитания,

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 65.

² Там же.

полученного в школе¹. В подтверждение своих мыслей З. Башири приводит слова другого докладчика – известного татарского ученого, специалиста в области истории татарской и узбекской литературы Габдрахмана Сагди (1889–1956), в выступлении которого красной нитью проходит мысль о создании «нравственной школы»². З. Башири, как и многие другие его современники, понимает и старается донести до аудитории, что в настоящее время приоритетным направлением в процессе образования и воспитания стал нравственный аспект. Морально-этическое формирование человека начинается задолго до школы. Но только в школе он сталкивается с такой четкой и развернутой системой моральных требований, соблюдение которых контролируется постоянно и целенаправленно. Именно поэтому, по мнению писателя, школа сегодня в силу необходимости является главным, если не единственным, центром нравственного развития и воспитания не только детей, но и взрослого поколения.

Просветительские идеи присутствуют и во многих других статьях автора. Переплетаясь с остросоциальными, нравственными проблемами, они способствуют наполнению картины описываемой жизни новым содержанием. В его статье «*Бандитлар оясы тугел, яңа совет авылы*»³ («Это не пристанище бандитов, а новая, советская деревня») изменения в жизни сельского населения представляются в сравнении прошлого с настоящим, причем и то, и другое хорошо известно ему. Если ранее, когда еще действовала банда вора Шакура, в селе Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Кайбицкого района Республики Татарстан) не было полноценных условий для получения образования, то

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 65.

² Там же.

³ Там же. Статья 8.

сейчас произошли серьезные изменения, позитивное восприятие которых отражается как в названии статьи, так и в ее подзаголовках: «*Шәкүр мәктәбе урынына совет мәктәбе*»¹ («Советская школа вместо «школы» Шакура»).

По словам автора, во времена правления банды конокрада Шакура, происходили постоянные налеты на местную школу и избу-читальню, а книги запросто выкидывались на улицу. Но во время последнего приезда автора он увидел изменения в лучшую сторону. Возросло количество посетителей местной библиотеки, особенно в зимнее время, когда в избе-читальне собиралось до 60–70 человек. Люди до утра читали газеты и журналы, обсуждали политические и экономические новости. Примечательно то, что среди посетителей присутствовало не только молодое, но и старшее поколение.

Серьезные преобразования в школьной системе также радуют З. Башири. Если раньше в одной волости насчитывалось всего 2–3 школы, то теперь почти в каждом селе есть свое образовательное учреждение. Не стало исключением и собственное село писателя, где в области преподавания произошли заметные улучшения: теперь в школе работает не один, а три учителя. Именно они заменили «атаманов-воспитателей», обучающих только воровству. Молодое поколение потянулось в школы. Поэтому сейчас вместо детей, идущих на станцию воровать, можно увидеть детей, уезжающих в Казань на учебу.

По словам З. Башири, руководящие органы также кардинально поменяли свои взгляды на проблемы образования и образованности. Как пишет писатель, в отличие от прошлых лет, они уже не прогоняют учителей словами «*баш катырып*

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 8.

*йөрмә эле!»*¹ ‘не морочь нам голову!’, а наоборот, интересуются, предлагают материальную помощь.

В то же время З. Башири, отмечая все достижения, призывает правящие органы не останавливаться на достигнутом. Так, на примере села Чутеево писатель предлагает отделу образования Свияжского кантона отремонтировать сгоревшую в 1923 году кирпичную школу за счет средств, полученных от продажи старой деревянной школы. При этом он подчеркивает, что образовательных учреждений, нуждающихся в таком ремонте по Татарстану будет немало.

Очевидно, З. Башири считал народное просвещение одной из самых важных задач современности. Поднятые в его статьях проблемы в совокупности создают широкую картину новой жизни. Понимание проблемы изнутри, трезвый анализ и умение без назидательного тона донести до аудитории результаты своих размышлений сделали интересной для современника его публицистику. Вместе с тем Зариф Башири не «строит воздушных замков», он понимает, что преобразования в системе образования не могут обойтись без значительных финансовых вливаний. Эта мысль хоть и не лежит на поверхности, все же прослеживается во многих его статьях.

Необходимо отметить, что его публикации имели большой успех у читателей, так как автор, с долей критики, писал в них о близких, понятных и каждодневных проблемах простого народа. Статьи писателя внесли большой вклад в дело просвещения татар и башкир, сыграли огромную роль в понимании значимости образования, изучении родного языка, истории, освоения достижений научно-технического прогресса для процветания нации.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 8.

2.2. Оценка роли и места периодики в жизни татарского общества

Периодические издания, зарождающиеся и набирающие ход в годы жизни З. Башири, по мнению писателя, представляли собой ту силу, которая должна была повлиять на сознание масс и послужить делу просвещения простого народа. Он, как и многие другие просветители того времени, понимал, что основными их функциями «являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности...»¹. Исходя из этого, предъявлялись повышенные требования как к самому жизненному материалу (актуальность), так и к качеству донесения факта (точность, выразительность и др.).

Основным мерилom оценки З. Башири газет и журналов является, прежде всего, полезность для простого народа. В этом ключе им оценены журналы «Безнең юл» («Наш путь») («*Безнең юл журналының биш еллыгы*»² «Пятилетие журнала «Наш путь»), «Муштум» («*Кулак журналының биш еллык бәйрәме*»³ «Пятилетие журнала «Кулак»), «Янгы юл» («Новый путь») («*Янгы юл журналы бер ел дәвамыда нимәләр бирде?*»⁴ «Результаты пятилетней работы журнала «Новый путь»), газеты «Урал» («*Төрөк-татар дөнъясында беренче большевик газетасы*»⁵ «Первая большевистская

¹ Данилевский И.Н., Кабанов В.В. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2000. С. 451.

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 6.

³ Там же. Статья 80.

⁴ Там же. Статья 107.

⁵ Там же. Статья 54.

газета в тюрко-татарском мире») и «Кутилиш» («Уйгурча «Кутилиш» газетасы»¹ «Уйгурская газета «Кутилиш»).

Учитывая литературно-художественную направленность казанского журнала «Безнең юл» («Наш путь»), З. Башири дает общую оценку его деятельности за пять лет. Писатель видит заслугу журнала в том, что ему удалось вдохнуть в татарскую литературу пролетарский дух («*Tatar әдәбиятын чын пролетариат рух белән сугарыб, киң эшче-диһканлар күбчелегенә күб хезмәтләр тигде*»²). Особым достижением журнала, по мнению З. Башири, является его вклад в подготовку новых кадров для литературной сферы. Как полагает писатель, журнал не только вывел в свет молодых писателей, а по большому счету собрал вокруг себя литераторов «национальной эпохи». А их работы, в свою очередь, стали хорошим подспорьем для молодых и перспективных писателей не только Татарстана, но и Средней Азии³.

Высоко оценивая деятельность журнала, автор указывает и на один существенный недостаток, который сводится к тому, что в журнале не достает материалов о литературе Средней Азии. З. Башири искренне надеется, что его пожелания будут услышаны, а среди писателей найдутся те, которые будут знакомить читателей с литературой узбекского, таджикского, киргизского, казахского, туркменского народов.

Анализ содержания уйгурской газеты «Кутилиш» представлен в статье З. Башири «*Уйгурча «Кутилиш» газетасы*»⁴ («Уйгурская газета «Кутилиш»). Автор видит заслугу газеты в описании сложного социально-экономического состояния уйгурской нации. Эти размышления публициста плавно пе-

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр 65. Статья 71.

² Там же. Статья 6.

³ Там же. Статья 6.

⁴ Там же. Статья 71.

реходят в сферу образования. Автора радует то, что переехавшие в Среднюю Азию в поисках работы уйгуры с головой погрузились в учебу¹. Но, по замечанию автора, это явление носит у них стихийный характер. Поэтому основной задачей газеты З. Башири считает сплочение и организацию уйгурских трудящихся. Молодежь, обучающуюся в средних и высших школах, писатель также призывает объединиться с уйгурскими крестьянами и батраками для более успешного сотрудничества в деле просвещения.

Еще одну важную функцию газеты «Кутилиш» З. Башири видит в постоянном освещении политической, научной, культурной и экономической жизни крестьян и батраков Восточного Туркестана. Также писатель отмечает, что на страницах издания необходимо публиковать материалы на женскую тему².

Высокую оценку З. Башири дает газете «Урал». В статье *«Төрөк-татар дөнъясында беренче большевик газетасы»*³ («Первая большевистская газета в тюркско-татарском мире»), приуроченной 20-летию газеты. Писатель называет это издание «матерью большевистских газет среди тюрко-татарских изданий⁴».

З. Башири подчеркивает, что, хотя в свое время газета и не заняла достойное место среди тюрко-татарских народов, но, пробудив классовое сознание среди рабочих, она смогла определить свое историческое место⁵. А их вклад в воспитание экономического сознания простого народа и крестьян, безусловно, считаются бесценными⁶.

¹ ЦШМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 71.

² Там же.

³ Там же. Статья 54.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Не менее лестно З. Башири отзывается о юмористическом журнале «Муштум» («Кулак»). Писатель восхищается, в первую очередь, тем, что журнал начал издаваться в Узбекистане, где 90 процентов неграмотных рабочих и крестьян не имели понятия, что такое «периодическое издание». Но, несмотря на это, журнал смог привлечь в свою орбиту молодых мастеров пера и с достоинством выполнить функции политического воспитателя неграмотного населения¹.

По словам З. Башири, за последние годы журнал «Муштум» («Кулак») завоевал народную любовь и признание и стал неотъемлемой частью жизни простого узбекского народа. Этот журнал оказал влияние и на неграмотных, и на малообразованных людей благодаря своим искусным, «говорящим» иллюстрациями². Поэтому, когда разносится слух о закрытии журнала, жители этого региона просят не закрывать его: *«Муштум» туктала» диган бер хабар чыгып калды. Андай кыла кўрмәгез!»*³ (Появилась новость, будто «Кулак» прекращает свою деятельность. Не делайте этого! – С.Г.). Цитирование народа является любимым методом публициста. Использование цитат говорит не только об актуальности тем, выбранных автором, но сближает его публицистику с простым народом.

Таким образом, З. Башири оценивает деятельность газет и журналов с позиции просветителя и гражданина. Основную задачу периодики он видит в служении народу. Поэтому, по его мнению, тематический охват должен быть максимально широким. З. Башири ценит периодику за обращенность к простому народу, за активное участие в просвещении и воспитании.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 80.

² Там же.

³ Там же.

2.3. Вопросы религии и религиозности в контексте исторических перемен

Летопись современной З. Башири жизни дополняется публикациями о священнослужителях, чья деятельность, как и во многих художественных произведениях, подвергается критике. Но в отличие от прозы, в публицистике автора эта тема звучит более резко, и даже агрессивно. В статье «Алланың страховый агенты»¹ («Страховой агент Аллаха») автор не просто критикует исламскую религию и мулл, но умело воздействует на общественное мнение. Сравнивая мулл со страховыми агентами, писатель отводит им лишь роль посредника-взяточника, берущих своеобразную плату – «садака» (пожертвование) – за свои услуги («*Бәлә-казалардан саклану өчен Алланың <...> мәрхәмәтенә сыенырга кирәк*» дигән сүз бу <...> икенче төрле айткәндә менә сез Совет агентларына страховатъ ителәсез дә бит, эш аның белән генә бетми, Алла сакласа гына бәлә-каза булмый... Алланың бәлә-казалардан саклавы өчен садака бирергә кирәк, садака!.. Садака ул гомерне дә озынайта, бәлә-казадан да саклый»²). В этой статье З. Башири опровергает не только святость мулл, но и святость Корана. Словами Гали (в статье – сосед писателя) автор подчеркивает, что «Божья» книга (Священный Коран) без печати и даты не имеет перед ним никакой силы: «*Хәзрәт! Мандатның печате, елы, числасы була, эгәр дә син мине страховатъ итәргә теләсәң, әбәзәтильне (обязательно) шундый мандатның булырга тиеш. Үзе яңа әлифчә дә булсын. Син брат не шути. Мондый печатьсез, гарәпчә язылган мандатлар белән мине алдый алмассың*»³ (Хазрат! У мандата есть печать, указываются год, число. Если ты захочешь меня застраховать, у

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 14.

² Там же.

³ Там же.

тебя обязательно должен быть такой мандат. Пусть будет на латинице. Ты, брат, не шути. Без этой печати да мандатами, написанными на арабском, меня не обманешь. – С.Г.).

Как видим из вышеперечисленных примеров, З. Башири подмечает все дурное в среде духовенства, пытается обвинить их в служении лжи, акцентируя внимание читателя на отрицательных нравственных качествах священнослужителей. Публицист также упрекает духовенство за недостаточно активное служение народу. Литературное мастерство (сравнения, просторечные слова, фразеологизмы, цитаты из живой речи) автора делает эти статьи эмоционально насыщенными. Поэтому изложения автора и становится предметным», позволяет «затронуть не только мысль, но и чувства читателя»¹.

З. Башири с особым сарказмом описывает все неудачи и провалы мусульманского духовенства. Но в то же время чувствуется его двойственное отношение к этой проблеме. Так, в статье «Элекке дин-хорафат чишмәсе»² («Родник былой религии и суеверий») проскальзывают тревожные мысли по поводу все более распространяющегося среди простого народа Узбекистана неверия в Бога. Как пишет автор, в Узбекистане, который еще десять лет назад был оплотом религии, атеизм пустил такие глубокие корни, что диву даешься. Только в Вапкентском районе Бухарского округа были разрушены 102 мечети в 27 селах, а на их месте построены клубы, рабочие артели, читальные центры, школы и чайханы³.

По словам З. Башири, не менее активно в этом направлении работают женщины. Они выступают против ишанов, мулл, целительниц-гадалок, добиваются лишения их избира-

¹ Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. М.: Мысль, 1971. С. 120, 122.

² ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 17.

³ Там же.

тельных прав, изгонют их из сельских составов¹, а также требуют, чтобы мечети были переделаны под женские клубы или рабочие артели. А на вопрос «не испытывают ли неловкость женщины во время работы, сопровождающейся пением, в здании бывшей мечети?» они отвечали, что «стены мечети, как и остальных домов, сделаны из глины» (*«Мәчеткә кереп жырлый-жырлый эшләүдән бер генә дә тартынмыйсызмы, дим. Мыскыллап көләләр дә – «Бэй, ниғә тартынырга!.. Аның да стенасы башка өйләрнеке шикелле үк балчыктан ясалган на!» диләр»*²). Емкий и точный термин *ходасызлар* ‘безбожники’, использованный публицистом, раскрывает всю суть происходящего. Из статьи также становится ясно, что этот процесс постепенно принимал стихийный характер. А коммунистическая партия, поддерживая такое явление, открывала в центральных городах, в частности в Ташкенте, курсы по подготовке «научных предводителей безбожных» (*«Округ узакләрендә, бигрәк Ташкент шәһәрәндә ходасызларга гыйльми юлбашчылар хәзерләү өчен озын һәм кыска мөддәтле (срок) курслар ачыла башлады»*³). Эту тему подсажала сама действительность. С одной стороны, писатель описывает реалии новой, безбожной жизни в бравурных тонах, а с другой – сильно удивляется тому, что сторонники старого не сопротивляются «мощному потоку безбожия». Писателю непривычно видеть, как вчерашние муллы и ишаны не в силах что-либо противопоставить идеям строителей коммунизма⁴. Психологическая характеристика, данная З. Башири священнослужителям, показывает их беспомощность, которая проявилась, прежде всего, в реакции на

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же..

неконтролируемые события и сложные жизненные ситуации¹. По оценке публициста, у них не хватает твердости характера, отсутствуют последовательность действий, упорство в достижении целей, отстаивание своих взглядов, поэтому они проявляют мягкость, пытаются лишь как-то приспособиться к изменяющимся условиям, идут на уступки и компромиссы.

3. Башири делит религиозных деятелей на три категории. Первые из них любыми путями, прикидываясь сторонниками советской власти, отрекаясь от религии, пытаются схватить «жирный кусок»; а оказавшись в советских органах, ведут подковерную возню, подрывая тем самым корни антирелигиозной работы². В подтверждение своих слов писатель приводит случай, произошедший в кишлаке Кардах (Кардеһә) в районе Старой Бухары. Здесь некоторое время председателем сельского совета был мулла. Однажды, когда саранча заполонила посевы, он не предпринял никаких мер. Более того, свое бездействие он оправдывал тем, что «это – бедствие от самого господа <...> а меры против напасти сверчков равноценны непокорности господу» («*Бу ходайның афәте <...> аңа каршы чара күрүнең үзе дә ходайга итәгатъсезлек була*»³). После чего народ обращается к председателю районного исполкома, но и там получает отказ, услышав в ответ, что «лекарство от этого надо просить у Всевышнего» («*моның дэвасын Ходадан сорарга кирәк*»⁴). З. Башири подчеркивает, что подобные поступки ишанов и религиозных деятелей все равно не помогут им сохранить религию.

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 2. С. 176.

² Там же.

³ ЦПимН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 17.

⁴ Там же.

Вторая категория – муллы-аферисты, к которым он относит муллу кишлака Кардадим Шарканского района Бухарского округа, задержанного за подделку документов.

Третья категория – муллы, совершающие различные подлые поступки, прикрываясь советскими должностями. Пример тому – ишан Султан Абадского района. Он был снят с должности председателя сельского совета, после чего его нашли повешенным. З. Башири приводит немало и других примеров о несправедных деяниях священнослужителей (убийство, воровство и др.).

Таким образом, автору удалось в одной статье представить множество жизненных ситуаций. Эти ситуации, хотя и имеют некоторую автономию, образуют целостную систему, перетекая одна в другую, образуют сложные цепи. Создание широкой панорамы жизни мусульман подчинено одной цели – раскрытию причин происходящего. По мнению автора, слабость характера священнослужителей, малодушие, нерешительность, астеничность в достижении целей, неустойчивость взглядов и эгоизм «лишь способствуют усилению атеизма»¹. Многочисленные статьи автора, в центре которых находятся образы мулл-кадимистов, образуют целостную картину. В них находит отражение особое видение проблемы: не сама религия, а представители татарского духовенства являли собой «некое зло», мешающее развитию народа, формированию «нравственной личности». Чувствуется субъективизм автора, который можно связать с реалиями того времени, желанием подстроиться под советскую антирелигиозную систему. Публицистика автора показывает противоречивость его взглядов о религии.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 17.

2.4. Панорамная современность в цикле статей «Совет(лар) кӧнчыгышында» («На советском Востоке»)

В своей публицистике З. Башири всегда предстает в качестве свидетеля-исследователя, повествуя открыто, предлагая свое мнение и выражая свою гражданскую позицию. Героями его публицистических произведений становятся люди разных национальностей: татары, узбеки¹, чувашы², башкиры³. Картина мира разных народов, запечатленная автором, делает его работы востребованными и сегодня. Точно описывая нравы и обычаи татар, узбеков, чувашей, он вычленяет в них общее и специфичное, обусловленные религией, социальным положением, культурой, историей, показывает то, что явилось результатом ошибок на определенных этапах исторического развития и неспособности дать адекватный ответ на вопросы времени, что в конечном итоге и привело к зависимому положению в экономике и политике. Поэтому в них чувствуются и восхищение, и сострадание, сопереживание, и острая критика. Он не боится резких и неприятных слов. Принятие правды является первым шагом на пути к изменению судьбы народа. З. Башири призывает всех думающих и сопереживающих ему людей осознать это.

Широкую картину жизни узбекского народа и татар в Узбекистане описывает своеобразный цикл статей З. Башири под названием «Совет(лар) Кӧнчыгышында» («На советском

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 31, 36, 49, 68.

² Башири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 10. Б. 300–302; № 11. Б. 337–339; № 12. Б. 366–367; № 13. Б. 404–405; № 14. Б. 430–432; № 15. Б. 459–460; № 16. Б. 498–500; № 17. Б. 531–534; № 18. Б. 557–558; № 10. Б. 591–593; № 21. Б. 654–656; № 22. Б. 685–686.

³ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 57, 58.

Востоке»). Каждое вошедшее сюда произведение относительно самостоятельно, но вместе с другими создает единое полотно, вскрывающее все более глубокие горизонты. Этот цикл отличает стремление ответить на многочисленные вопросы, которые волнуют общество. Заострив внимание читателя на житейских проблемах простого рабочего народа Узбекистана, автор открывает их внутренний мир, описывает их переживания, стремления и идеалы.

Почти в каждой статье о жизни узбеков присутствуют татары. Истинные причины их переезда в Узбекистан раскрываются в статье «Икмәклемә – имгәклемә!»¹ («Обеспеченный или покалеченный!»), являющейся «введением» к серии статей о Средней Азии. Уже в названии выявляется проблемная направленность статьи, в котором повествуется о том, как миллионы людей в поисках лучшей жизни покидают родные края, обнажаются остросоциальные проблемы действительности. Это было чрезвычайно важным для того времени, когда происходили большие перемены в экономике, укладе быта и даже образе мышления огромного региона.

Как пишет публицист, казанские татары и жители губерний искренне верят в пустые слова, как «*Ташкент – хлебный город*» («*Ташкент икмәкле шәһәр*»²), «там едят виноград, что растет на улице, и никто не думает воровать» («*анда, бер дә талаусыз урамда үсеп утырган йөземләрне ашап йөриләр*»³). В их сознании этот город отпечатался как счастливая земля, поэтому многие желают, чтобы хоть один член семьи смог прожить в хороших условиях. Поэтому некоторые вовсе, не посоветовавшись ни с кем, продают дома и земли и уезжают туда в поисках счастья.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 21.

² Там же.

³ Там же.

Здесь автор выступает тонким психологом и внимательным наблюдателем, он дает возможность читателю в точных и важных, но отнюдь не радостных, подробностях представить происходящее. Поэтому эта статья – не просто повествование о незнакомом читателям мире, но крик, обращение гражданина к своим соплеменникам. Он старается открыть глаза своему народу, призывает не делать поспешных шагов, так как не ждут их на новой земле ни «белые дома», ни «сады вкусного винограда». На вокзалах Ташкента, Самарканда и др. можно увидеть немало бедных и бездомных. Но самое ужасное то, что среди просящих подающие есть и покинувшие свои земли в поисках лучшей жизни татары – мужчины сильные («сукса чумареңне чыгарырлык, таза»¹), но беспомощные, жалкие («ертык киемдэн, кулларың калтыратың...»²). Автор пишет о суровой реальности, которая разбивает надежды простого народа на счастливую жизнь: люди, оставив все, приезжают в «хлебный» Ташкент за богатством, но большинство оказывается вынужденным кланчить кусок хлеба на улице. З. Башири призывает народ быть терпеливым и разумным. Их стремление таким образом «заработать много денег до урожая и обустроить хозяйство»³ наоборот может привести к нищете, так как, по словам З. Башири, Ташкент, как и вся Средняя Азия, не такой уж богатый и «хлебный» город и виноград здесь не бесплатный.

Автор рассказывает не только о повседневной жизни, но и говорит об экономике Средней Азии, которая, по его словам, основана на сельском хозяйстве – выращивании хлопка, шелка, винограда и ручных ремеслах. А для этого, в Узбекистане, по словам автора, людей не только хватает, но и в избытке: так

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 21.

² Там же.

³ Там же.

как еще около 80 тысяч людей являются безработными. Поэтому правительство активно ведет политику трудоустройства этих людей на открывшиеся новые заводы и фабрики. Приехавшие сюда лишь пополняют ряды безработных, становятся новой головной болью для местного руководства¹.

Взволнованная мысль о судьбах татар в Узбекистане звучит на протяжении всей статьи. Наблюдения над ситуациями текущей жизни, экономического положения региона и оценка их – все подчинено интересам родного народа.

На важную, зазвучавшую отчетливо идеологически проблему выходит З. Башири в статье «Көнчыгыш байларының ерткычлыклары»² («Жестокость богатых людей Востока»), в которой дается описание исторических событий 20–30 годов XX века не только в Средней Азии, но и во всей России. Повествование о жизни и быте простого народа, конфликт между баями и батраками, начавшийся из-за конфискации земель у богатых и раздачи их бедным, как и в в повести «Нашествие Карагуша», трактуется с позиции сурового реализма. Благодаря детализации картины публициста преобретают «некую зримость» и производят сильное впечатление, заставляют сопереживать простому народу. Происходящее оценивается им как один из этапов на пути к счастливой жизни простого народа.

Присутствие публициста, его взгляд на события современности и в этой статье чувствуются отчетливо и играют решающую роль в воздействии на общественное мнение. Перераспределение земель в пользу бедных, которые и знать не знали, как управляться с хозяйством, системой орошения – серьезная задача и серьезная ответственность³. Многие сомневались в успехе таких изменений. З. Башири акцентирует внимание

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 21.

² Там же. Статья 31.

³ Там же.

читателя на этом еще в начале статьи и дает понять, что и сам придерживался такого мнения. Такие думы посещали и баев, которых автор называет словом с эмоционально-негативной оценкой *эрэмтамак байлар* 'баи-дармоеды'. Они искренне надеялись, что крестьяне «все равно не смогут обрабатывать земли, обустраивать хозяйство, после чего советы будут упрашивать забрать все это»¹. Но результат оказался совсем иным. Батраки не только освоили хозяйственные дела, а добились больших успехов в выращивании фруктов и овощей, а плодородие земель увеличилось на 50 процентов.

В панораме строительства новой жизни, выпукло показанной в этой статье, центральное место занимает рассказ о зверствах вчерашних баев. Автор сумел показать процесс, присущий в тот период всем регионам. По его словам, жестокость не знала границ. Обиженные богачи вламывались в дома крестьян, избивали и убивали их. Но самое страшное – они убивали их детей. В водоемах вокруг кишлаков Ташкента не раз находили изуродованные тела крестьянских детей 9–10 лет. Такая детализация помогает преобрести «некую зримость», вносит эмоциональный элемент в повествование² и вызывает отрицательные чувства к баем.

В этой статье раскрывается и роль властей в происходящем. Именно поддержка власти, по словам З. Башири, дала уверенность и силы, чтобы пережить кошмары этого переходного времени. Крестьяне уже не боялись прежних землевладельцев, наоборот, стали единой силой, объединившейся против насилия и жестокости. Таким образом, автор показывает простой народ, который при поддержке властей храбро вступил в борьбу за новую жизнь.

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 31.

² Чарепухов М.С. Проблемы теории публицистики. С. 123.

Цикл публицистических произведений о строительстве новой жизни дополняет статья «*Аумакайларның куз алмалары*»¹ («Зеницы ока слабохарактерных»), где описание и оценка происходящего органически переплетаются с думами о вечном. Писатель, философски размышляя над проблемой смены поколений, понимает, что время неумолимо движется вперед, замедлить его ход невозможно, и рано или поздно на место одних «дармоедов» придут другие.

С первых строк автор делает акцент на важной проблеме современного ему села. По замечанию автора, здесь, с одной стороны, растет авторитет бедных и батраков, но с другой стороны, увеличивается количество кулаков, ощутимо их и социальное, и экономическое преимущество, поэтому развитие хозяйства в деревнях идет на пользу кулакам («*Бер яктан ярлылар, батраклар кадере үссә, икенче яктан кулаклар үсә-күбәя, сәяси яктан да, икътисади яктан да, алар өстенлек казаналар. Авылларда, хужсалыкның үсүе байлар, кулаклар файдасына бара*»²).

Зная все происходящие события и реальное положение крестьян, Зариф Башири одобряет политику правительства, направленную на защиту и поддержку простого народа. Конкретные факты и цифры, приведенные публицистом, выполняют определенную информационную функцию. Положения дел таково. Выделенные беднякам 30 миллионов 500 тысяч рублей в 1924–1925 годах и 60 миллионов 800 тысяч рублей в последующие года существенно помогли крестьянам в их хозяйстве. Увеличение территории плодородных земель и рост урожайности можно принять как результат самоотверженного труда крестьян. Тесное сотрудничество с кооперативами, по мнению З. Башири, также пошло на пользу

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 4.

² Там же.

крестьянам. Если раньше сельчане продавали выращенные хлеба частным посредникам, то теперь – через кооперативы. Следовательно, ни один фут не достался богачам и кулакам. Своеобразным обобщением деятельности властей звучит риторический вопрос автора: «Смогут ли теперь подняться баи и кулаки, когда земли находятся в руках бедных, а выращенная на ней продукция реализуется через кооперативы?!.»¹

Обращение к образу женщины также используется для воспеания новой жизни, которая в корне изменила ее положение. Свободные и волевые, они стараются преуспеть во всем. Высоко ценится их участие в общественно-политической жизни. По словам писателя, уже 4 000 женщин являются членами, а 30 из них председателями сельских советов. На фоне прошлого достижения новой власти в этом вопросе выглядят особенно ярко. Гражданская позиция автора находит отражение в описании фрагмента действительности, и коротких, но емких характеристиках отдельных лиц («*көн саен хатын алыштырып, хатын-кыз сәүдәсе ясап торган кулаklar*»² (кулаки, занимающиеся торговлей женщин, ежедневно меняя женщин). Он не скрывает радости, что оппозиция и ее руководители стали посмешищем из-за их собственной недооценки силы пролетариата («*Пралитарият көченә ышанычын югалткан оппозиция жәйтәкчеләре менә шуларны күрмәү аркасында адәм көлкесе булып калдылар да...*»³).

В целом, в цикле статей «Совет көнчыгышында» говорится о становлении советской власти в Средней Азии. Как единое целое они создают широкую панораму действительности. Видение окружающего мира в целом и повествование его в мелочах позволили автору оценивать исторические процес-

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 65. Статья 4.

² Там же.

³ Там же.

сы глубоко. Внимание к трудностям и выпуклое изображение достигнутых результатов подчинено пропаганде советской власти.

2.5. Отражение национального своеобразия в очерках «Чувашлар» («Чуваши»)

Наиболее известными и ценными среди публицистического наследия З. Башири, безусловно, являются этнографические очерки о чувашском народе «Чувашлар» («Чуваши»), увидевший свет на страницах журнала «Шура» в 1909 году. Даже самые ярые противники писателя отмечали, что состоящие из 12 глав этнографические очерки «Чувашлар» («Чуваши») являются высшей точкой творчества писателя и бесценным вкладом в литературу¹. Как следует из написанного З. Башири в повести «Замандашларым белэн очрашулар» («Встречи с современниками»), очерки вызвали живой интерес читателей: после выхода очерков в свет, он получал письма от чувашей с просьбой написать более полный вариант с дополнениями и уточнениями. На наш взгляд, это доказывает, что народ принял этот труд автора.

Этнографические очерки «Чувашлар» уникальны тем, что З. Башири старался подробно описать все стороны материального и культурного мира чувашского народа, а именно язык, религию, быт и нравы, жизнь молодежи, праздники, экономику и т. д. Исследователи отмечают, что национальный мир, даже если его отдельные элементы закреплены в традициях, меняется, «многие его черты «отмирают», уходят»². Поэтому очень важно зафиксировать, закрепить в памяти неповторимое

¹ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 198.

² Артюнов Л. Проблемы исследования художественных форм национального сознания // Национальное и интернациональное в советской литературе. М.: Наука, 1971. С. 146.

своеобразие каждого отдельного народа. Обращаясь к проблеме национального, З. Башири делает акцент на актуальности. Еще в первой главе очерков «*Чувашларның диннәре вә иске әсәрләре*» («Религия и древние произведения чувашского народа») отмечается, что «чувашское племя до сих пор является нераскрытой страницей в истории»¹. По мнению автора, для того чтобы лучше узнать чувашский народ, необходимо изучить их религию, традиции и их древние произведения»².

З. Башири тут же спешит опровергнуть ошибочное, по его представлению, мнение о том, что чувашский народ – это язычники. Он пишет, что хотя они и приняли христианство, все же признают единство Аллаха Всевышнего и верят в пророка Нуха (библейский Ной)³. И это неудивительно, так как в качестве объекта изучения автор выбрал густонаселенные местности чувашей – Чебоксары, Тетюши, Буинск Цивильский и Свияжский уезды⁴. Известно, что часть уездов, перечисленных З. Башири, входят в состав современного Татарстана, где преобладающая религия ислам. В доказательство автор обращает внимание читателя на следующий факт: по его словам, чувашский народ делает все по сунне пророка Нуха (в священные дни выходят на поле и приносят в жертву уток и гусей)⁵. Кроме этого среди них есть и соблюдающие мусульманский пост – уразу и приносящие в жертву баранов («*Чувашлар арасында Ислам гадәте үзерендә ураза тотучылар, сарык вә кәҗәләрне корбан бугазлаучылар да бар*»⁶).

Автором также упоминаются имеющиеся в деревнях Югары Кырбаш (Верхний Кырбаш, Цивильский уезд), Кул-

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 10. Б. 300.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

баш(ы) («Кульбашево», Тетюши) надмогильные камни с цитатами из Корана. З. Башири подчеркивает, что чувашаи считают мусульман своими братьями и сестрами, поэтому очень любят их; а старики вовсе говорят, что их дедушки и прадеды раньше были мусульманами¹. В девятой главе *«Догалары вә теләкләре»* («Мольбы и молитвы») говорится о том, что даже те чувашаи, которые приняли христианство, по словам З. Башири, молятся Аллаху Всевышнему. А эти молитвы слово в слово передаются из поколения в поколение². По наблюдениям З. Башири, их молитвы и мольбы, на первый взгляд, ничем не отличаются от татарских. Так же как и татары, во время молитвы чувашаи просят послать им, в основном, счастье, благополучие, здоровье, лишь изредка молят о прощении от грехов, спасении от шайтана, зла и т.д. Но все же, по мнению писателя, на первый план этот народ ставит земные блага (*«Догаларында, бөтенләй диярлек, дөнъяви файдалар гына соралган мәгънәләр вә теләкләр буладыр. Мәсәлән: иктисадта киңлек, саламәтлек, бала вә казадан иминлек сорау кебиләр. Бәгъзан арада тугрылык, иманнан саклык, шайтан вә усалдан ераклык, гәнаһка гафу итү кебиләр дә булгалый. Ләкин ахрави (ахыргы – С.Г.) мәнфәгатьләрне бик аз сагыналар»*³).

Каждая молитва, как и у татар, начинается с восхваления Всевышнего. В очерках автор приводит несколько молитв, которые прикреплены к определенным ситуациям. Например, утренняя молитва начинается со слов *«Әй чүлдый Атумыр!»*⁴ (*Әй күктәге Атамыз! О, Отче наш в небесах!*), вечерняя молитва – *«Әй пирен чүлдый ләйх Атумыр!»*⁵ (*Әй безнең югарыдагы яхишы Атамыз! О, хороший Отче наш*

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 10. Б. 302.

² Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 18. Б. 557.

³ Там же. № 10. Б. 300.

⁴ Там же.

⁵ Там же. № 18. Б. 558.

в небесах!), во время дождя – «*Әй падишалыху килдер Турмыр!*»¹ (*Әй падишалыгың гали булган Алла! О, Боже, велико царство твое*). Обращения *безгә бу көнге көнебезне үткәрерлек икмәк бир...*»² (дай нам хлеба, чтобы прожить этот день – из утренней молитвы), «*иртәнге ашны ашарга, тагын да саламәтлек белән йөрергә насыйб ит*»³ (дай возможность позавтракать и здоровья – из вечерней молитвы), «*ягмурны күп вә зарасыз яудыр, игенне яхшы үстер!*» (дай нам больше дождя, да без вреда, и пусть будет много хлеба! – из молитвы, которая читается во время дождя) говорят о переплетении духовного и материального.

В то же время в главе «*Гадәт вә игътикатъләре*» («Обычай и верования») автор обращает внимание читателя на киреметь как стойкий объект поклонения чувашей. «В чувашской языческой религии <...> является самым популярным объектом поклонения из всего сонма больших и малых богов <...>. В Большинстве случаев киреметь был божеством целого поселения, и редкая чувашская деревня не имела киреметища»⁴. Керемети свято охранялись чувашским народом⁵. Как пишет З. Башири, местом обитания этого духа является определенный участок земли в поле, который считался священным. В очерках говорится о поверьях, связанных с киреметью, что, по нашему мнению, возможно, связано с верой в божества как главного и полновластного. Так, считается, нельзя проходить мимо киремети, не бросив монетку, две, иначе будет сводить руки и ноги. Если же подобное случит-

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 18. Б. 558.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Чуваши. Этнографические очерки. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. С 151–152.

⁵ Виноградов О. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Губернская типогр., 1897. С. 8.

ся, нужно отнести жертвенную курочку. Молитва святых поможет исцелиться от этого недуга»¹.

Священным местом для жителей деревни «Хужа Хэсэн» (Ходжа Хасан) Цивильского уезда является одноименная могила Ходжы Хасана, называемая мусульманами «Изге кабер» («Священная могила»). Чуваши всячески ухаживают за ней, считая что все счастья и невзгоды исходят только от него («Татардан чукынган чувашлар жәмләсеннән Чуел өязе «Рум» суы буенда «Хужа Хэсэн» кариясендә Хужа Хэсэн исемендә бер изге кабере бардыр. Чувашлар бу каберне соң дәрәжәдә ихтирам кылалар. Тирәсен яхшы итеп ихталалаганнар. Дога иткән вакытларда ошбу Адәмгә сыгынып дога кылалар. Карияләре иген сәчәргә йер өчен артык фәкыйр улдыгы халдә кабернең 4 тарафыннан берәр дисәтинә жәирне үлән үсеп торсын өчен буи калдыралар. Моның үскән үләннәре изге үлән дип хайваннардан таптатмыйлар, чабып алмыйлар»²). З. Башири восхищается таким бережным отношением чувашского народа к покойным и могилам своих предков. Сложный похоронный ритуал, целый цикл поминальных праздников и обрядов также свидетельствуют о культе поклонении предкам.

Как пишет З. Башири, чуваши проводят 3, 7, 40 дни, месяц и години после смерти, приглашают на поминки друзей, родственников, пожилых людей деревни и читают молитвы.

В отличие от мусульман, чуваши считают, что в рай попадают не только верующие (мусульмане), а те, кто совершает благие деяния при жизни, несмотря на их вероисповедание («жәннәт вә тәмугька фәлән диндәге халык керә димәенчә кирәк нинди диндә булса да булсын кешегә яхшылык иткән кеше жәннәткә, яманлык иткән кеше тәмугька керә игътикатендәләрдер»³). Отрицательно охарактеризован автором

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 13. Б. 404.

² Там же.

³ Там же. Б. 404–405.

обычай чувашей-мусульман пить кровь резаной скотины. Он пишет, что ныне этот обычай характерен для тех местностей, где нет мусульман (*«Гадәтләренең иң начары да кан ашау гадәтедер. Терлек суйсалар канын бер савытка жыеп кырып ашылар. Ләкин бу заманда аны ташлап киләләр. Бер дә мөселманга катнашмаган жирләрендә генә калмыштыр»*¹).

Заслуживает внимания вторая глава очерков *«Телләре вә сөйләшләре»* («Язык и говор»), где рассматриваются языковые особенности чувашей.

Язык, изначально трактующийся как средство коммуникации народа, является одним из наиболее существенных признаков, характеризующих народ как самостоятельную и единую этническую группу. В этом богатстве нации «отражена духовная субстанция этой нации, ее специфическая культура, традиции и нравы. Язык – это судьба целого народа – его потери и достижения»². Язык – носитель культуры³, он осуществляет связь прошлого и будущего и отражается в культурных, общественных традициях настоящего общества.

Языковые особенности чувашей в очерках представлены в сравнительном аспекте. Лексемы чувашского языка сравниваются с эквивалентами в татарском, носителем которого является автор. В фонетической системе языка З. Башири обнаруживает отсутствие звуков [ң], [з], [ф], [г], [ҕ] автор, вместо которых употребляются другие звуки (вместо [з]– [с], вместо

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 13. Б. 405.

² Канеева Р.Э. Государственная важность сохранения национальных языков Центральной Азии в эпоху глобализации // Восточные языки и культуры: материалы III междунар. науч. конф., 25–26 ноября 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 278.

³ Акбулатова А.Р. Языковая картина мира и межкультурная коммуникация // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: сб. материалов научно-практич. конф., 17 февраля 2012 г. Стерлитамак: Стерлитимакский гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2012. С. 83.

[н] – [н], вместо [ґ] – твердый [х]), указывает на частотность звуков в речи [ж], [с], [п]. Вследствие таких фонетических особенностей чувашского языка многие слова, характерные и для татарского, и для чувашского языков (автор называет их татарскими), видоизменились и стали трудно произносимыми для татар: *хыр – кыз (девушка), полыт – болыт (облако), чебер – ягъмур (дождь), чулдыр – йолдыз (звезда), ауландым – өйләндем (женился)* и др. То же самое наблюдается в числительных: *прә (1), үиккә (2), өйчә (3), түтти (4), пиллек (5), улты (6), сичче (7), сахыр (8), тузыр (9), өун (10), чирем (20), өйтър (30), хәрәж (40), аллый (50), утмыл (60), читмел (70), сахыр өүнне (80), тухыр өүнне (90), чур (100), пин (1000)*. Подкрепление данных о языке иллюстрациями из живой речи, обращение к интересным языковым фактам усиливают эмоциональный фон очерков. Например, татарское «*бозауның уң аягы*» (*правая нога теленка*) произнесенное чувашами как «*пысаунын ун аягы*» (дословно: *десять ног теленка*) приводит к смешным ситуациям в жизни.

В лексической системе чувашского языка автор обнаруживает заимствования от османских турков, арабов и персов, и выделяет, так же как и в татарском, русизмы: *самавыр (самоуар), паднус (поднос), чәйнек (чайник), өстәл (стол), сәхәт (сэгать) (часы)*. Свойственными только для чувашей автор считает слова: *күдәк – үрдәк (утка), калчә – уҗыым (озимь), нумай – күп (много), сахал – аз (мало), күәл – кояш (солнце), аурай – идән (пол) , тыр – иген (хлебное поле, нива), ачысам – абзый кеше (дядя)* и т. д. В тематической группе «Религия» таковыми являются *Тур ‘бог’, кыл ‘богослужение’*. Основная часть лексем этой тематической группы отличается лишь фонетически. Как замечает З. Башири, чувашский народ, заменив отсутствующие звуки, использует в речи такие слова, как «*фәрештә*» (*ангел*), «*пәйгамбәр*» (*пророк*), «*изге*» (*священный*), «*шайтан*» (*дьявол, сатана*).

В ряде случаев указываются особая семантика словосочетаний и их прагматическая заряженность. Например, «*Бисми Аллах*» (во имя Аллаха, с именем Аллаха) татары говорят перед началом какого-нибудь дела, а чувашаи «*песмэ Алла*» – когда удивляются чему-нибудь: «*Ай песмэ Алла тәннисэ кайрым!*» – «*Ай Бисми Аллах гакылымнан шаштым!*» (Слава Аллаху, я сошел с ума) или «*Ай песмэ Алла! Атау пасардан тин килэт*» – «*Ай бисми Алла! Эткәм базардан яңа кайта?*» (Слава Аллаху! Отец только-что возвращается с базара).

З. Башири обращает внимание и на такой важный аспект, как культура речи. Автор замечает, что чувашаи начинают беседу всегда с приветствия, только потом переходят к самому разговору. При этом они никогда не переспрашивают друг у друга по несколько раз. Поэтому автор сравнивает их по уровню культуры с писателями, воспитателями и учителями, подчеркивает, что в этом плане этот народ во многом превосходит татар.

Немалая часть очерков посвящена описанию духовной культуры чувашей. Приведенные в третьей «*Мәкалә, табышмак, хикәя вә жырлары*» («Пословицы, загадки, рассказы и песни») и одиннадцатой «*Көйләре, музыка вә хиссиятләре*» («Мелодии, музыка и душевные переживания») главах произведения фольклора или их отрывки отражают жизнедеятельность, воззрения и идеалы, приоритеты чувашей, раскрывают характерные черты народной речи, напевной и мелодичной, лаконичной и острой.

По словам известного русского этнографа и фольклориста И.М. Снегирёва, внешняя и внутренняя жизнь народа со всеми ее проявлениями, его духом, умом и характером осо-

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 11. Б. 338.

² Там же. Б. 339.

бенно ярко выражены в пословицах¹. З. Башири подчеркивает, что пословицы чувашского народа имеют глубокий смысл и используются носителями языка всегда к месту. В зафиксированной автором пословице «*Кичтэ кайсаның пер хуал*» ‘солнце светит везде одинаково’ зафиксирована коннотация «невезенье», а «*Тур, хитләнмәсер, унтыр тулы кабан, кесә тулы укча памас*» ‘без труда Аллах не наполнит гумно хлебом и не набьет карман деньгами’ имеют семантику «трудолюбие», что очень важно для сельского человека. Исследователи чувашского фольклора также указывают на ценностно ориентированный характер старых пословиц и поговорок в которых «подчеркивается, что труд на земле – основа материального благополучия»². Не случайным является, на наш взгляд, комментарий автора именно таких пословиц, так как он ни один раз обращает внимание читателя на трудолюбие чувашей как одного из важных компонентов национальной специфики.

По наблюдениям З. Башири, многочисленны не только пословицы, но и рассказы, которые он слышал из уст представителей чувашской нации. Как утверждает автор, основная часть их – из жизни татар. Среди множества рассказов З. Башири выделяет знакомые с детства рассказы о Гали Хазрате, о батыре Салсал, о ведьмах. Он также приводит рассказ, который связан с жизнью мусульман. В коротком рассказе повествуется отдельный фрагмент жизни мужика, муллы и муэдзина, вышедших втроем в путь. Значимость этого рассказа

¹ Снегирев И.М. Обзорение пословиц // Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике: под ред. Ю.Г. Круглова. М.: Высш. шк., 2003. С. 140.

² Терехова О.П. Отражение духовной культуры народа в фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы междунар. науч.-пр. конф. (Казань, 29 июня 2009 г.). Казань: Алма-Лит, 2009. С. 143.

в очерках, по нашему мнению, определяется его тематикой, которая является одним из центральных как в публицистическом, так и художественном творчестве З. Башири. Здесь представлены две категории лиц: в первой – мужик, как носитель ценностных ориентаций, во второй – мулла и муэдзин с отрицательными качествами и ставшие объектом народного юмора. Желая оказаться лучшим, и вследствие съест гуся, одни, мулла и муэдзин начинают рассказывать якобы увиденные ими накануне сны. Оказывается, муэдзин во сне был в Стамбуле, мулла побывал Мекке, поэтому он должен съесть гуся. Вызывает смех ответ находчивого мужика, который съел гуся уже вечером: увидел во сне, что один из вас отправился в Станбул, другой – в Мекку, оставив гуся мне, я и съел (*«Төшемдә сезнең берегез Истанбулга, берегез Мәккәгә киткәнен күрдәм дә, – каз миңа калды бугай ахры, дип аны–моны карамый тордым да ашадым» димеш. Вакыйга карасалар каздан йилләр исә»¹*).

Не столь богато и разнообразно, по утверждению З. Башири, песенное творчество чувашей. Поэтому на праздниках они часто поют татарские песни. В чувашских же песнях звучит воспевание красоты окружающей природы и молодости. В них чаще повествуется о любви и разлуке. При этом, по замечанию автора, для песен характерны повторы одних и тех же слов и выражений, а сами мелодии не гармоничны. Несмотря на это, народные песни оказывают сильное воздействие как на исполнителей, так и на слушателей: во время их звучания чувашки начинают витать в мире чувств и забывают обо всем на свете. Напевают даже во время работы, считая, что песни расслабляют, но при этом не отвлекают от работы, придают силы. З. Башири говорит, что чувашки очень чувствительны, поэтому когда слушают красивую песню, они всегда плачут.

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 12. Б. 366–367.

Инструментальная музыка и музыкальные инструменты представляют собой особый пласт духовной культуры народа. Как пишет З. Башири, самыми любимыми инструментами чувашей являются домбра и скрипка. Примечательно, что изготавливала их в основном молодежь и редко кто из них не умел играть на этих инструментах.

В часы досуга или за работой, не требующей «больших физических усилий», – отмечает М.Я. Сироткин, – чаще всего в осеннее и зимнее время, в чувашском быту принято было не только петь песни, рассказывать сказки, но и загадывать и отгадывать загадки»¹. З. Башири также отмечает, что чувашаи знают очень много загадок, одну из которых он приводит: «*пурт пученэ печке-печке чыкыр таишачым*»² ‘на голову медведя кидал ломтики хлеба’.

Жизнь чувашей во многих сферах окружена различными поверьями, традициями, обычаями, обрядами и церемониями. Особенно в сельской местности очень сильны верования и обычаи, что раскрывается в очерках З. Башири «Чуваши». Как видно из шестой главы «*Гадэт вэ игътикатълэре*» («Обычаи и верования»), чувашаи – очень суеверный народ, им свойственно верить во все, что они слышат. И в этом плане они также превосходят татар.

Целый пласт информации о чувашах можно получить из поверий – системы важнейших предписаний, которые занимают значительное место в их жизни, при не соблюдении коих чувашаи считают себя виноватыми. Например, если собравшемуся в дорогу встретится человек с пустыми руками, поездку отменяют, так как это считается сигналом, что дорога будет трудной; если увидят, что одежду продырявила крыса

¹ Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. Чебоксары: Чуваш. кн. изд.-во, 1965. С. 47.

² Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 12. Б. 366.

илимышь, тут же стараются избавиться от такой одежды или продать подешевле.

Им также свойственна боязнь порчи или сглаза. В таких случаях чувашаи тут же идут в татарские деревни, где муллы заговаривают молитвами или читают Коран.

В девятой главе «*Тормышлары вэ бэйрэмнэре*» («Быт и праздники») представлена немаловажная информация об отношении народа к праздникам, в котором выявляются как специфичное, так и универсальное. З. Башири, изучив чувашские праздники, приходит к выводу, что здесь большое влияние оказало принятие христианства: «*Һәфтәдә (атнада – С.Г.) бэйрәмләрен жомга көнне иткәннәр. Хәзерендә исә яқишәмбе көн итеп русларның башка бэйрэмнәрен дә үзләренеке кеби италәр*»¹ (Праздновали в пятницу. Сейчас уже словно свои празднуют воскресенье и другие русские праздники. – С.Г.). По наблюдениям автора, они ничем не отличаются от христианских, так как в деревнях остались только 2–3 дома некрещеных. Чувашский народ продолжает бережено хранить свои традиции и в тех поселениях, где сохранилось влияние ислама. В этой главе З. Башири обращает внимание не столько на сценарий праздников, сколько на восприятие их народом. Так, в праздничные дни работы не велись. Ходили в баню. Мужчины собирались в караульном помещении, женщины – у дома, все проводили день за разговорами»². Проведение досуга мужской и женской половин населения отдельно было продиктовано традициями общества³.

На аксиологический аспект автор обращает внимание читателя и при описании базарного дня. Очеркист пишет,

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 16. Б. 499.

² Там же.

³ Чувашаи. Этнографические исследования. Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1970. Ч. II. Духовная культура. С. 26.

что базарный день является самым любимым и большим национальным праздником чувашского народа. Они никогда не пропускают это большое событие («*базар, ярмунка аларның милли бэйрәмнәре булып нинди эш вакыты булса да аңа ригаядән һич тартынмыйлар*»¹). Оставив все свои дела и заботы, надев праздничную одежду, взяв с собой хлеб и соль они отправляются на базар. Возвращаются, обменяв их там на другие продукты.

Молодое поколение чтит свои традиции, на что З. Башири также обращает внимание. В праздники, в летнее теплое время, молодежь спускается к реке или идет в соседние деревни и до поздней ночи веселится, танцует и поет веселые песни. Например:

«Сарачанта исрәп паян пирдә бит ләйх.

Тәберде ял хәрсә нирен чуарлары нит пизх»².

(Эчәмез дә исерәбез, чөнки бу көн яхшы көн –

Тәбирде (Тәңре бирде) авылы кызларының авызлары бер карыш).

(Выпьем, будем пьяны, ведь этот день хорош.

Аж в целую пядь рты у Тябердинских девушек. – С.Г.).

Особый исторический и национальный колорит чувашей создает описание быта в этой главе. З. Башири подчеркивает, что необразованность и отсутствие просвещения сказались на образе их жизни: некоторые живут в грязных домах, не обращая внимания на чистоту помещений, едят из немытой посуды и даже не брезгают спать на грязном полу³. Описание дома, принадлежностей обихода показывает материальную бедность чувашского народа. Обобщающим элементом описания является сравнение избы и бани чувашей,

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 13. Б. 405.

² Там же. № 16. Б. 499–500.

³ Там же. Б. 498.

в котором З. Башири не видит практически ни каких отличий¹. Все же главное качество чувашей – трудолюбие помогает им не только жить, но в определенных отраслях проявить себя с лучшей стороны. Так, в пятой главе *«Икътисад, намус вӑ миллилеклӑре»* («Экономика, честь и национальное чувство») рассказывается о том, как чувашаи преуспели в экономике и что для них значит честь и национальное чувство. Именно благодаря правильной организованности экономики и любви к труду, среди чувашского народа нет воровства и попрошайничества². С их точки зрения, эти пороки позорят честь не только одного конкретного человека, а весь народ. Национальное мышление, ценностные установки чувашей отразились в ряде высказываний. Например, высказывание *«татарам свойственно попрашайничать, воровать, ходить в рваной одежде, только, чтобы не служить другому»* (*«татарларның бар белгәне теләнчелек, урлау, кешегә хидмәт итүдән хурланып ертык кием, ач тамак илӑ йөрү»*)³ содержит семантический компонент осуждения. Воровство и попрошайничество, таким образом, воспринимаются как результат безделия. Чтобы не стать носителем отрицательных качеств, любой чувашин, даже самый богатый, не скупится поработать во благо своей нации и помочь ближнему своему. Высказывание *«воровать и попрашайничать – значит пустить дурную славу о народе. Это бесчестие и не умение пользоваться возможностями»* (*«Алар (чувашлар – С.Г.) караклык вӑ теләнчелекне миллитемезнең яман исмен сату, намуссызлык, вӑ кулда булган куәтләреннән файдаланмаучылык, диләр»*)⁴ имеет более резкую отрицательную коннотацию, так как такое поведение противоречит идеалу созидатель-

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 16. Б. 498.

² Там же. № 14. Б. 431.

³ Там же.

⁴ Там же.

ного труда. А один человек может создать мнение о целом народе. Таким образом, «отношение к труду было главным критерием оценки»¹. Можно предположить, что чувашский народ уже с юных лет прививает своим детям эти качества. Как подчеркивает автор, именно трудолюбие и умение работать не дали чувашскому народу не только голодать в тяжелые времена, но и помогать соседним татарским деревням: *«1907 нче сәнәдә 27 губернада ачлык булды. Ул вакыт Казан губернасындагы мөселманнар илә чувашларда да гомуми ачлык иде. Шул елны мөселман карьяләре ач үлмәк дәрәжәсенә җитеп, төркөм-төркөм буларак теләнергә чыктылар, вәхшәт дәрәжәсендә караклык һөнәрләренә ябыштылар. Ләкин чувашлар, әүвәлдәге хәзерлекләре аркасында, һичбер мохтажлык күрми кыш чыктылар. Бәлки дә күп мөселман карьяләрен ашаттылар. Шул елны «Кызыл хач» тарафыннан һәр авылда өйрә ашатылды. Мөселман карьяләреннән «Чутый» илә, чуваш карьяләреннән «Тә(ң)ре бирде» карьяләре зурлыкта бер дәрәжә булып, Чутыйда алты йөз адәм, Тә(ң)ре бирдәдә 25 адәм ашады. Эштә бу, чувашларның икътисади җәһәтләре нә дәрәжәдә иткән ачык булдырса кирәк»²* (В 1907 году в 27 губерниях был голод. В Казанской губернии в это время голодали и чувашаи, и татары. Люди из татарских деревень собрались в группы и вышли воровать, приобщились в зверской степени воровству. А чувашаи, так как были запасливы, перезимовали хорошо. Они кормили и население татарских деревень. В том же году «Красный крест» оказывал помощь каждой деревне. Народ кормили похлебкой. Численность мусульманской деревни Чутеево и чувашской деревни Тябердино была одинаковой. При этом в

¹ Чувашаи. Этнографические исследования. Ч. II. Духовная культура. С. 71.

² Башири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 14. Б. 431.

Чутеево кормили 600 человек, в Тябердино – 25. Это свидетельствует об экономическом положении чувашей. – С.Г.).

Почти во всех главах очерков затрагиваются проблемы образования чувашского народа. Обобщающий, целостный взгляд на сложившуюся ситуацию в сфере образования обнаруживается в шестой главе «*Магариф вэ яшьләр һәм матбугатларе*» («Образование, молодежь и печать (пресса)»). Видно, что автор очень переживает по поводу низкого уровня образованности населения. Ведь именно потому, что находятся под покрывалом неграмотности, чувашаи живут словно червь внутри яблока, будучи не информированными о других народах, о науке, культуре и политике¹. Только принятие христианства помогло этому народу сделать хоть какой-то шаг вперед: были построены и открыты начальные школы. После этого ситуация начала меняться в лучшую сторону: и молодежь, и старшее поколение не жалеют ни сил, ни денег, стараясь получить не только начальное, но и среднее и даже высшее образование. Поэтому они очень ценят и уважают образованных людей, которые «несут свет», дают знания и объясняют народу, что пришло время прозреть, проснутся от спячки. А родители искренне верили, что так будет и говорили: «*Пирен ачы учител булат, пәдчекә булат, писар булат*»² (минем углым учитель, писыр яхуд (яки) пуп (поп) булачак. – Мой сын станет учителем, писарем или попом. – С.Г.).

Несмотря на прогресс, по словам З. Башири, слова «печатные издания» и «пресса» для чувашского народа пока еще чужды. Единственное издание на чувашском языке, которое издавалось в Чебоксарах, прекратило существование после того, как редактора обвинили в содействии с «социалистической» партией. Поэтому даже в начальных школах дети получают знания из татарских книг.

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 15. Б. 459.

² Там же.

Особое место в своем труде З. Башири уделяет чувашским женщинам. Из описаний быта, результатов женского труда перед нами встает образ послушной, трудолюбивой, обремененной семьей и бесконечными заботами, но всегда красивой чувашской женщины. К примеру, из восьмой главы «*Киемнәре вә кул эшләре*» («Одежда и рукоделие») мы узнаем, насколько чувашские женщины мастеровиты в шитье, из десятой «*Хатын-кызлары, йорт вә бала тәрбияләре*» («Женщины, домашние заботы и воспитание детей») – об их суровых буднях и тяжелой судьбе. Как видно из очерков З. Башири, женщины ни в чем не уступают мужчинам: на равне с мужьями пашут, жнут, косят сено, молотят, пилят дрова¹. Бездельницей, неумехой считаются девушки, если в 15–16 лет не умеют косить сено («*эшлексез, уңмаган кыз!*»²). Чисто мужскими занятиями считаются лишь плетение лаптей, изготовление аркана и вожжей³. В добавок ко всему этому женщины занимаются домашним хозяйством и воспитывают детей. Поэтому девочки растут, привыкая к бытовым заботам и жизненным трудностям. З. Башири особо подчеркивает, что вся жизнь чувашских женщин проходит в труде. Картины из жизни женщин в очерках совпадают с описанием видного чувашского просветителя И.Я. Яковлева: «У чуваш <...> женщина имеет такое же значение, как и мужчина, и даже, пожалуй, больше. Она принимает одинаковое с мужчиной участие в полевых работах, занимает главную роль в домоводстве, она является воспитательницей своих детей, ей видная роль отводится и в языческих верованиях»⁴. В излишней занятости красивой половины чувашского

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 19. Б. 591

² Там же.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Чуваши. Этнографические исследования. Ч. II. Духовная культура. С. 38.

народа автор и видит причину невоспитанности и глупости молодого поколения: «аларның өй эчләре әшәке вә пис, тормышлары кабих була. Балалары һәм тәрбиясез вә тупас холькылы булып үсәләр... Бердән ошбу сәбәпләргә мәбни вә икенчедән җаһилалыкларыннан (наданлыкларыннан – С.Г.) наши (тыш – С.Г.), аларның хатын, кызлары, үзләренә махсус булмаган, нәзакәт вә хасият, нечкәлек вә җәзибит (сокландыра торган – С.Г.), шәфкатьлелек вә йомшак табигатьлелек кеби күвәләрдән вә сыйфатлардан бесбөтен гари (буш – С.Г.) булалар. Иштә шушындый таифәнең хатыннарында, йорт вә бала тәрбиясенә гаид (бәйлә – С.Г.) гүзәлчә нинди икътидар (кулдан килү – С.Г.) булсын да, аларның балалары хәсән әхлак вә әдәп кебиләрне кайдан ала булсыннар?.. Табигый, хәсән әхлак вә әдәптән ерак, шуның белән бәрабәр (бертигез – С.Г.) куркак вә җөрвәтсез булып җитешәләр»¹ (дома у них грязно, жизнь их плохая. Дети подрастают невоспитанными и грубыми. Кроме того, что они безграмотны, их женщины лишены хороших качеств, нежности и привлекательности, милосердия. Какое же воспитание могут дать такие женщины, да у кого научиться их дети нравственности и хорошим манерам?.. Естественно, они далеки от нравственности и хороших манер, к тому же подрастают пугливыми, безвольными. – С.Г.).

3. Башири был поражен узнав, что у чувашей не ценится девственность², поэтому девушки очень рано лишаются невинности. Автор подводит читателя к мысли, что это является результатом необразованности и отсутствия должного воспитания со стороны родителей. Удивительно и то, что данное явление считается у них нормой. Более того, если девушка с юных лет не общается с парнем и не находит себе

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 19. Б. 591.

² Там же. Б. 592.

партнера во время танцев и праздников¹, считается опозоренной, а вместе с ней и ее родители. Каким бы странным это ни показалось, не обращают внимания на это и при выборе спутника жизни.

Несмотря на такую особенность полового воспитания, автор отмечает очень важную деталь. По мнению З. Башири, такое отношение является результатом неграмотности. И главное – в отличие от татарских девушек, которые воспитываются в «ежовых рукавицах», чувашских девушек не встретишь в публичных домах². Такие наблюдения во многом точны. К примеру, исследователи чувашской культуры также пишут о том, что «несмотря на свободу общения, случаи распущенности среди молодежи были крайне редким явлением, так как подобные факты весьма строго осуждались общественным мнением»³.

В кратком портрете, данном в этой главе, охватываются общие черты чувашских женщин. Перед нами встает образ сильной и очень красивой женщины: девушка смугловатая, чернобровая, с острым зрением. Как отмечает автор, погрязшая в рутине чувашская женщина, несмотря на тяжелый труд и на то, что никогда не следит за собой, все же природная красота берет свое, они всегда остаются красивыми и поздно стареют, так как их девочки смуглые, чернобровые, зоркие и очень красивы (*«ирлек табигатенә мәел (якын – С.Г.) табигатьле тупас торышлы булган сөякләре белән бәрәбәр (бертигез – С.Г.) яшьлектә булган матурлыкларын тиз генә югалтмыйлар. Чөнки аларның, кызлары*

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 19. Б. 592.

² Там же. Б. 593.

³ Чуваши. Этнографические исследования. Ч. II. Духовная культура. С. 27

кара туткыллы, кара кашлы, уткен күзле булып, төскә соң дәрәжәдә матур булалар»¹).

Особое внимание уделяется их деловитости и нравственным качествам. Даже если собирается несколько чувашских женщин, в отличие от татарок, по словам З. Башири, они никогда не сплетничают, разговаривают только по делу, а честность, верность, правдивость² считаются самыми прелестными их качествами.

Писатель также особо подчеркивает крепость чувашских семей, что объясняется особым отношением к браку: молодые всегда женятся не по принуждению, а только по любви. У них тоже бывает своеобразная помолвка, без свидетелей, но обязательно с согласия молодоженов. Женитьба во второй раз вовсе не приветствуется. Поэтому семьи крепкие, несмотря на свободу, жены никогда не изменяют мужьям, а члены семьи всегда равны.

Как уже было отмечено нами, З. Башири в детстве был частым гостем в одной из чувашских деревень. Наблюдения и впечатления, полученные им в это время, видимо, также легли и в основу очерков. И возможно, гостеприимство, оказанное ему, стало вдохновением при написании последней, двенадцатой главы *«Мосафирпәрвәрлек, яхшылык вә әлфәтлелек»* («Любовь к путешествиям, доброта и дружелюбие»). Зафиксированные автором сведения об этой черте национального характера во многом совпадают с наблюдениями этнографов, которые утверждают, что «чувашки всегда отличались особым гостеприимством»³. В этой главе на наш взгляд, раскрыты важные характеристики. Любой вошедший в дом считается у них гостем. Гостя

¹ Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 19. Б. 591–592.

² Там же. Б. 593.

³ Чувашки. Этнографические исследования. Ч. II. Духовная культура. С. 72.

чувашии народ всегда встречает как своего близкого друга и родственника, а присутствие «гостя Аллаха» («Алла кунагы»¹) для них является огромной радостью. Не позорь меня перед путешественниками да хорошими людьми («*Бэне мосафирлар вэ яхшы затлардан булган кунаклар алдында оятлы итмэ*»²) молят они Всевышнего, чтобы и самим не опозориться перед гостем. Поэтому, как бы бедно и плохо не жила семья, она всегда найдет, чем накормить и напоить путника.

Описывая доброту и тепло, с которым чувашаи принимают гостей, З. Башири подчеркивает, что гостеприимство, уважение к путникам, помощь нуждающимся для этого народа являются прекрасным наследием, которое они берегут («*мосафирларга хөрмэт, гаҗизларга ярдэм, картларга кечеклек, безгэ, бабайлардан мөкаддэс мирас булып калган*» *дилэр һәм шуны һич бер вакытта югалтмаска вэ эда итэргэ тырышалар*³). Услышать благодарность за гостеприимство считается высшей наградой⁴. Полагаясь на поговорку «доброта на дороге не валяется», чувашский народ относится с теплотой и дружбой ко всем народам, особенно татарам. Поэтому автор всей душой верит и тешит надежду, что со временем и этот народ прозреет и станет образованным.

Как видно, весь мир художник познает через сопоставлении со своим народом, видит сквозь призму национального опыта. З. Башири старается приподнести читателю материальную и духовную культуру чувашского народа как национальное достояние, выпукло показывая специфическое, акцентируя внимание на заметные следы общения чувашей с

¹ Бэшири З. Чувашилар // Шура. 1909. № 22. Б. 685.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

татарами. В каждой главе чувствуется глубокое уважение автора к чувашскому народу.

Этот труд, на наш взгляд, является серьезным источником в деле изучения чувашской национальной идентичности, этнографии народа, менталитета чувашей, в котором еще раз подчеркивается мысль, что два соседних народа – чуваша и татары – много значат друг для друга и еще немало могут научиться через взаимовлияние культур и обычаев.

Бурное развитие газетно-журнального дела, его влияние на общественную жизнь и идейная борьба вокруг коренных проблем своего времени не обошли стороной Зарифа Башири. Он непосредственно участвует в издании газет и журналов. На страницах многих изданий выходят в свет его статьи.

Как показал анализ публицистического наследия З. Башири, в поле зрения публициста оказывается вся окружающая действительность во всех ее сторонах и отношениях. Башири присуще умение преподнести современную реальность как совокупность конкретных ситуаций.

В своих многочисленных статьях публицист поднимает самые важные проблемы современности: жизнь народа на чужбине, исторические процессы в жизни и судьбе простого народа, роль образования в развитии народа. Одним словом, его публицистике характерна обращенность к народу. Умение жить теми проблемами, которыми живет общество, делает его статьи злободневными. Описание исторической действительности, констатация фактов, ориентация на социальный опыт народа, цитирование живой речи носителей национальной культуры не только служат созданию определенного фрагмента жизни, но и образуют доказательную базу.

Одной из центральных тем публицистики З. Башири является образование. Статьи автора создают достаточно полную картину о состоянии дел в сфере образования не-

скольких регионов. Приведенные здесь статистические данные и изложение сути на примере отдельных школ говорят о знании проблем изнутри. Примечательно то, что публицист не ограничивается в своих статьях лишь констатацией и перечислением фактов, а старается выделить и отметить причины, тормозящие образование. По его мнению, это – использование религиозных канонов и школы ради личностных целей, отрицательный социальный опыт, неправильный подбор кадров и др. Наряду с этим Зариф Башири предлагает пути выхода из сложившейся ситуации. Пробуждение спящего духа нации, совместные усилия людей, личное участие и ответственность каждого, поддержка власти, вера в будущее – вот те рецепты, которые автор «прописывает» всему простому народу.

Роль периодической печати З. Башири также видит в служении народу. Им дана в целом положительная оценка деятельности журналов «Безнең юл» («Наш путь») «Муштум» («Кулак»), «Янгы юл» («Новый путь»), газет «Урал», «Кутилиш». Автор отмечает их стремление освещать проблемы в интересах простого народа и воздействовать на сознание народа. Важнейшими направлениями считает деятельность в подготовке новых кадров, изменение содержания литературы, участие в процессе воспитания и образования.

Социальные, политические изменения, свидетелем которых стал и сам автор, как правило, затрагивают духовный, культурный аспекты. Отношение автора к духовной сфере ярко отражено в статьях о деятельности священнослужителей. З. Башири отличает особый взгляд на проблему. Он, как и в своих художественных произведениях, резко критикует мусульманское духовенство, уделяя особое внимание их неудачам. И именно они, а не религия, представляют собой «некое зло», которое мешало развитию народа, их толерантности, формированию «нравственной личности». Людей, которые

перестали верить в Бога, он называет термином *ходасызлар* 'безбожники', имеющим особую смысловую нагрузку.

В цикле статей «Совет көнчыгышында» представлена довольно полная картина жизни в Средней Азии, в оценке которой он придерживался последовательных взглядов, выдвигая в качестве критерия оценки, общенациональные интересы в области просвещения. Повествование быта народа, жестокости богатеев, положения дел в сфере образования выполняют функцию доказательств того, что все совершается самим народом и во благо народа. Героями статей З. Башири стали не только коренные жители, но и татары, приехавшие в Узбекистан в поисках счастья. Обращение к их судьбе делает этот цикл актуальным не просто для отдельного региона, но и страны в целом. Автором поднимается очень важная проблема современности, имеющая широкие масштабы.

Бесценным вкладом являются его этнографические очерки о чувашском народе, где представлена полная картина традиционной культуры и быта, раскрыты идеалы, приоритеты, особенности мировидения и национального характера. При этом автор исходит не столько из исследования настоящего, сколько из идеала будущего. Стоит отметить, наблюдения автора не только яркие, но и точны, что подтверждают исследования этнографов, историков, филологов. Очерки З. Башири ценны не только богатым материалом, который может послужить ценным источником при изучении национальной культуры чувашского народа, но и идеями о дружбе и взаимопомощи народов.

В публицистических полотнах современной жизни рисуются обычные люди: представители мусульманского духовенства, богатеи, учителя, мужчины и женщины – простые сельские жители, жизнь которых не отличается от жизни многих их современников. Но каждый образ имеет свою смысловую нагрузку. Например, муллы стали объектом кри-

тики, за их неспособность служить народу. Образы женщин служат, с одной стороны, более выпуклому изображению исторических изменений, с другой – раскрытию национальной специфики.

В целом публицистику Зарифа Башири объединяет одна мысль, выраженная в различных конкретных примерах: необходимость просвещения простого народа, не только татарского, но и чувашского, узбекского, уйгурского. Писатель не изменял своим взглядам на протяжении всего периода творческой деятельности, с каждой своей статьей детализируя примеры и углубляясь в данную тему, открывая и осмысливая новые аспекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество отдельно взятого писателя, с одной стороны, уникальное явление, отражающее его мировосприятие, нравственные принципы, духовное самосознание. С другой стороны, созданная автором художественная реальность, его специфичность ярко проявляются и воспринимаются правильно лишь в контексте того времени, когда она создавалась.

Литературно-художественная и публицистическая деятельность Зарифа Башири представляет собой заметное явление в общественной и культурной жизни татар первой половины XX века, она сыграло большую роль в становлении литературы и публицистики. Несмотря на это, его труды до сих пор остаются известными лишь узкому кругу ученых-литературоведов и почитателей творчества писателя. Художественное мышление писателя в целом можно охарактеризовать как просветительское. Главная и наиболее примечательная черта прозаического и публицистического творчества З. Башири состоит в том, что во всех своих произведениях он сумел выпукло показать национальный характер, мышление, мировоззрение, стереотипы и духовное богатство своего народа. Также он стал одним из зачинателей историко-этнографических исследований родственных тюркских народов: татар, чувашей, узбеков. На основе большого фактического материала ему удалось показать сложную и малоизученную структуру большой семьи и других родственных групп, проследить их разви-

тие в период исторических преобразований в обществе, то есть во время таких переломных моментов, как коллективизация и раскулачивание. Он внес значительный вклад в развитие произведений в рамках просветительского, социалистического реализма и натурализма. Спецификой творчества З. Башири в целом является взаимопроникновение публицистических и художественных элементов, их взаимовлияние и взаимообогащение.

Литературно-художественная и публицистическая деятельность З. Башири была многогранной. Как творческая личность он сумел сказать свое слово в различных жанрах поэзии и прозы. В его богатом творческом наследии значительное место занимают стихотворения, имеются две поэмы, роман в стихах. Особенно привлекательна его проза и публицистика. Он является автором рассказов, повестей, романов, фельетонов, многочисленных статей и очерков, в которых нашли отражение яркие картины из жизни простого народа. Им также составлены сборники «Ўзбэк эдэбияты» («Узбекская литература»), «Чуваш эдэбияты» («Чувашская литература»), «Уйгыр эдэбияты» («Уйгурская литература»).

Точкой отсчета его творчества можно считать революцию 1905 года – время кардинальных перемен, когда страна впервые получила опыт парламентаризма, представители самых различных слоев общества, политические организации обрели свой голос. Бурное развитие средств массовой информации, ослабление цензуры – все это сыграло важную роль в формировании мировоззрения и творческих взглядов Зарифа Башири. Будучи активным читателем прессы, он знакомится и вдохновляется творениями наиболее значимых поэтов и писателей своего времени, это дает толчок развитию его собственного творчества. Спустя некоторое время на страницах тех же изданий выходят в свет уже его собственные стихотворения и статьи на самую различную тематику.

Он активно сотрудничал с такими передовыми татарскими газетами и журналами, как «Шура» («Совет») и «Чүкеч» («Молот»), «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), «Фикер» («Мысль»), «Йолдыз» («Звезда»), «Вақыт» («Время»).

Первый свой рассказ З. Башири пишет в годы учебы в медресе. Все же более совершенные произведения писателя относятся к 1909 году. В этом году, по данным архивных материалов, были написаны сатирические рассказы «Тут жимеше белән каз» («Тутовая ягода и гусь»), «Бәләш белән малахай» («Бәләш и малахай»), «Иван белән самовар» («Иван и самовар») объединенные в дальнейшем с рассказом «Татар хатыны белән сыер» («Татарка и корова», 1932) в повесть под названием «Әлмәт хәзрәт фәлсәфәләре» («Философия просвещения Альмата»).

Рассказ – излюбленный жанр в творчестве З. Башири. В этом жанре написаны лирические детские рассказы «Бәхетле ана» («Счастливая мать»), «Ефәк күлмәк» («Шелковая рубашка»), лирические рассказы поучительного характера «Яшәсен авыл кызлары!» («Да здравствуют деревенские девушки!»), «Картада отылган кыз» («Девушка проигранная в карты»), антирелигиозные рассказы «Куш чикләвек» («Сросшийся орех») и др. Они имеют простую композицию, за исключением рассказа «Картада отылган кыз». Сюжет в рассказах З. Башири состоит из одной, двух линий, в действии участвуют несколько персонажей. В повествовании событий особая роль принадлежит рассказчику. Стилистической манере автора свойственно также начинать рассказы с пейзажных зарисовок, плавно переходящих к раскрытию главной проблемы.

Первое произведение среднего эпического жанра повесть «Чуваш кызы Әнисә» («Чувашская девушка Аниса») так же была задумана и начата как рассказ. В дальнейшем к жанру повести и романа автор обращается в 1925 году.

В этом году были написаны некоторые главы романа «Тау култыкларында» («В ущельях»). В 1937 году выходит в свет повесть «Карагош яуы» («Нашествие Карагуша»).

В произведениях З. Башири прослеживаются схожие мотивы, которые нашли свое отражение в романах и повестях известных татарских просветителей конца XIX – начала XX века. Как показал наш анализ, основным творческим методом писателя является просветительский реализм.

В своей прозе писатель большое внимание уделял человеческому фактору, поднимал злободневные в те годы проблемы бытия. Раскрытию их причин служат детализированные бытовые картины, контрастное описание (прошлого и настоящего, прогрессивного и тормозящего), положительные и отрицательные герои. Наиболее важной проблемой З. Башири считает неграмотность народа. Грамотность, по мнению писателя, должна стать той неотъемлемой чертой, которая обеспечит повышение стандарта жизни, развитие нации в целом. Будущее народа он связывает с образованной личностью. Эта мысль доминирует во всех произведениях З. Башири. Выступая как просветитель, он не только воспекает стремление детей и молодежи к получению образования, но и показывает рождение нового поколения.

В осталости народа, распространении пьянства, тунеядства З. Башири обвиняет, в первую очередь, мусульманское духовенство. По его мнению, эта часть населения, призванная служить народу, просвещать его, лишь тянет его на дно. Мусульманское духовенство писатель критикует, презреде всего, с позиций просветительства.

Идее просвещения подчинены также неповторимые женские образы (Зульхабира, абыстай, Аниса, Айниса). Женские образы, созданные автором, красивы, воспитанны, образованны. Писателю удалось наделить их особой изюминкой, они вызывают у читателя и сочувствие, и гордость.

Велика их роль в сохранении семейного очага, национально-культурных ценностей и традиций.

Таким образом, главную просветительскую идею автора, которой он придерживался на протяжении всей своей жизни, можно сформулировать так: только образованность может способствовать прогрессу и сохранению национальной специфики.

В произведениях среднего и крупного эпического жанров поднимаются вопросы, традиционные для литературы того времени: народное движение, союз рабочего класса и крестьянства, колхозно-совхозное строительство, классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества. В них ставится воедино проблема частной жизни и судьбы народа. Поэтому исторические события, оставившие неизгладимый след, рисуются как борьба за светлое будущее.

В повести «Карағош яуы» («Нашествие Карагуша»), в романе «Тау култыкларында» («В ущельях») идейную нагрузку несут и натуралистические элементы, которые служат раскрытию человеческой природы и трагизма происходящего. Согласно нашему анализу, зачатки натуралистического изображения нечеловеческого в человеке проявляются еще в начале творческого пути З. Башири – в рассказе «Тәүфыйк-һидаят» («Нравственно правильный путь»).

Многие прозаические произведения З. Башири создавались с опорой на народное творчество. Включение в тексты фольклорных произведений различного жанра служит, как правило, раскрытию авторской идеи, придают произведениям народное звучание. На этом фоне поднимаются вечные проблемы: сохранение национально-культурного, духовного богатства народа, национального самосознания, дружба народов. В рассказе «Девушка, проигранная в карты» и повести «Чувашская девушка Аниса» автор сумел приподнять завесы повседневности и показать крупинцы истинных духовных ценностей.

С помощью народных рассказов (рассказы о Зулъхабуре, Хамиде, Гарае, об Аксаби, о мулле, муэдзине и мужике), различных поверий, описывая праздники, посиделки и др., З. Башири вводит читателя в большой мир народной, самобытной жизни.

Концентрацией и своего рода резонатором творческой системы З. Башири является его публицистика, без всестороннего и тщательного исследования которой невозможно во всей полноте понять, оценить личность и творчество писателя. В ней автор освещал события, происходившие в сфере политики и социальной жизни татар не только на их Родине, но и за ее пределами. Отраженные в публицистике З. Башири картины действительности, человеческие характеры, органически вплетаются и в ткань его художественных произведений как аргументы, почерпнутые из самой жизни.

Все публицистическое творчество писателя отмечено независимостью суждений автора. Не всем его современникам удавалось сохранить чувство собственного достоинства в условиях жесткой цензуры. Это значительно усиливает интерес к публицистической работе З. Башири. В ней отражены политические, социальные, философские и эстетические воззрения писателя послеоктябрьской России. В основе многих статей З. Башири лежат конкретные факты и примеры, взятые из жизни, но он не просто отражал действительность, а выявлял и обобщал ее ведущие тенденции.

Тема просвещения была и осталась до конца жизни писателя ведущей темой не только в литературном творчестве, но и в публицистике. Проблемы воспитания и образования рассматриваются им в тесной связи с нравственно-этическими вопросами, вопросами семьи и быта. Тем самым автор стремится вовлечь читателя в процесс размышления о национальных проблемах этого времени.

Статьи Зарифа Башири примечательны тем, что он рассматривает образовательный процесс как систему и старается

выделить ее важные составляющие. Несомненно, такой подход автора к образовательному процессу объясняется его непосредственным участием в процессе образования и воспитания. Поэтому все написанное им на эту тему звучит актуально и убедительно. Решающими факторами в изменении системы образования в целом, по мнению З. Башири, являются усиление роли властей в общем руководстве и подборе кадров, личное участие и ответственность каждого.

Роль периодической печати публицист видит также в служении народу, что предполагает активное участие в процессе воспитания и образования, подготовку новых кадров, освещение проблем в интересах простого народа.

Благодаря З. Башири татарская периодическая печать наполнилась новым содержанием. Автор опубликовал многочисленные статьи о жизни и быте узбеков, башкир, чувашей и татар, которым посвящены целые циклы под названиями «Чуваши» («Чувашлар») и «На Советском Востоке» («Советлар Көнчыгышында»). Он обращается к их истории, духовной и материальной культуре, фактам языка, описывает быт и нравы, раскрывает ценности и приоритеты народа. При этом автор исходит не столько из исследования настоящего, сколько из идеалов будущего.

Таким образом, литературно-художественное и публицистическое наследие З. Башири примечательно широким охватом и многоаспектным видением проблем действительности. Оно также является своеобразным пластом, в котором представлено национальное богатство татарского, чувашского, узбекского народов и определена специфика национального мышления, характера. На наш взгляд, такое творчество должно непременно вернуться к народу, а имя автора должно занять достойное место в истории татарской литературы своего периода.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Бәшири З. Безнең Гөбенә // Кызыл таң. 1956. № 258, 2 нояб.

Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар (язучы истәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 291 б.

Бәшири З. Мөтәржим шагыйрь // Чүкеч. 1908. № 50.

Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. 196 б.

Бәшири З. Ул дисезме? // Чүкеч. 1908. № 63.

Бәшири З. Уңыш жырлары // Кызыл таң. 1956. № 258, 2 нояб.

Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 10. Б. 300–302; Б. 591–593.

Бәшири З. Чувашлар // Шура. 1909. № 11. Б. 337–339; № 12. Б. 366–367; № 13. Б. 404–405; № 14. Б. 430–432; № 15. Б. 459–460; № 16. Б. 498–500; № 17. Б. 531–534; № 18. Б. 557–558; № 21. Б. 654–656; № 22. Б. 685–686.

Бәшири З. Карағош яуы. Өфө: Башкорт. кит. изд., 1958. 124 б.

ЦПИМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 1–5, 9–12, 17, 19, 21, 22, 24–26, 28, 29, 65, 68.

Бәшири З. Чуваш кызы Әнисә: повесть. Казан: Бөрәдәрән Кәримовлар, 1909.

Литература

Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань: Таткнигоиздат, 1976. 319 с.

Акбулатова А.Р. Языковая картина мира и межкультурная коммуникация // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: сб. матер. науч.-практ. конф., 17 февраля 2012 г. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2012. С. 82–84.

Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать: 1905–1907. М.: Наука, 1988. 188 с.

Анчарова М.С. Письма крестьян о кооперации. М.: Кооп. изд-во, 1924. 30 с.

Артюнов Л. Проблемы исследования художественных форм национального сознания // Национальное и интернациональное в советской литературе. М.: Наука, 1971. С. 141–196.

Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М.: Вече, 1999. 656 с.

Ахмадуллин А. Татарская литература (Истоки и формирование социалистического реализма). М.: Наука, 1983. 264 с.

Ахмадуллин А. Дәрәсләккә ирешү юлында: мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 255 б.

Әдәбият белеме: терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. Казан: Мәгариф, 2007. 231 б.

Әхмәтжанов М.И. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. Казан, 2005. 224 с.

Батулла Р. Урыннары жәннәттә булсын! Мәрхүм шәхесләребез турында мәрсияләр, хатирәләр. Казан: Рухият, 2007. 992 б.

Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Введение в литературоведение: хрестоматия / под ред. П.А. Николаева. 3-е изд., испр., и доп. М.: Высш. шк., 1997. С. 305–308.

Башири Э. Тропинка, ведущая к свету // Ветеран Башкортостана. 2012. Январь.

Башири Э. Эше калсын мең яшәрлек имән булып // Кызыл таң. 2012. 14 июль.

Башири Э. Мой дед Зариф Башири // Истоки. 2012. №14. Апрель.

Бәширов Ф.К. XX йөз башы татар прозасы. Казан: Фикер, 2002. 287 б.

Бикташев Р.И. Литературное и публицистическое наследие Ахметзяна Биктимирова: начало XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 31 с.

Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины: учеб. пособие / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк.; Академия, 1999. 556 с.

Виноградов О. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Губернская типогр., 1897. 18 с.

Волков Г.Н. Трудовые традиции чувашского народа. Этнопедагогический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 94 с.

Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953. 382 с.

Воробьев Н.Н. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература / отв. ред. Г.И. Ломидзе. М.: Наука, 1978. 264 с.

Гайнанов Р.Р., Марданов. Р.Ф., Шакуров. Ф.Н. Татарская периодическая печать (1905–1924). Библиографический указатель. Казань, 1999. 310 с.

Гайнетдинов А.М. Г. Ибраһимов һәм Г. Тукай мөнәсәбәтләре турында // Г. Ибраһимов мирасы һәм төрки дөнья: Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. Казан, 2012. Б. 166–168.

Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Бәшири З. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. Б. 3–8.

Гайнуллин М. Бай мирас // Социалистик Татарстан, 1978. 4 май.

Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Татар әдипләре (ижат портретлары). Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. Б. 183–187.

Гайнуллин М. Зариф Бәшири // Казан утлары. 1978. № 5. Б. 170.

Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 352 с.

Гайнуллин М.Х., Сафуанов С.Г. Зариф Башири // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов.

энцикл., 1962–1978. Т. 2: Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. 1964. С. 994–995.

Гайнутдинов М.В. Татарская литература зыбких времен (1917–1929 гг.). Казань: Экоцентр, 2001. 135 с.

Гайстер А. Расслоение советской деревни. М.: Комакадемия, аграрная секция, 1928. 141 с.

Галимуллин Ф. Әле без туганчы... (1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш). Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 320 б.

Галимуллин Ф. Табигыйлеккә хилафлык: (XX гасырның 20–30 елларында татар әдәбиятының үсеш үзенчәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 503 с.

Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 272 с.

Гарипова З.Г. Культурно-просветительская работа в Татарии в годы 1 пятилетки (1928–1932 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 159 с.

Гилязов З.З. Татарская литература начала XX века в книжных изданиях. Казань, 2005. 160 с.

Гимазова Р. Просветительская деятельность Нигматуллиных-Буби. Казань: Печатный двор, 2004. 220 с.

Гиниатуллина А. Писатели Советского Татарстана: Биобиблиографический справочник. Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. 511 с.

Головкин В.М. Повесть как жанр эпической прозы: учеб. пособие. М.: Ставрополь, 1997. 116 с.

Грамотность // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 7. 640 с.

Гуляев Н.А. Теория литературы: учеб. пособие для вузов. Изд. второе испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 271 с.

Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 232 с.

Данилевский И.Н., Кабанов В.В. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: учеб. пособие для студентов вузов. М.: РГГУ, 2000. 701 с.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 358 с.

Дювбанов П.М. Из истории совхозного строительства в Татарии. 1918–1969. Казань: Дом политпросвещения Татарского ОК КПСС, 1970. 300 с.

Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 320 с.

Заһидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи эсәрләр. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.

Заһидуллина Д.Ф. Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2007. 399 б.

Заһидуллина Д.Ф., Йосыпова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәреслек. Казан: Казан ун-ты, 2011. 1 нче китап: XX йөзнец беренче яртысында таатр әдәбияты. 230 б.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 2. 279 с.

Злобин С.П. О моей работе над историческим романом // Советская литература и вопросы мастерства: сб. М.: Сов. писатель, 1957. Вып. 1. С. 145–146.

Зорин К.Ф., Исхаков М.Х. Пути кресткомовской практики. Казань: Изд-во Тат. ЦККОВ, 1927. 23 с.

Иванов В.П., Фокин П.П. Семья у чувашей. Чебоксары, 1991. 98 с.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с.

История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.). Казань: Фикер, 2003. 472 с.

История татарской советской литературы / отв. ред. Л.И. Залесская, В.Г. Воздвиженский. М.: Наука, 1965. 578 с.

Канеева Р.Э. Государственная важность сохранения национальных языков Центральной Азии в эпоху глобализации // Восточные языки и культуры: материалы III междунар. науч. конф., 25–26 ноября 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 278–280.

Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. URL: http://portal/gersten_ru/component/option,com_mtree/task,viwlink/link_id,10089/itemid:50 (дата обращения: 25.06.2012).

Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927. М.: Наука, 1983. 215 с.

Кооперация Татареспублики к 10-й годовщине Октябрьской революции. Казань, 1927. 93с.

Краткий курс истории ВКП(б) (1938 год) // Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997. 351 с.

Куликов В.Е. К вопросу о содержании идеологии советского крестьянства в доколхозный период // Проблемы истории крестьянства. М.: Наука, 1981. С. 114–122.

Кульшарипов М.М. Восстание «Черный орел» в Башкирии // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества. Уфа, 1991. С. 44–53.

Кутяшов С.С. Этнография чуваш и чувашский национализм. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1932. 60 с.

Ленюль Г. История и литература. М.: Сов. писатель, 1960. 388 с.

Литература народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н.С. Надъярных. М.: Наука, 2005. 365 с.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.Л. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 750 с.

Логвин Г.П. Романтическая поэтизация в русской советской прозе 30-х годов (к типологии стилевых течений) // Типологическое изучение литературного процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1987. С. 91–100.

Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2007. С. 214–215.

Миловидов В.А. Натурализм: метод, поэтика стиль (проблемы сравнительного литературоведения): учеб. пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993. 72 с.

Можаровский М. Как поднять доходность крестьянского хозяйства. Казань, 1927. ?с.

Мөхәмәтшин З. Мәғрифәтче әдипләребездән берсе // Казан утлары, 2000. № 12. Б. 174–180.

Национальное и интернациональное в советской литературе. М.: Наука, 1971. 518 с.

Николаев П.А. Историзм в художественном творчестве и литературоведении. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 366 с.

Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.

Новицкий Л. Батраки в Татарской Республике // Труд и хозяйство. 1928. № 7. С. 46–70.

Нуруллин И.З. Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в литературе. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 350 с.

Нуруллин И.З. Тукай / авториз. пер. с татар. Р. Фиша. М.: Молодая гвардия, 1977. 240 с.

Основы литературоведения: учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Мещерякова. М.: Московский лицей, 2000. 372 с.

Очерки истории русской советской журналистики (1917–1932) / отв. ред. А.Г. Дементьев. М.: Наука, 1966. 507 с.

ПАНО. Ф. 2. Оп. 2., Д. 2740, 2666.

ПАНО. Ф. 2. Оп. 2–1. Д. 2517, 1849.

Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: Гос. уч.-пед изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. 264 с.

Поспелов Г.Н. Типология литературных родов и жанров // Введение в литературоведение: хрестоматия / под ред. П.А. Николаева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1997. С. 309–315.

Проблемы метода и жанра: сб. ст. / отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 252 с.

Прохоров Е. Искусство публицистики. М.: Советский писатель, 1984. 360 с.

Рамеев З.З. Бәшири Зариф Шарафутдинович // Татарская энциклопедия. Казань: ИТЭ, 2002. Т. 1. С. 322.

Рамеев З.З. Текстология татарской литературы начала XX века. Казань: Алма-Лит, 2008. 188 с.

Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Б. 46–47.

Рәмиев З. Ижаты игътибар сорый // Социалистик Татарстан. 1988. 12 май.

Рәмиев З. Тукай һәм замандаш әдипләр. Казан: ТаРИХ, 2004. Б. 67–73.

Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 4. С. 150.

Роголина Н.Л., Щетнев В.Е. Динамика психологии и общественных настроений крестьянства в 20-е годы // Становление и развитие социалистического образа жизни в советской деревне. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 83–91.

Рогожникова Н. Борьба крестьян с властью как фактор общенационального кризиса. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1139&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.05.2012).

Рубакин Н. Грамотность // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 14. С. 411–419.

Русская литература и журналистика начала XX века (1905–1917). Большеви́стские и общедемократические издания / отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1984. 352 с.

Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 268 с.

Сазонова Н.М. Куда идет деревня. М.–Л.: Московский рабочий, 1928. 178 с.

Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. 300 б.

Себина Е.Н. Описание // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 1999. С. 225.

Сәлахова З.Г. Г. Ибраһимовның «Адәмнәр» повестенда натурализм // Г. Ибраһимов һәм төрки дөнья: Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. Казан, 2012. Б. 126–128.

Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. Чебоксары: Чуваш. кн. изд.-во, 1965. 132 с.

Снегирев И.М. Обозрение пословиц // Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике / под ред. Ю.Г. Круглова. М.: Высш. шк., 2003. С. 133–140.

Современная иллюстрированная энциклопедия. Искусство: в 4-х кн. / гл. ред. А.П. Горкин. М.: РОСМЭН, 2007. Ч. 3. Л–П (с иллюстрациями) С. 285–286.

Современный литературный процесс и литературная критика. М.: Художественная лит-ра, 1982. 470 с.

Союз писателей Республики Башкортостан. Ф. Р-4627.
Оп. 4. Д. 9.

Стяжкин В.С. Расслоение крестьянских хозяйств. Изд-во Казанских краевых стат. курсов, 1928. 33 с.

Тамарченко Н.Д. Типология реалистического романа. На материале классических образцов жанра в русской литературе XIX века. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. 200 с.

Татар әдәбияты тарихы: 6 томда / редколл.: Г.М. Халитов (жаваплы редактор), Н.Г. Гыйззәтуллин, А.Г. Әхмәдуллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 3 т. XX гасыр башы. 600 б.

Татар әдәбияты тарихы: 6 томда / редколл.: Н.Г. Юзиев, Н.Ш. Хисамов (жаваплы редакторлар), Г.М. Халитов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 4 т. Татар совет әдәбияты (1917–1941). 568 б.

Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. 703 с.

Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. 486 с.

Теория литературы / РАН Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3. Роды и жанры. 591 с.

Терехова О.П. Отражение духовной культуры народа в фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы междунар. науч.-пр. конф. (Казань, 29 июня 2009 г.). Казань: Алма-Лит, 2009. С. 141–143.

Торшин А.А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

Төхвәтова Г.Ф. Г.Ибраһимовның «Казакъ кызы» һәм Г. Монасыповның «Таранчы кызы, яки Хәлимең беренче мәхәббәте» романнарында кардәш төрки халыклар тормышы // Г. Ибраһимов һәм төрки дөнья: Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. Казан, 2012. С.141–144.

Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры: словарь. Уфа: Гилем, 2003. С. 206.

Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении; Краткая история города Казани. Казань: Фонд ТЯК, 1991. 210 с.

Хаков В. Зариф Бәшири әсәрләре // Совет әдәбияты. 1959. № 6. Б. 113–115.

Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.

Халит Х. Портреты и проблемы: избранные статьи разных лет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 344 с.

Хасанова А.М. Творчество Ахнафа Тангатарова: жанровые и художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 27 с.

Хәйри Г. Тарихи роман жанры // Метод, стиль, жанр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. Б. 125–127.

ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 198.

Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. М.: Мысль, 1971. 191 с.

Чуваши. Этнографическое исследование. Ч 2. Духовная культура. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. 307 с.

Шеншин В.К. Проблема психологизма в советском романе 1920-х годов и художественный опыт Ф.М. Достоевского // Типологическое изучение литературного процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1987. С. 79–91.

Шик Э. Документ, факт, образ // Сб. литературных критических статей. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973.

Эсалнек А.Я. Типология романа. М.: МГУ, 1991. 159 с.

Юдин В.А. Классификация русского советского исторического романа // Типологическое изучение литературного процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1987. С. 113–124.

Юдин И.Н. Из истории борьбы КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в 1925–1927 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та, 1957. Т. 117, кн. 1. С. 56–67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литературно-художественное наследие З. Башири¹

№	Название	Год издания и издательство	Объем
Изданные сборники и произведения			
1	Да здравствует свобода! (первое стихотворение)	Газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), 1906	
2	Думага хитап (второе стихотворение)	Газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), 1906	
3	Милләт кайгысы (Забота о нации) (сборник стихотворений)	Изд. «Милләт», 1907	
4	Язгы кояш (Весеннее солнце) (сборник стихотворений)	Изд. «Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1908	30 с.
5	Тутый тавышы (Звуки речки Тутый) (сборник стихотворений)	Изд. «Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1908	26 с.
6	Иргәнге азан (Утренний звон) (сборник стихотворений)	Изд. «Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1909	40 с.

¹ Составлено по данным архивов ЦПиМН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Союза писателей Республики Башкортостан и библиографическим источникам.

7	Ядкәр (На память) (сборник стихотворений)	Изд. «Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1909	47 с.
8	Юаткыч йә юаткыч (Утешающее или пробуждающее) (сборник стихотворений)	Изд. «Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1909	47 с.
9	Яз тамчылары (Весенняя капель) (сборник стихотворений)	Изд. «Бөрадәрән Кәримовлар», 1909	36 с.
10	Әлмәт хәзрәт фәлсәфәсе (Философия просвещения Альмата) (повесть)	Журнал «Чүкеч», 1909	
11	Яман аталар (Дурные отцы) (повесть)	Изд. «Бөрадәрән Кәримовлар», 1910	72 с.
10	Хиссият баскычлары (Ступеньки переживаний) (сборник стихотворений)	Изд. «Юл», 1910	24 с.
11	Кызлар кираәте (1 кис.) (русча) (сборник произведений)	Изд. «Юл», 1910	45 с.
12	Чуваш Кызы Әнисә (Чувашская девушка Аниса) (повесть)	Изд. «Бөрадәрән Кәримовлар», 1910	80 с.
		Изд. «Чувашкниго- издат», 1960. (на чувашском языке)	131 с.
		Изд. «Татар. кит. нәшр.», 1958. (Сборник «Избранные произведения»)	С. 88– 194.

13	Бэхетле ана (Счастливая мать) (рассказ)	1910	
14	Шаян Фэхим (Шалун Фагим) (рассказ)	Изд. «Бэрадэрэн Кэримовлар», 1910	16 с.
		Изд. «Таткитнэшр.», 1960	12 с.
15	Фазтончы (Фазтон...)	Изд. «Сабах», 1911	
16	Иранда өч юлбасар (рассказ)	Изд. «Мэгариф», 1911	20 с.
17	Нургали солдат (Солдат Нургали) (поэма)	Изд. «Миллэт», 1911	
18	Карун белэн Харун (Карун и Харун) (рассказ)	Изд. «Миллэт», 1911	24 с.
19	Тэүфыйк-хидаят (Нравственно- правильный путь) (рассказ)	Изд. «Вақыт», 1911	
20	Картада отылган кыз (Девушка, проигранная в карты) (рассказ)	Изд. «Өмет», 1912	40 с.
21	Яшәсен авыл кызлары (Да здравствуют деревенские девушки) (рассказ)	Изд. «Шэрыкъ», 1913	26 с.
22	Зифакаем белэн тэбрик иттем, бэйрэм хатирәсе (рассказ)	Изд. «Кэримов, Хөсәенов вә ширкәсе», 1913	30 с.
23	Хиссият бишекләре (Калыбель чувств) (сборник стихотворений)	Изд. «Бэрадэрэн Кэримовлар», 1913	24 с.
24	Асламчылыкта (В коробейниках) (рассказ)	Изд. «Мэгариф», 1914	44 с.

25	Фаминизм	Изд. «Узбекгосиздат», 1925	
26	Монда – тегендә (Тут и там)	Изд. «Узбекгосиздат», 1925	
27	Инде төшенде (Теперь понял) (рассказ)	1925	
28	Зариф Бәшири шигырьләре (Стихи Зарифа Башири) (сборник стихотворений)	Татиздательство, 1927	103 с.
29	Ефәк күлмәк (Шелковое платье) (повесть)	1927 г. – на узбекском языке Татизд., 1928 г. – на тагарском языке	60 с.
30	Текә ташлар әйләнәсендә (У крутых скал)	Татизд, 1929	
31	Ала-бола чет	Изд. «Узбекгосиздат», 1929	
32	Агыя ханәф	Изд. «Узбекгосиздат», 1929	
33	Чуаш әдәбияты (Чувашская литература)	Казань, 1927	
34	Уйгур әдәбияты (уйгурская литература)	Казань, 1928	
35	Үзбәк әдәбияты (Узбекская литература)	Казань, 1929	
36	Заем	Изд. «Татиздат», 1929	
37	Кара тараканнар (Черные тараканы) (рассказ)	Изд. «Центриздат», 1930	63 с.
38	Текә ташлар әйләнәсендә (У крутых скал) (сборник стихотворений)	Изд. «Татиздат», 1930	119 с.

39	Цин Цзянлунын булэклэре (Подарки Цин Цзянлун)	Журнал «Комсомол», 1937.	
40	Избранные произведения (Сайланма эсэрлэр) (сборник)	Изд. «Татар. кит. нэшр.», 1958	196 с.
41	Карағош яуы (Нашествие Карагуша) (повесть)	Изд. «Башкнигоиздат», 1958	122 с.
42	(Ефэк корты) (Шелкопряд) (рассказ)	Изд. «Татар. кит. нэшр.», 1962	40 с.
43	Замандашларым белэн очрашулар (Встречи с современниками) (автобиографический сборник воспоминаний)	Изд. «Татар. кит. нэшр.», 1968	292 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Жанровая характеристика и проблематика прозы Зарифа Башири	15
1.1. Формирование художественных взглядов Зарифа Башири и жанрово-художественное многообразие прозы писателя	15
1.2. Жизнь и национально-культурное богатство татарского народа в рассказах Зарифа Башири	26
1.3. Особенности изображения исторических событий в повести Зарифа Башири «Карагош яуы» («Нашествие Карагуша»)	52
1.4. Повесть «Чуваш кызы Әнисә» как произведение – выразитель национального духовного богатства народа	60
1.5. Художественная интерпретация исторических событий в романе «Тау култыкларында» («В ущельях»)	82
2. Публицистическая деятельность Зарифа Башири: история и проблематика	105
2.1. Просветительские идеи в публицистике Зарифа Башири	109
2.2. Оценка роли и места периодики в жизни татарского общества	119

2.3. Вопросы религии и религиозности в контексте исторических перемен	123
2.4. Панорамная современность в цикле статей «Совет(лар) кӧнчыгышында» («На советском Востоке») .	128
2.5. Отражение национального своеобразия в очерках «Чувашлар» («Чуваши»)	135
Заключение	160
Литература	167
Приложение	177

Научное издание

Галимов Салават Фарагатович

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ ЗАРИФА БАШИРИ**

Редактор *А.А. Мартянова*

Компьютерная верстка *Л.Ш. Давлетишиной*

Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать: 16.11.2017.

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Формат: 60×84 1/16.

Усл.-печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 200 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

ООО "ТКС Контакт"

420021, Казань, ул. Г. Тукая, 91